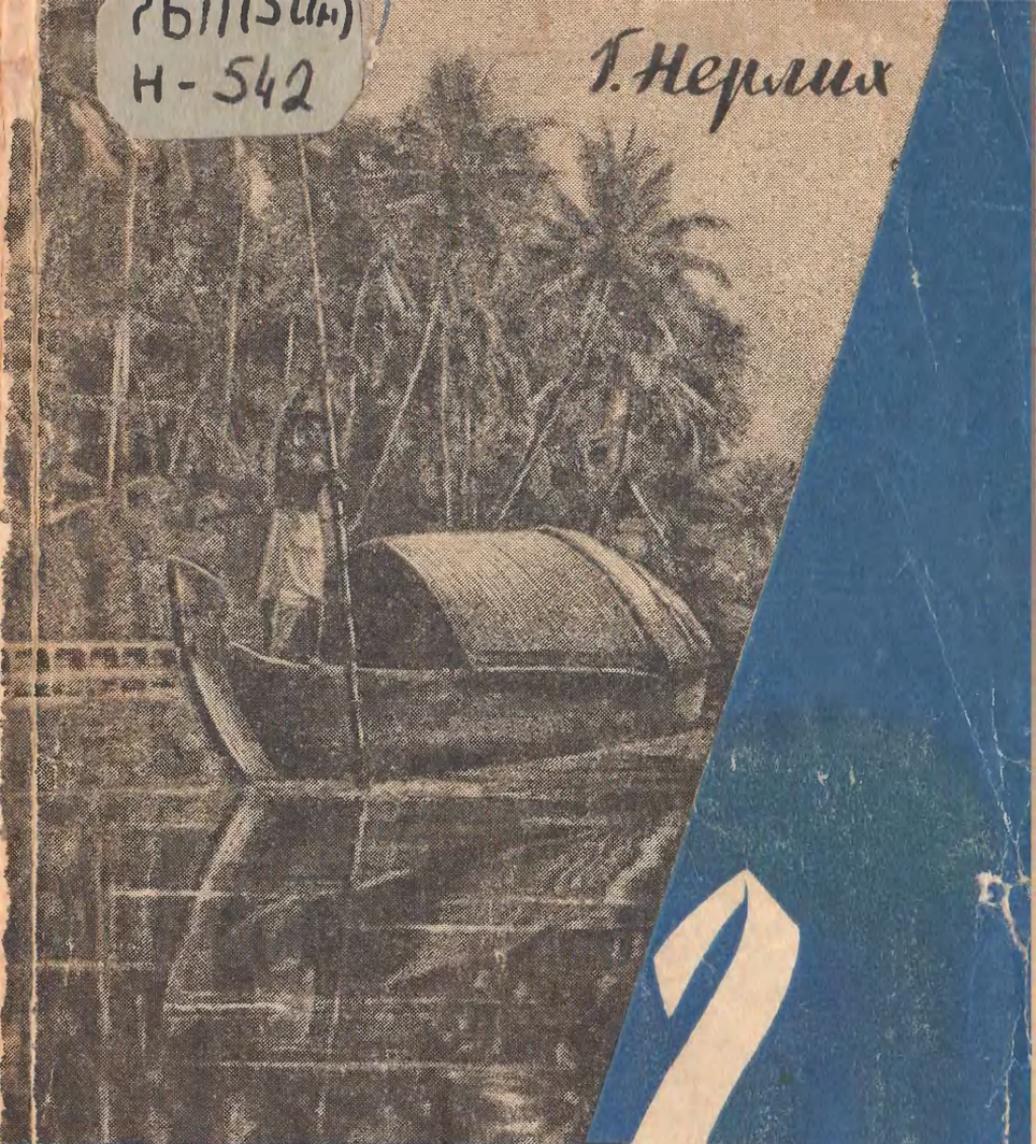

РБ111544)
Н-542

Г. Нерлих

... А

САНЗ

ТЕЧЕТ
ДАЛЬШЕ

Г. НЕРЛИХ

**...а Ганг течет
дальше**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

Сокращенный перевод с немецкого
Н. А. ДОЛДОБАНОВОЙ

Ответственный редактор
Г. Г. КОТОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Автор этой книги Гюнтер Нерлих — немецкий журналист, фото- и кинореporter. После окончания Института внешней торговли Нерлих в 1950—1954 гг. работал в Берлинском радиоцентре Германской Демократической Республики, а с 1954 г. — на Берлинской студии телевидения.

В 1956 г. по заданию студии Нерлих совершил длительное путешествие по Индии. Результатом этой поездки, помимо документального фильма, упоминаемого автором в предисловии, были две книги: великолепный фотоальбом «20 тысяч километров по Индии» (1957) и путевые записки, названные автором «...а Ганг течет дальше» и опубликованные в 1959 г. берлинским издательством «Нейес лебен».

Гюнтер Нерлих — неутомимый путешественник. После поездки в Индию он побывал в Колумбии, на Антильских островах, в Голландии. Особенно хорошо он знает нашу страну, где в 1958—1961 гг. работал корреспондентом Берлинской телестудии, для которой заснял пять фильмов об СССР.

Неутомимость в поисках яркого и оригинального материала органически сочетается у Нерлиха с тонкой наблюдательностью, острым и точным глазом репортера. И потому, думается, напрасны опасения автора, что советского читателя книга может не удовлетворить. Напротив, его привлечет яркий и живой рассказ Нерлиха о шестимесячном пребывании в Индии.

За последние годы советские читатели не раз побывали в этой замечательной стране вместе со многими путешественниками — учеными, писателями, художниками, журналистами. У нас издано немало талантливых книг о прошлом и настоящем Индии, о ее природе и культуре, жизни и борьбе ее народов. Книга Гюнтера Нерлиха также внесет много нового, свежего и оригинального в наше восприятие современной индийской действительности. Особенно интересны и обладают большой познавательной

ценностью зарисовки народного быта, жизни индийской деревни, проникнутые теплым юмором и большой симпатией к простому индийцу.

Мне посчастливилось почти в то же время, что и Нерлиху, побывать во многих местах, описанных им в этой книге, и поэтому особенно хочется отметить точность и объективность его наблюдений. Гюнтеру Нерлиху несомненно удалось уловить ритм пульса современной Индии, причудливое и противоречивое сочетание старого, отживающего, и нового в индийской действительности. И большой смысл заложен в словах автора, что воды Ганга, минуя древние гхаты Бенареса, ставшего символом Индии прошлого, текут дальше, туда, где высятся крыши и трубы промышленных новостроек страны, к бескрайним горизонтам будущего...

При переводе на русский язык из книги с согласия автора были исключены разделы, содержащие краткие экскурсы в историю и экономику Индии. Вряд ли они представляют интерес для нашего читателя, имеющего возможность познакомиться с довольно большой советской научной и популярной литературой по этим вопросам.

Помещенные в книге фотоиллюстрации заимствованы из упомянутого альбома Г. Нерлиха «20 тысяч километров по Индии».

Г. Котовский

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Может быть, я разочарую вас, советские читатели, но считаю своим долгом предупредить: вы берете в руки не научный труд с таблицами, статистическими выкладками и этнографическими исследованиями, представляющий собой важный вклад в индологию. Моя цель была гораздо скромнее — при помощи фотоаппарата и пера изложить впечатления от шестимесячной поездки по Индии, наиболее полно передающие ее современный образ. Поездка эта была предпринята по заданию телевизионного центра ГДР. Я посетил самые отдаленные уголки страны, где подчас видел то, чего вовсе не ожидал, и на основании путевых заметок создал документальный фильм для телевидения в четырех частях. В 1957 г. под названием «В автомобиле по Индии» он демонстрировался по советскому телевидению. Фильм имел успех, и вот это-то и побудило меня полнее рассказать о моих впечатлениях.

Для издания в СССР и для второго издания в ГДР я внес в рукопись важные коррективы в соответствии с теми экономическими и политическими изменениями, которые произошли в Индии после выхода книги в свет.

Многие путешественники пытались изобразить Индию так, будто в ее жизни решающая роль принадлежит религиозной мистике, а население живет по законам йогов, далеким от реальной действительности.

Я увидел в Индии нарождающуюся великую державу, которая создает собственную промышленную базу, строит атомные реакторы, самолеты, производит заводское оборудование, ведет решительную борьбу с голодом и нищетой. Ныне вся Индия пришла в движение, и страна, где веками все находилось в состоянии застоя, изменяется невиданно быстрыми темпами. Чтобы понять современную Индию, следует оглянуться на ее историю, изучить касты, познать всю глубину нищеты, остав-

ленной в наследие английскими колонизаторами, исследовать причины религиозных конфликтов и заглянуть в будущее страны, явственно намеченное в пятилетних планах.

Когда я возвратился в Бомбей — современный город, очень напоминающий любой европейский порт, спидометр машины показывал 20 тысяч километров. Мы проделали путь, равный половине протяженности экватора, нам приходилось страдать от пыли, москитов, жары — всех тягот и не перечести, — часто мы валялись с ног от усталости и с нетерпением подсчитывали, сколько километров еще осталось до конца путешествия, но за все пережитые нами лишения мы были вознаграждены непрерывно обновлявшимися захватывающими впечатлениями. Мне хочется надеяться, что чтение этой книги и для вас явится интересной поездкой в далекую Индию.

Г. Нерлих

Введение

С незапамятных времен неустанно катит Ганг свои могучие воды. На его берегах в Бенаресе, как и тысячи лет назад, толпятся паломники, совершающие омовения, суетятся торговцы, предаются размышлениям гуру *, вымаливают подавание мошенники-нищие. Здесь, отрешившись от всего земного, сидят верующие, устремив восторженный взор вдаль, здесь умершим индусам воздается последняя и высшая почеть — их тела предадут сожжению на костре, а пепел бросают в Ганг. На его берегах нежатся коровы, еще и сейчас окруженные ореолом святости. В водах Ганга отражаются роскошные, обильно украшенные золотом дворцы махараджей и жалкие лачуги бедняков.

Но Ганг течет дальше. Всего в нескольких километрах от Бенареса он пересекает совсем иной мир, пульс жизни которого определяется не барабанами и призывами жрецов, а трезвыми цифрами индийских пятилеток. Это промышленный район в штате Бихар. Он замечателен не только современными мартенами, прокатными станами, автомобильными и паровозостроительными заводами, угольными и железорудными шахтами, но и своими людьми. По мыслям и делам они неизмеримо ближе нам, чем фанатики из Бенареса. В Дели рядом с Красным фортом, построенным еще Моголами, рядом с шумными базарными улицами старого города выросли новые жилые кварталы с просторными белыми домами. Изящные в своей простоте здания служат наглядным доказательством того, что совре-

---

* Буквально: учитель. Здесь речь идет о странствующих индусских проповедниках. — Здесь и далее прим. ред.

менный архитектурный стиль может найти успешное применение в этих тропических широтах. А у устья Ганга лежит Калькутта, порт мирового значения и промышленный центр с миллионным населением, подчиняющийся только железным законам хозяйственного планирования.

Ныне вся Индия двинулась в том направлении, в каком течет Ганг. Через отрешенность факиров, преклонение перед святыми и мистицизм пробивается новое, жизнеутверждающее демократическое мировоззрение. Воды Ганга, в прошлом считавшиеся священными, сейчас стали объектом расчетов инженеров, заставляющих их производить электроэнергию и орошать поля. Два мира противостоят здесь один другому, сходства между ними как будто нет, и тем не менее оба они — неотъемлемые части великой, многообразной Индии. Поэтому, говоря, об этой стране, мы должны ответить на вопрос: тяготеет ли над ее огромными просторами дух минувших времен или же независимость принесла ее народу новый образ мыслей?

Мой рассказ о поездке по Индии и должен послужить этим ответом.

Путешествие в разные миры

В наши дни Индия и духовно и географически стала нам ближе. Когда Васко да Гама искал морской путь в Индию, какое рискованное и полное приключений путешествие пришлось ему совершить! Месяцами плыл он по океану, и не только искусство мореплавания, но и великая удача помогли ему в 1498 г. выстоять против бурь и достичь индийского субконтинента. Прошло четыре столетия, и после сооружения Суэцкого канала путь, пролежавший ранее вокруг южной оконечности Африки — мыса Доброй Надежды, сократился на тысячи километров. Но только после того, как паровые суда вытеснили парусники и вместо маленьких шхун появились океанские гиганты, путешествие в Индию стало требовать не месяцы, а недели, и опасные плавания превратились в поездки с ком-

фортом. Сейчас благодаря современному средству сообщения — самолету — путешествие из Европы в Индию продолжается менее одних суток.

Прошли уже времена, когда к поездке в Индию готовились, как к длительной экспедиции в холодные края. Достаточно взглянуть на карту, чтобы установить, что Дели расположен на той же широте, что и Каир, а самая южная часть Индии — мыс Коморин — находится, как и столица Абиссинии Аддис-Абеба, на восьмом градусе северной широты. Тропическую Индию можно объехать, имея при себе лишь легкий летний багаж, а тот, кто не собирается подниматься на Гималаи или возвращаться в наши широты глубокой зимой, может смело оставить дома свитер и теплое пальто.

Взятый самолетом с первых же минут темп не оставлял времени для глубоких размышлений. Вылетев с берлинского аэродрома Шенефельд, первую остановку мы сделали в Праге. Здесь нас ожидал четырехмоторный суперконстелейшн авиакомпании «Эйр Индия интернэшнл». Широкий размах крыльев и комфортабельные помещения самолета внушали доверие. Ему предстояло быстро и спокойно перенести нас по воздуху за 8 тысяч километров в Бомбей, став на ближайшие 20 с лишним часов нашим домом, столовой, читальней и клубом.

Знакомство с Индией началось уже в самолете со стюардессы — стройной смуглой красавицы из Пенджаба. По достоинству, с которым она держалась, можно было судить об изменениях, происшедших в древнем Бхарате* за последние годы. В начале полета она обратилась к пассажирам с приветствием и до прибытия к месту назначения опекала нас: знакомила с библиотекой, раздавала иллюстрированные журналы на различных языках взрослым и плюшевых медвежат — детям. Над Миланом на высоте 3 тысяч метров нам подали ужин: суп, шницель с овощами и жареным картофелем и компот. Можно было заказать себе пиво, вино, шампанское и даже настоящее английское виски, так как самолет летел из Лондона. В таких условиях начинаешь забывать высоту и дальность, тем более что

---

* То есть Индии.

расстояние до Бомбея сокращалось с каждым часом на 500 километров.

В дороге, когда под нами проплывала Греция, я познакомился с первым пилотом самолета, индийцем из Мадраса, и немедленно засыпал его вопросами. Он отвечал серьезно, но с легким юмором:

— Посмотрите на меня, если верить статистике, я уже больше не существую, так как в настоящее время средняя продолжительность жизни индийца — 25 лет, а мне уже исполнилось 37. Но надеюсь, это не последний мой полет. Что касается жизни в Индии, то в отличие от ряда стран она весьма многообразна и многоукладна. В Дели, например, жизнь совсем иная, чем, скажем, в деревне на берегу Ганга, а жителей Гималаев и Южной Индии разделяют не только тысячи километров: они живут еще и в разных мирах.

Такое вступление предвещало интересную беседу. Но вдруг сильный порыв ветра потряс самолет. На передней стенке кабины зажглась надпись: «Просьба всем прикрепиться к сиденью». Пассажиры заняли свои места и застегнули ремни, а мой индийский друг поспешил в кабину пилота: самолет попал в грозовую тучу. Мы поднялись на 7 тысяч метров и спокойно продолжали полет, а гроза осталась под нами. Благодаря герметической кабине большая высота совсем не ощущалась. Придав креслу из пористой резины наклонное положение, я заснул в нем, как в постели.

Когда я проснулся, часы показывали полтретьего. Мы приземлились на берегу Средиземного моря, в столице Ливана Бейруте, аэродром которого является важным узловым пунктом международных авиалиний. Пока самолет заправлялся, мы получили возможность в течение часа размяться на твердой земле, последний раз на пути в Индию. Нас обдало знойным воздухом, и выбор в ресторане между ледяным лимонадом и дымящимся кофе не составил затруднений. Впрочем, даже в прохладную погоду многие отказались бы от горького черного, как смола, напитка. Ливанская разновидность кофе, подаваемого на бейрутском аэродроме, готовится из двойной порции чрезвычайно крепкого мокко и вдвое меньшего, чем обычно, количества воды. Получается чересчур добротная смесь. Но этот горь-

кий экстракт составляет, конечно, достопримечательность и предмет гордости города, расположенного вблизи знаменитого местечка Мокка, по имени которого назван пряный напиток.

У входа в ресторан стояли полицейские в форме цвета хаки и неимоверно больших фуражках. Одного взгляда на их темные лица было достаточно, чтобы понять, что мы уже не в Европе.

Полетели дальше. Несмотря на позднюю осень, в четыре часа утра было светло, так как мы двигались на юго-восток, навстречу солнцу. Под нами расстилась холмистая в расщелинах местность, без единого деревца и кустика, без всякой растительности. Это Аравийская пустыня, страшная для тех, кто заблудится в ее безводных далях. Можно было только предполагать, как безжалостно палит над ней солнце, так как на большой высоте оно теряло свой жар. Внешняя температура равнялась 8 градусам мороза, и на крыльях самолета выступил иней. Тем приятнее было ощущать тепло, которое поддерживалось в самолете и даже заставило многих снять пиджаки.

Однообразие ландшафта под нами нарушали два черных штриха, протянувшиеся по пустыне: это шоссе, по которому двигались едва различимые автомобили, а рядом с ним нефтепровод, начинающийся на нефтепромыслах Аравии и заканчивающийся у моря, где жидкое золото перекачивают в танкеры.

Затем мы полетели над морем, бесконечным и однообразным, как пустыня, не менее безжалостным, чем ее пески. Нам предупредительно растолковали, как устроены спасательные пояса, показали надувные лодки, но все это служило слабым утешением. Чувство уверенности вселяли лишь четыре мотора самолета, работавшие бесперебойно.

Наконец настал желанный миг, когда стюардесса объявила:

— Пристегнитесь покрепче, через 10 минут мы приземлимся в Бомбее.

Все, словно по команде, прильнули к окнам и увидели клочок суши, ничем не отличавшийся от любого другого морского берега. Вскоре мы опустились на аэродроме с элинггами, световыми знаками и радар-

ными установками, точно такими же, какие мы видели в Берлине, Праге и Бейруте, а оформление виз, таможенная проверка и выдача багажа производились по общепринятым международным правилам.

Необычными были лишь темнолицые носильщики с тонкими руками, составлявшими резкий контраст с тяжелыми чемоданами, которые они тащили, своеобразный акцент, с которым чиновники объяснялись на английском языке, тропическая жара, обильно выжимавшая пот изо всех пор, и... время. Когда мои часы показывали 12, в Индии было уже полпятого. За 20 часов полета мы сократили сутки на четыре с половиной часа.

Поездка в город также не пробудила в нас былые иллюзии и позволила увидеть Индию с неожиданной стороны. Конечно, женщины были в длинных сари, изящно обвивавших их тела. Конечно, то тут, то там можно было встретить мужчин в тюрбанах и бросалось в глаза обилие белых костюмов и платьев, считающихся в тропиках признаком элегантности, так как они выгодно подчеркивают темный цвет кожи их владельцев. Но в остальном жизнь текла по асфальтированным улицам с поспешностью, обычной для всех больших городов мира.

По проспектам мчались машины, покрытые ярким лаком всех оттенков и сверкавшие хромированными частями. Полицейским с трудом удавалось регулировать поток движения, и напрасно я искал взглядом задыхающегося рикшу. Целые флотилии иностранных и индийских торговых кораблей стояли на якоре в идеальных естественных гаванях.

В предместьях города расположены крупные промышленные предприятия, благодаря которым Бомбей стал центром хлопчатобумажной промышленности, а прекрасные виллы на Малабарском холме свидетельствуют о том, что и в Индии владельцам и акционерам крупных предприятий живется неплохо. Вдоль улиц тянутся шестиэтажные жилые дома, бары, из которых обычно доносятся резкие звуки джазов, яркие витрины с товарами изо всех стран мира, изысканные рестораны-люкс, где цены сами по себе ограничивают круг посетителей, кинотеатры, вмещающие большое количе-

ство зрителей, огромные рекламы с призывно улыбающимися полуобнаженными красотками.

Автомобиль остановился перед отелем, внешняя элегантность которого подчеркивалась названием — «Амбассадор» *. Бой распахнул дверцу, слуги ринулись к чемоданам, дежурный, почтительно склонившись, провел меня в залитый светом холл. Я был быстро зарегистрирован и еще быстрее доставлен на лифте к лабиринту комнат, где слуга показал отведенный мне номер. Он объяснил, как действуют механизмы, призванные сделать жизнь приятной, — установка для кондиционирования воздуха, радио, вентилятор, — показал ванную и балкон и бесшумно исчез. Утомленный поездкой, я опустился в мягкое кресло, и мне померещилось, что я все еще в Германии, где угодно, но только не в Индии — «стране чудес».

Но уже следующее утро не оставило сомнений в месте моего пребывания. Началось с уборки. Вместо горничной появилась целая толпа мужчин в белых штанах и небрежно надетых навывпуск рубашках. Один мел, другой смахивал пыль, третий убирал постель, четвертый приводил в порядок ванную. Процедура эта была довольно медлительная. Каждый делал только то, что разрешалось его кастой и предписывалось обычаем. Ни больше, ни меньше, по строго определенному порядку, так, чтобы не унизить достоинство «убирающих постель» или «стирающих пыль».

Перед отелем меня сразу же окружила целая толпа нищих; едва мне удалось избавиться от них, раздав милостыню, как подбежали дети — полуголые, с ввалившимися щеками. Широко раскрытыми глазами они с мольбой смотрели на меня и твердили одну и ту же заученную фразу:

— Нет папы, нет мамы, сахиб, подай анну бакшиш.

При встрече вместо рукопожатия индийцы складывают ладони на уровне груди и произносят «намасте». А когда в ресторане вас встречает волна запахов пряностей и сладостей и вы видите, как посетитель ест руками необычную для вас пищу, вы начинаете понимать, что Индия все же страна далекая и незнакомая.

---

* Посольский (англ.)

Когда город меняет свой облик

Спросите нескольких человек о Дели, и вы услышите разноречивые ответы. Коммерческий директор «Эйр Индиа интернэшнл», летевший вместе со мной из Бомбея в Дели, сообщил, что полет длится около трех часов, что в индийской столице имеется «современный аэродром недалеко от центра города», и перечислил все современные отели. Сидевший рядом швейцарский турист, листая путеводитель, пытался убедить меня в привлекательности Кутб Минара, Красного форта, Джантар Мантара и мечети Джума Масджид, а в заключение лаконично заметил: «Остальное неинтересно». Его сосед задумчиво покачал головой: он предпочитал кафе или бар «Альпы», и его улыбка говорила о близком знакомстве с ресторанами, где можно получить виски. Наконец, индиец с гордостью рассказал о прекрасном городе-саде, который задуман как огромный ансамбль, раскинувшийся на большой территории, и уже сейчас составляет кусочек новой Индии. Мне же с самого начала довелось увидеть Старый и Новый Дели — историческую резиденцию Великих Моголов и недавно отстроенные кварталы — совсем иными, чем они вставали из рассказов моих попутчиков.

В те дни Дели напоминал лагерь беженцев. Куда бы вы ни взглянули — и в самых убогих переулках, и на аристократических проспектах виднелись похожие на палатки сооружения, дребезжащие повозки, коровы, груды домашнего скарба. А между ними — люди, задавленные нищетой и грязью, устало переговаривающиеся или в тупом молчании уставившиеся в одну точку. Их с опаской обходили обитатели ближайших вилл. Некоторые из несчастных расставили принесенные откуда-то кровати — деревянные рамы, переплетенные крест-накрест пеньковыми веревками, которые в окружающей обстановке производили впечатление «благополучия». Другие соорудили себе из тряпок, палок и кусков жести некое подобие лачуг — жилища нищих, составлявшие резкий контраст с расположенными поблизости белыми особняками богачей. Но в большин-

стве своем люди лежали прямо на земле, под серо-белыми бумажными тряпками, едва прикрывавшими наготу их владельцев. Это зрелище вызывало ужас и сострадание.

Я спросил шофера о судьбе несчастных. Он лишь пожал плечами:

— Наводнение! Это случается почти каждый год. После трех месяцев дождей, приносимых муссонами, многоводный Ганг и его притоки выходят из берегов. Крестьяне бегут в города и приносят с собой все, что им удастся спасти. На этот раз в Дели собралось, очевидно, около 20 тысяч беженцев.

Мы попытались спуститься к Джамне, притоку Ганга, на берегах которого расположен Дели. Но нам не удалось пройти: улица была перегорожена бочками изпод смолы, и полицейские никого не пропускали, так как внизу продолжал бурлить поток, заливший низинные части города.

В Дели все напоминало о разбушевавшейся стихии. Радио и газеты регулярно сообщали об уровне воды, каждый спрашивал себя, что будет завтра, а беженцы терпеливо ждали, когда наконец получат помощь и смогут вернуться к своим хижинам и опустошенным полям.

Пострадавшие толпились на большой площади. Их прибывало все больше и больше, и они молча становились в длинную очередь: еда для жертв наводнения — первая помощь правительства. Пока больше ничего им дать не могли — слишком много было беженцев, и не в одном только Дели.

Я заговорил об этом с экспертом правительства по сельскому хозяйству, и на его лбу сразу же появились морщины.

— Катастрофы от наводнений — одно из самых грозных бедствий для страны. С Гималаев в равнину низвергаются могучие потоки, волны, достигающие метра в высоту, со страшной силой разрушают все, что упорным трудом создал человек, вода заливают дома и поля. Крестьяне бессильны что-либо сделать и вынуждены бежать, чтобы спасти хотя бы жизнь, а их имущество уносит поток. Наводнения случаются так часто, уничтожают все так безжалостно, что многие

индийцы считают их явлением сверхъестественным и неизбежным. Однако современная техника в состоянии бороться с ними. Если построить вдоль Гималаев плотины и отрегулировать течение рек, то их можно будет держать в узде. Это, правда, обойдется во много миллиардов рупий — сумма, огромная для нашей страны, — но тем не менее правительство уже приступило к строительству. Конечно, сооружение плотин следовало начать гораздо раньше, но ведь само наше правительство образовалось только в 1947 г., а до этого мы были всего лишь английской колонией.

Не знал покоя и центр города. Толпы людей теснились перед большими отелями. Там разгорались и бурлили ожесточенные споры. Индийцы в белой форме кельнеров дежурили у входов и никого не пропускали внутрь. Плотные жалюзи на окнах были опущены, обычно оживленные холлы опустели, ни один автомобиль не останавливался у подъездов. Бастовали работники отелей, требуя платы отпусков и повышения жалованья до 60 рупий в месяц вместо 30. Вполне законные требования!

Полицейские подозрительно осматривали каждого, кто приближался к бастующим. Время от времени они угрожающе размахивали огромными бамбуковыми палками, такими же длинными и тонкими, как их ноги, торчавшие из коротких штанов. На стенах висели красные флаги, лозунги и наскоро написанные транспаранты с требованиями рабочих. С ограды перед зданием отеля «Мейденс» какой-то индеец обращался к собравшимся со взволнованной речью. Звучали аплодисменты, призывы, возгласы одобрения и, как какой-то рефрен, монотонный голос полицейского: «Проходите, не останавливайтесь». Гостеприимная надлись «Плавательный бассейн» продолжала зазывать в парк, как будто ничего не случилось, но там не было ни души. На время забастовки делийским богачам пришлось отказаться от послеобеденного купания в кафельном бассейне и коктейлей под пальмами.

Так сразу же, в первый день, мы увидели роскошь и нищету Дели, попали в самую гущу проблем, волнующих всю Индию. Некогда высокоразвитая система регулирования рек при колонизаторах пришла в упа-

док, и теперь благосостояние целых областей находилось в зависимости от капризов природы — засухи и наводнения. Миллионы крестьян не имели даже жалкого клочка земли, в городах заработная плата была так ничтожно мала, что на нее едва можно было существовать, а миллионам людей, лишенным даже этого заработка, приходилось нищенствовать. Такого тяжкое наследие британского колониального владычества, доставшееся правительству Индии, когда в 1947 г. оно взяло на себя управление страной. Многие с тех пор уже изменилось к лучшему, но потребуются годы, десятки лет упорного труда всех индийцев, пока можно будет устранить безземелье, создать оросительную систему и обеспечить работой все население.

Я переночевал в «Гранд-отеле», одной из немногих гостиниц, удовлетворивших требования бастующих. Он, правда, не так комфортабелен, как отель «Амбассадор» в Бомбее, но зато расположен в стороне от городского шума и пыли.

Номера примыкали непосредственно к парку; дверьми к ним служили проволочные сетки. Такие же сетки на окнах открывали воздуху доступ в помещения, а на постелях вместо одеял лежали простыни. Но и они казались липкими от жары. Только когда действовал огромный вентилятор на потолке, знойный воздух становился немного терпимее.

Большая светло-желтая ящерица, которая быстро переползла со стены на потолок, привела меня в ужас. Словно персонаж из сказки, на которого не действуют законы земного тяготения, геккон уверенно передвигался по гладкой поверхности, как говорят, «головой вниз». Прибежавший на мой зов слуга, ничуть не удивившись, с успокоительной улыбкой заметил:

— Не беспокойтесь, в Индии они повсюду.

Он оказался прав. В Гималаях, на Юге Индии, в Калькутте и Мадрасе — повсюду я видел этих бойких пресмыкающихся. Они весьма миролюбивы, не причиняют никакого вреда человеку и даже приносят пользу: ловят комаров, как кошки — мышей. А поскольку в этом жарком поясе москиты значительно большее зло, чем серые грызуны для нас, с пребыванием гекконов в доме охотно мирятся. Когда в конце путешествия я

увидел в бангалурском отеле швейцарца, испуганно указывавшего на геккона, я мог с полным убеждением заверить его:

— Не беспокойтесь, в Индии они повсюду.

На Чандни Чок

У того, кто решил съездить в Старый Дели, возникает естественное желание обставить поездку подобающим образом. Поэтому я нанял викторию — двухколесный экипаж с балдахином, прекрасно гармонирующий с экзотической суতোлкой улиц. Кучер — индеец в дхоти — заверил меня, что трудно найти более подходящего человека для такой поездки, который говорил бы по-английски и к тому же отлично знал свое дело.

Он, действительно, отлично знал, на что способна его лохматая кляча, — а это, право же, было не много — изучил самые отдаленные уголки города, а главное, умел правильно оценивать своих пассажиров: моментально определил, что я приезжий, и запросил поэтому втридорога. Когда я попытался запротестовать, кучер поднял шум и не унимался до тех пор, пока его требования не были удовлетворены.

В Старом Дели я сразу окунулся в пестрый мир базара, сотканный из пряных запахов, звуков, людей и вещей. Теснота и давка были такие, будто эта улица единственная в городе. Казалось, дома вот-вот задавят людей. Даже на тротуаре совсем не оставалось места. Там сидели торговцы с корзинами и мешками, стояли тележки, кое-кто спал, невзирая на шум, а какой-то прорицатель говорил о загробной жизни. Чандни Чок, почтенная торговая улица древнего города Моголов, была оживлена, как в далекие исторические времена. Роскошные магазины нового города оспаривали у нее славу, но здесь, если поторговаться, по-прежнему можно было купить дешевле, чем в других местах.

В суতোлке я вначале не обратил внимания на дома, в страшной тесноте и беспорядке громоздившиеся по обеим сторонам улицы. Они, как правило, двухэтаж-

ные и почти все выделяются очень большими зарешеченными балконами, нависшими над лавками. Балконы закрывают фасады домов и выступают вперед так далеко, что, кажется, могут опрокинуть здания. Ночью они служат прохладными спальнями, а днем защищают комнаты от палящих лучей солнца. Здесь могут жить только те, кто в состоянии платить от 150 до 200 рупий в месяц. Это недоступно даже для специалистов, месячный оклад которых составляет от 60 до 90 рупий. Трудовой люд — носильщики, кули и резчики — селится в маленьких хижинах пригорода, где многодетные семьи ютятся в одной комнатухе. Дома на Чандни Чок предназначаются, очевидно, только для контор, бесчисленных магазинов и квартир их богатых владельцев.

На Чандни Чок магазины, лавки, киоски, торговцы буквально наступают друг на друга. В одном ряду десятки магазинов тканей, столько же обувных лавок и такое множество ювелирных заведений, словно их изделия являются предметом первой необходимости. Тут же находятся лавки, где можно купить часы, самопишущие ручки, сласти, радиоприемники, фрукты, патефонные пластинки, ножи, изделия из кости, и, конечно, множество магазинов, торгующих сари. Предложение явно превосходит спрос. Но удивительное дело, даже при отсутствии покупателей здесь трудятся не покладая рук: что-то измеряют, взвешивают, перекаладывают с места на место.

Особую неутомимость проявляют торговцы, чтобы завлечь к себе покупателей. Все вокруг шумит, кричит, заывает. Торговец галстуками старался, помимо моей воли, повязать мне на шею один из кричащих галстуков, надеясь, что тогда я его куплю. Какой-то тощий индеец молча сунул мне в руку записку и остановился в выжидательной позе: директор «Дворца шелка» имел честь пригласить меня в свой магазин. Записка была написана на хорошем английском языке, как, впрочем, и большинство вывесок в старом и новом городе, названий улиц, реклам и афиш. Зачем писать на хинди, языке жителей Дели? Ведь тогда приезжие — индийцы из других районов страны и иностранцы — не смогут ничего прочесть, по-английски же не говорят лишь те,

кто не имеет денег. А деловой мир базара ориентируется на платежеспособных клиентов.

Толстый, как Будда, хозяин «Дворца шелка» спросил, что я хочу выпить (а не что я хочу купить), усадил меня в кресло и только тогда с бесконечным терпением начал разворачивать передо мной рулоны тканей, наваленные горами. «Все первоклассного качества и к тому же сверхдешево». При этом он назвал баснословно высокую сумму. Цены на Чандни Чок зависят не только от внешнего облика магазина и качества товаров, но и от предполагаемого достатка покупателя. С непривычных к базарным нравам иностранцев, как правило, запрашивают вдвойне и втройне. С индианки, зашедшей в магазин вслед за мной, торговец потребовал за предложенную мне ткань вдвое меньше, а когда она хотела уйти, еще больше умерил свой аппетит. И все это в порядке вещей, так как на базаре принято торговаться и уступка на 50 процентов предусмотрена заранее. Запрашивать больше — вполне естественно, продать дорого — признак деловитости и считается не обманом, а честью для торговца.

На улице толпа людей непрестанно росла, толчея и давка увеличивались. Даже велорикши с их легкими трехколесными повозками на двоих пассажиров и те с большим трудом расчищали себе дорогу. На автомобиле никто не обращал ни малейшего внимания, им то и дело приходилось останавливаться из-за людских заторов. Езда со скоростью 10 километров в час здесь была бы опасной для прохожих, и нам приходилось буквально продираться сквозь толпу, непрестанно сигналивая и окликая зевак. При этом никаких споров не возникало. Те, кого мы окликали, изумленно смотрели на шофера, но в препирательства не вступали. Да и что можно сказать неразумным людям, которые хотят проехать по Чандни Чок на автомобиле?

Вагоновожатым единственной в Дели трамвайной линии еще труднее, чем шоферам. Ведь трамвай не может сойти с рельсов и уступить дорогу людям. Он оглушительно трезвонит, и производимый им шум, а также внушающие уважение размеры чаще всего заставляют делийцев выйти из состояния неподвижности. Но нашелся такой остряк-парикмахер, который,

Старый Дели. Чандни Чок

расположившись на рельсах со всем своим нехитрым инвентарем — бритвами, ножницами, кисточками, — не обращал никакого внимания на звенящий и гроыхающий железный ящик. Только закончив брить клиента, он поднялся с победоносным видом и снисходительным жестом разрешил трамваю проехать. Даже добродушные индийцы возмутились и наградили брадобрея сердитыми взглядами и замечаниями.

Среди уличных торговцев, рикш, погонщиков быков и нищих бродили коровы, почитаемые здесь священными животными. Они тем более не проявляли ни поспешности, характерной для обитателей больших городов, ни почтения к современным средствам передвижения. С невозмутимым спокойствием ложились они на рельсы и замирали в неподвижности перед машиной, вытаращив на нее глаза. В полном сознании своей неприкосновенности шествовали эти некоронованные королевы по улицам, двигаясь среди человеческого потока так непринужденно, словно они находились на пастбище.

На Чандни Чок возвышается зажатый между домами и магазинами храм сикхов Тэдж Бахадур. К этой религиозной общине принадлежит всего лишь около шести миллионов индийцев, из коих большинство проживает на северо-западе страны — в Пенджабе и Дели.

Большими группами собираются они перед храмом, совершают омовения в двух больших мраморных чашах, стоящих перед входом, ополаскивают руки, лицо и ноги, чтобы войти в святилище чистыми если не с точки зрения требований гигиены, то ритуала.

Бородатый человек в тюрбане предложил мне, прежде чем переступить порог храма, снять, по обычаю сикхов, обувь и покрыть голову. В углу большого зала с массивными мраморными колоннами и серебряными украшениями сидел на корточках священнослужитель и монотонно бормотал в микрофон молитву. Со свистом и шипеньем вырывалась она из рупора громкоговорителя. Верующие вторили, также сидя на корточках, некоторые лежали на мраморном полу, а иные отбивали поклоны гробу мученика Тэдж Бахадура — одного из

руководителей сикхов, обезглавленного могольским падишахом Аурангзебом за отказ принять ислам.

Религия сикхов одна из самых молодых на земном шаре. Она появилась в XVI в. Ее основоположник Нанак вовсе не имел в виду создание новой веры, а стремился лишь примирить индусов и мусульман. В объединении индуизма коренного населения и ислама завоевателей он видел путь к прекращению распрей между приверженцами обеих религий. Но в результате возникла новая религия — сикхизм. От ислама сикхизм воспринял веру в единого бога и отказ от учения о кастах, от индуизма — веру в переселение душ. Священное писание сикхов — Ади Грантх отвергает аскетизм, а труд считает наилучшим способом служения богу. Оно призывает оказывать почет тем, кто научился жить и сумел защитить себя на войне. Это учение немало способствовало тому, что сикхи преуспевают больше, нежели приверженцы какой-либо другой религии, — в армии, например, они занимают высшие посты. В Дели сикхи пользуются репутацией самых отчаянных водителей такси.

Даже в многолюдной и пестрой уличной толпе сикха можно безошибочно узнать по островерхому цветному тюрбану и по пышной бороде. И тюрбан, и борода — дань не экстравагантной моде, а требованиям веры. Религия сикхов запрещает стричь волосы, и тюрбан сдерживает массу волос, не давая ей падать на лоб. Многие сикхи, накручивая бороду на проволоку, укладывают ее валиком вокруг подбородка.

Джай Сингх, другой сикхский гуру, фанатичный боец против мусульманских угнетателей, запретил своим последователям стричь волосы и бороду до тех пор, пока не будет уничтожен последний мусульманин. Вы должны быть не учениками (сикх), а львами (сингх), — поучал он, требуя, чтобы сикхи постоянно имели при себе кусок стали, который напоминал бы им о борьбе против мусульман. Сейчас вместо куска стали каждый сикх носит на левой руке стальное запястье, но оно воспринимается как проявление элегантности, а не воинственности.

Сикх верен пяти «К»: кес — длинные волосы, кач — длинные штаны, кара — стальное запястье, кирпан —

кинжал, канга — гребень в волосах. Это не мешает сикхам довольно хорошо одеваться в сравнении с другими индийцами — они, например, никогда не носят дхоти. Но при любом костюме тюрбан — неизменная принадлежность их туалета.

Одеваются в Индии не по парижским и лондонским модам, а согласно древним обычаям и религиозным предписаниям. По внешнему виду индийца часто можно узнать, из какой провинции он происходит, какую религию исповедует, к какой касте принадлежит. Только в больших городах мужчины отступают от некогда строгих правил и из соображений светскости или иного рода носят европейскую одежду. Женщины же остаются верны своему традиционному одеянию. Редкое исключение составляют только жительницы Калькутты и Бомбея.

Широкие белые штаны — шальвары — и рубашка навывпуск — национальная одежда жителей холодных областей Северной Индии и Пенджаба. Кашмирцы предпочитают узкие белые штаны — чуридар — и длинный сюртук до колен. Это платье получило широкую известность благодаря Неру, который происходит из Кашмира. К кашмирскому платью полагается еще маленькая белая шапочка, так называемая шапочка Ганди, хотя он ее никогда не носил*. Одежда жителей Кашмира стала как бы формой многих членов партии Индийский национальный конгресс из других областей.

Наибольшее распространение получило одеяние индийских крестьян — дхоти. Ганди ходил в дхоти, их еще и сейчас можно встретить в Индии почти повсеместно. Дхоти — кусок белой хлопчатобумажной ткани, свободно облегающий бедра, завязывающийся в разных провинциях по-разному. Они, правда, не отличаются особой элегантностью, но очень удобны и практичны в тропическом климате и именно поэтому, очевидно, сохранились до наших дней. Малабарские крестьяне на южном побережье страны обертывают бедра материей так, что получается нечто вроде малайского саронга.

---

* По другой версии. «гандийская шапочка» — это часть арестантской формы в тюрьмах колониальной Индии, и члены Конгресса стали носить ее в знак протеста против колониального режима.

Существует мнение, будто тюрбан — непременно деталь в одежде индийца. На самом деле тюрбан обязательен только для сикхов. Он очень распространен среди раджастанцев, и по тому, как завязан тюрбан, можно определить положение и даже профессию его владельца. Остальные индийцы носят тюрбан различной формы, а часто обходятся и вовсе без головных уборов.

У мусульман популярны каракулевые шапки. В этом отношении, очевидно, нет никаких общих правил, и при выборе головного убора индийцы руководствуются в основном местными обычаями, личными вкусами и, конечно, климатическими условиями. В больших городах тюрбан в какой-то мере изжил себя, считается «несовременным» и встречается сравнительно редко.

Одежда индийских женщин — сари — представляет собой кусок ткани, часто тончайшей, шириной в метр и длиной от 5 до 10 метров. Чтобы надеть сари, правильнее сказать, завернуться в него, требуется большое умение и опыт, так как сари не имеет ни кнопок, ни крючков, ни завязок. Один угол полотнища засовывается под пояс нижней юбки или под кушак, ткань укладывается вокруг тела многочисленными складками, а оставшийся конец обвивается вокруг верхней части тела и перекидывается через плечо. В городах индианки надевают под сари короткие прилегающие блузки. Для бедных крестьянок груботканые сари — большей частью единственная одежда, которую не снимают до тех пор, пока она не истлеет.

Индианкам не приходится тратиться на портних, но в вопросах туалета они не менее притязательны, чем остальные женщины мира. Индийская модница не станет каждый день носить одно и то же сари, да к тому же под этим названием может скрываться и простой ситец, и драгоценная шелковая ткань с прекрасным орнаментом или золотым шитьем стоимостью в сотни и тысячи рупий. Как видите, в этом отношении Индия ничем не отличается от других стран, с той лишь разницей, что мужей с озадаченными лицами можно встретить не у портних, а у продавцов сари. Наряды, которые индийские женщины, словно волшебницы, создают из простого куска ткани, так разнообразны, испол-

нены такого изящества и достоинства, что сари по праву считается самой прелестной одеждой в мире.

На улицах Дели наряду с сари встречается и национальный пенджабский костюм. Он, пожалуй, удобнее сари, так как состоит из широких штанов и надетого поверх них пестрого прилегающего платья с разрезами по бокам на китайский манер. Тончайшая шаль — главная деталь одежды, помогающая женщине из Пенджаба подчеркнуть свою индивидуальность.

В труднодоступных для транспорта узких переулках Старого Дели, где могут пройти лишь пешеходы, я видел нескольких застенчивых, пугливых мусульманок. Не тщеславным женским кокетством, а мужской ревностью рождено их одеяние. Белое, без украшений платье наподобие мешка, так называемая бурка, полностью скрывает фигуру и лицо женщины — все, что придает ей красоту. Даже руки спрятаны под этим белым балахоном, ниспадающим до самых пят, и только на уровне глаз сделаны небольшие прорезы, в которых нет-нет да и блеснут глаза. Но теперь в городах можно встретить свободомыслящих мусульманок, убеждения которых отразились на их внешнем виде: они уже не закрывают лица*.

Со временем чадра и замужество несовершеннолетних станут в Индии редкими явлениями, и наши внуки с удивлением будут о них читать.

В стороне от шумной Чандни Чок начинается квартал ремесленников. Лишь наиболее преуспевающие из них владеют настоящей мастерской, остальные же располагаются со своими инструментами прямо на улице.

У входа в дом сидел токарь по дереву. Он наносил дугообразную резьбу на кусок дерева и стальным острием искусно гравировал орнамент. Рядом слесарь разбирал велосипед и раскладывал его части вокруг себя. А посреди улицы пылали древесные угли, из которых кузнец вытаскивал раскаленные куски железа и стучал по ним молотом. То, что своими тонкими, как стебельки, руками он мог поднимать тяжеленный молот, казалось величайшим чудом делейского базара.

---

* Следует отметить, что во многих местах Индии мусульманки вообще не носят чадры.

Здесь можно встретить людей в темных костюмах, за которыми следуют слуги с зонтами, прикрывая их от солнца. Это «ученые мужи», владеющие грамотой. Они направляются в район адвокатов, писцов и пишущих машинок, весьма популярный в Дели. Ведь в городе, как и во всей Индии, столько безграмотных! И как обойтись без помощи писца или адвоката, когда надо послать кому-нибудь письмо или написать прошение! Только единицы могут пока еще сделать это сами.

Было бы естественным предположить, что при бедности населения адвокаты вряд ли могут похвастать обширной клиентурой. Ничуть не бывало. Потомство у индийцев, как правило, многочисленное, завещания составляются очень редко, и постоянно возникают споры из-за наследства. Вымогательство ростовщиков и задолженность крестьян также создают более чем достаточно поводов для конфликтов и судебных тяжб. Не удивительно, что адвокаты наживают целые состояния.

Среди калейдоскопа вывесок мое внимание привлекла одна, красовавшаяся над невзрачной на вид мастерской. Вывеска внушала прохожим, что здесь... «Дворец слоновой кости». Владелец «дворца» Шри Рамчанди превозносил совершенство резьбы по слоновой кости своих мастеров и усиленно приглашал воочию убедиться в этом. И действительно, то, что скрывалось за неприглядным фасадом, превзошло все ожидания. Восемь резчиков, трудившихся в убогой хибаре с раннего утра до поздней ночи, превращали бивни слонов в изящные, невесомые, словно сотканые из воздуха фигурки и великолепные филигранные изделия. Они создавали бесценные шедевры, которые в ожидании покупателей пылились на полках в полумраке мастерской. Миниатюрные слоны соседствовали здесь с более внушительными изображениями богов. Вдохновением художника могучий бивень длиной в 2 метра был превращен в подлинную поэму из кости, воскресившую прелестную легенду о Раме.

— Все, что находится здесь, — с гордостью пояснил Шри Рамчанди, — создано не по образцам и шаблонам, а проникновенным видением наших мастеров, умеющих чувствовать и творить красоту.

Я переходил в этой необычной лавке-музее драгоценностей от одного образца к другому, затрудняясь, какому из них отдать предпочтение. И все же мое сердце покорило слон махараджи. Восьмидесятилетнему Тету Сингх Шармаху удалось передать в этом творении роскошь и богатство недавних властителей Индии. Слово маг, старик вдохнул жизнь в бесформенный бивень, превратив его в полное движения, изящества и красоты произведение искусства. Слоны и все многочисленные детали изделия, в том числе и качающиеся колокольчики, были выпилены из одного куска слоновой кости. Редкий художник достигает такого совершенства, но и оно не принесло Тету Сингх Шармаху ни счастья, ни богатства. Почти ослепнув, он вынужден был продолжать неустанно трудиться, чтобы заработать несколько рупий на пропитание семьи. Я не мог не думать об этом, когда Шри Рамчанди, прощаясь со мной, усаживался в свой элегантный автомобиль.

Праздник богов

Ежегодно в октябре по всей Индии празднуется Рамлила. Главное торжество наступает 26 октября, но празднование начинается задолго до этого дня. Почти за неделю до Рамлилы я пришел на таможенную, чтобы отправить посылку в Берлин, но служащий торопливо и несколько укоризненно произнес:

— К сожалению, ваша посылка не может быть отправлена. Мы закрываемся. Разве вы не знаете, что у нас праздник!

Я попытался отправить посылку через авиакомпанию «Эйр Индия интернэшнл»; здесь тоже сожалели, что ничем не могут помочь. В помещение почты мне даже не удалось войти. Я только слышал, как повернулся ключ в скважине замка и раздраженный голос с упреком произнес:

— Почта не работает. Праздники.

Предусмотрительно выждав неделю после праздничной суматохи, я снова отправился на таможенную. На этот раз на накладной были сделаны необходимые отметки,

поставлены штемпеля и печати, но, вручая ее мне, чиновник предупредил:

— Получите бланк в банке, но поторопитесь, чтобы успеть отправить посылку до праздника.

Я был настолько обескуражен, что едва вымолвил:

— Опять праздник?

— Да, большой праздник сикхов. А разве вы не знали?

В Индии на праздники не скупаются. Едва закончится праздник индусов, как наступает праздник сикхов, а за ним нескончаемой чередой тянутся торжества мусульман, джайнов, буддистов и христиан. Люди различных вероисповеданий на время забывают свои, казалось бы, неразрешимые разногласия и все праздники справляют совместно, во всяком случае в эти дни никто не работает. А так как у каждой религии не только свое учение, но и свои праздники, не проходит месяца, чтобы что-нибудь не отмечали; не забываются и различные государственные торжества, об этом уже заботятся власти.

Хотя все, что связано с индуизмом, кажется нам таинственным и торжественным, Рамлила — веселый праздник, немного напоминающий маскарад или карнавал. С 16 по 26 октября ежедневно через Старый Дели двигалось маскарадное шествие, воссоздававшее историю индийской «Одиссеи» — «Рамаяны». На запряженной волами повозке артисты исполняли эпизоды из этого героического эпоса. Оркестр, отчаянно фальшивя, играл на помятых инструментах вальсы Штрауса. В центре процессии находились герои «Рамаяны» — принц Рама и его прекрасная жена Сита.

Легенда о Рама — древнейшее народное сказание, созданное в IV в. до н. э. Автором 24 тысяч двестишестидесяти героического эпоса был, по-видимому, легендарный поэт Вальмики, хотя его авторство, как, впрочем, и авторство легендарного творца «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, оспаривается. Многие утверждают, что Вальмики вообще никогда не существовал. Но ни у кого не вызывает сомнений, что «Рамаяна» с ее сочным языком и проникновенной любовной лирикой относится к выдающимся творениям мировой литературы. Хотя «Рамаяна» проникнута мистицизмом, благодаря яркому описанию

обычаев она дает известное представление о жизни Индии в эпоху ее создания.

26 октября на огромной площади между Старым и Новым Дели собрались после полудня сотни тысяч людей. Здесь праздничное шествие должно было закончить свой путь.

Поодаль были раскинуты большие шатры, украшенные цветными портретами святых и фигурами богов. Набожные индусы клали перед ними бананы, апельсины, кокосовые орехи — жертвоприношения голодных людей сытым богам, созданным силой их воображения. Все с нетерпением ожидали начала представления о жизни и странствиях принца Рамы.

Но вот прибыл премьер-министр Индии Пандит Неру. Среди всеобщего ликования он поднялся в повозку, запряженную священными коровами, и объехал на ней площадь. Его большой бьюик стоял в стороне, никто не обращал на него ни малейшего внимания. Что автомобиль для индийцев, которые так почитают коров?!

Уже эта первая встреча с замечательным государственным деятелем Индии произвела на меня незабываемое впечатление. Все в его облике и манере держаться выдавало в нем мыслителя. Как всякий впечатлительный человек, он легко приходил в волнение и иногда даже слегка раздражался, если шум усиливался или ему уж очень досаждали. Выражение его лица красноречиво свидетельствовало о врожденной добродушии, что не мешало премьер-министру быть порой и резким. Неру держался просто и скромно, и тем не менее вы сразу чувствовали, что перед вами один из интереснейших государственных деятелей нашего времени, сумевший завоевать любовь и уважение не только индийцев, но и мировой общественности...

Трем картонным фигурам высотой с небольшой дом — злодею Раване и обоим его братьям-демонам — предстоял печальный удел: воспламениться и сгореть на фоне бледного вечернего неба. Для лучшего эффекта их туловища были набиты горючей смесью, чтобы, вспыхнув, они рассыпали во мгле мириады искр. И когда их постигло возмездие, радость толпы была безграничной. Добродетельный Рама и его жена Сита — символы до-

броты — еще раз победили грозных тиранов. Праздник закончился так, как того желал каждый. Добро восторжествовало над злом!

История в камне

Стрane, которая дорожит развитием туризма, необходимо иметь достопримечательности, и в Индии их бесчисленное множество. При внимательном изучении туристских справочников в них можно почерпнуть немало интересных сведений об истории страны и, в частности, о замечательных сооружениях, свидетельствующих о былом величии Индии, древней культуре и одаренности ее народа.

Одно из них — Кутб Минар — возвращает нас ко времени индийского средневековья и мусульманского завоевания. Семидесятипятиметровая башня из пещаника, подобно скале, возвышается над морем руин, словно ненароком окружающих ее. Некогда это был единый ансамбль. Галерея и своды большой мечети султана Мухаммеда Гхори обрушились, но гигантский минарет, сооруженный в честь победы, не только уцелел, но настолько хорошо сохранился, что кажется, будто его построили совсем недавно.

Как и на всех строениях мусульман, на этой тяжелой каменной башне нет статуй. Она украшена орнаментом, изречениями из корана, написанными трудно поддающимися расшифровке древнеарабскими письменами. Все сооружение проникнуто глубокой гармонией и создает впечатление устремленности ввысь. Если по 378 ступеням узкой винтовой лестницы взобраться на платформу башни, то сооружение покажется еще более величественным и смелым. Отсюда открывается вид на Дели, реку Джамну, окрестные поля и знаменитую железную колонну, с высоты напоминающую маленькую тонкую спичку. Пористая, без единого украшения, она при ближайшем рассмотрении вызывает чувство разочарования, которое сменяется восхищением, как только вы узнаете, что в течение вот уже полутора тысяч лет она подвергается действию ветра и непогоды — и не

ржавеет. Это живое свидетельство того, что индийские кузнецы еще в глубокой древности умели изготавливать легированную сталь, созданную в Европе на много веков позже.

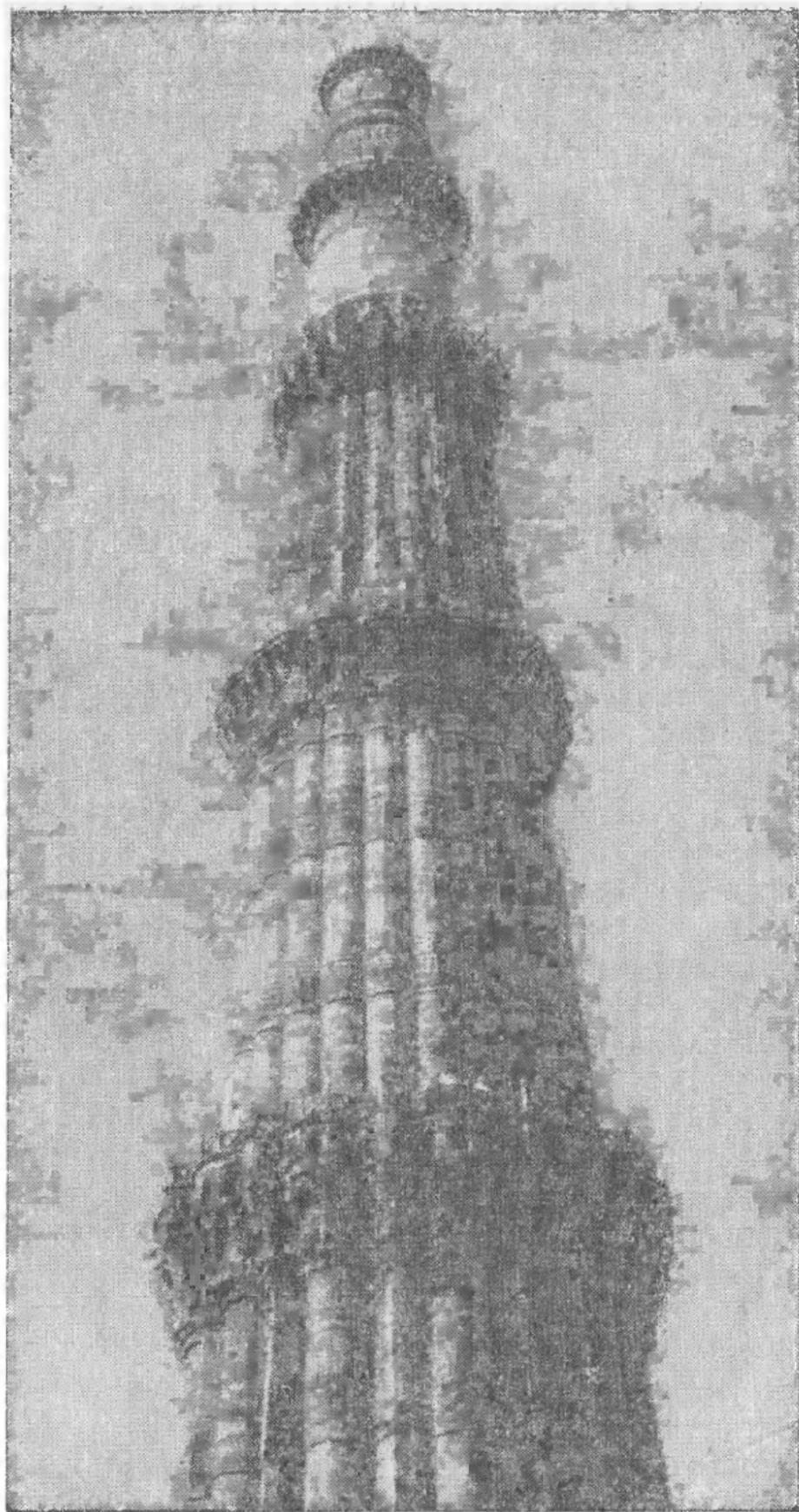
В центре Дели возвышается гигантская мечеть из красного песчаника — самая большая в стране и одна из крупнейших во всем мусульманском мире. Когда вечером муэдзин призывает к молитве, десятки тысяч верующих собираются в ее внутреннем квадратном дворе и, обратившись лицом к востоку, восхваляют аллаха. Днем сюда приходят любопытные; сняв башмаки и вручив привратнику бакшиш, они получают право любоваться архитектурой арок, волосом из бороды пророка, его сандалиями и текстом главы из корана, которую он якобы сам продиктовал.

Как и мечеть, Красный форт был построен по приказу могольского падишаха Шах-Джахана. Он обнесен высокой каменной стеной, глядя на которую трудно предположить, что за ней скрывается сказочный по красоте и великолепию сад, искрящийся фонтанами и богато украшенный портиками.

Прошли века после смерти Шах-Джахана. Золотые и серебряные украшения, придававшие сооружению блеск и красоту, расхищены, исчезли и драгоценные камни, богатым бордюром окаймлявшие мрамор. Впечатление запустения и заброшенности производит Красный форт. Большую часть его мечетей и дворцов снесли англичане, чтобы освободить место для казарм.

И все же Красный форт бесспорно относится к достопримечательностям страны. Он привлекает и индийских, и иностранных туристов, ибо здесь разворачивались важнейшие события истории Индии. Он служил резиденцией Великих Моголов, которые объединили страну и создали гигантскую империю. Англичане превратили царскую резиденцию в военную крепость и сделали ее оплотом своего владычества. А когда в 1857 г. сипаи поднялись против иноземного ига, они осадили англичан в Красном форте и тем самым подали сигнал к народному восстанию.

С тех пор и поныне Красный форт является символом освободительной борьбы индийского народа. Знаменательно, что именно здесь 15 августа 1947 г. была

Кутб Минар (1220 г.)

провозглашена независимость Индии, и индийский государственный флаг впервые взвился над Красным фортom. У его ворот начался для индийцев новый период в их жизни.

Восьмой Дели

Лишь немногие столицы мира имеют столь древнюю и бурную историю, как Дели. Город был основан на берегу реки Джамны еще задолго до нашей эры и назывался Индрапрастха. Он преграждал путь в долину Ганга, лежащую между пустыней Тар и Гималаями. Все, кто стремился проникнуть в плодородную низменность — раджпуты, афганцы, турки, персы, маратхи, моголы, — осаждали город, овладевали им, превращали его в руины или возводили заново.

Семь раз не знавшие жалости враги разрушали храмы, дворцы и городские стены, семь раз Дели превращался в пепел. Восьмой Дели возник в наши дни. Английский король Георг V во время государственного визита в Индию в 1911 г. объявил, что местопребывание британских властей следует перенести из Калькутты в древнюю историческую столицу. Два английских архитектора и бесчисленное множество индийских рабочих трудились в течение 17 лет, чтобы создать такое архитектурное сочетание восточного и западного стилей, которое выглядело бы индийским и в то же время отражало претензии англичан на власть.

Так на открытой равнине рядом со старым городом возник Новый Дели с правительственной резиденцией, торговым центром и жилыми кварталами. Он построен не вокруг исторического центра Дели, а на почтительном расстоянии от него, как будто не имеет с ним ничего общего. И по своему облику обе части выглядят, как два совершенно различных города. Старый Дели подавляет перенаселенностью, загрязненностью, архаичностью — это скорее клокочущий и шумный базар. Новый Дели, расположенный всего в нескольких минутах езды от Старого, напротив, представляет собой хорошо спланированный город-сад с прямыми широкими улицами, идеально круглыми площадями, просторными бульва-

рами. В нем множество административных дворцов и вилл, утопающих в сочной зелени. И все же он лишен теплоты и уюта. Не в пример другим столицам мира Новый Дели производит впечатление безлюдного города, по которому нельзя судить о жизни страны.

В январе 1931 г. состоялось официальное открытие Нового Дели. Все присутствовавшие могли любоваться дворцом вице-короля и зданием колониального правительства, на строительство которых были израсходованы горы красного песчаника и белого мрамора. После провозглашения независимости в бывшей резиденции колониальных властей разместились новое индийское правительство и президент Индийского Союза доктор Раджендра Прасад. Впервые в круглое здание бывшего законодательного собрания вступили свободно избранные народом депутаты индийского парламента. Наиболее сильной партией в парламенте является богатый традициями и опытом Национальный конгресс, образовавший правительство во главе с премьер-министром Джавахарлалом Неру. Второй по силе и влиянию партией является коммунистическая. Она поддерживает мирную внешнюю политику буржуазного правительства, основанную на пяти принципах сосуществования, и добивается проведения последовательных мероприятий в области хозяйственного строительства, которые дали бы крестьянам землю и обеспечили бы быстрое развитие промышленности.

После провозглашения независимости 15 августа 1947 г. Индия и отделившийся от нее Пакистан получили наконец статус доминиона в рамках Британского Содружества наций. 26 января 1950 г. Индия отказалась от статуса доминиона и провозгласила образование независимой республики. Это был еще один шаг на пути укрепления самостоятельности. Должность генерал-губернатора, продолжавшего и после 1947 г. представлять в Индии английскую корону, была упразднена.

По новой конституции Индия является союзом 15 равноправных штатов и 6 управляемых из центра территорий, образованных на основе бывших провинций и княжеств. Как правило, в каждом штате преобладает население, говорящее на одном языке (в Индии 14 ос-

новых языков). Каждый штат имеет собственный парламент и правительство, которые пользуются относительной самостоятельностью при разрешении местных вопросов. Проблемы внешней политики, обороны, финансов, хозяйственного планирования, имеющие общегосударственное значение, относятся к компетенции центрального правительства. Таким образом, несмотря на федеративное устройство, Индийский Союз, по размерам площади превосходящий всю Западную Европу, а по численности населения — обе части Америки, является сравнительно централизованной республикой.

Деловой центр Нового Дели сосредоточен на площади Коннаут, расположенной рядом с правительственными кварталами. От нее во всех направлениях лучами расходятся широкие проспекты. Середину этой огромной площади занимает прекрасно разросшийся парк, а края ее огибает кругообразная арочная галерея лавок и контор. Прежде эти торговые заведения обслуживали живших в Дели английских чиновников, теперь же они ориентируются на местных дельцов, индийских государственных чиновников, иностранных дипломатов и отягощенных долларами туристов. Все здесь к услугам избранного общества. Магазины застеклены и привлекают красочностью витрин, примерка обуви производится в салоне с искусственным климатом. Продавцы изысканно вежливы и неизменно обращаются к покупателям со словом «сэр». Зато платить приходится вдвое больше, чем на шумной Чандни Чок. Торговаться считается здесь признаком дурного тона.

В Новом Дели нет кустарей и тем более промышленных предприятий. Это искусственно созданный административный центр огромных размеров, с малочисленным населением и невероятно большим количеством вилл. Едва ли во всем мире найдется еще одна столица с такой низкой плотностью населения, как в Новом Дели. Разумеется, на его широких улицах протяженностью в несколько километров никогда не бывает заторов транспорта. Разбросанность Нового Дели заставляет людей ходить до полного изнеможения, и человек без автомобиля чувствует себя здесь совсем беспомощным.

Но это мало беспокоит коммерсантов и дипломатов, составляющих большинство населения города. Они рас-

Кавалеристы на верблюдах на военном параде 26 января 1960 г.
в честь десятилетия со дня провозглашения Индийской республики

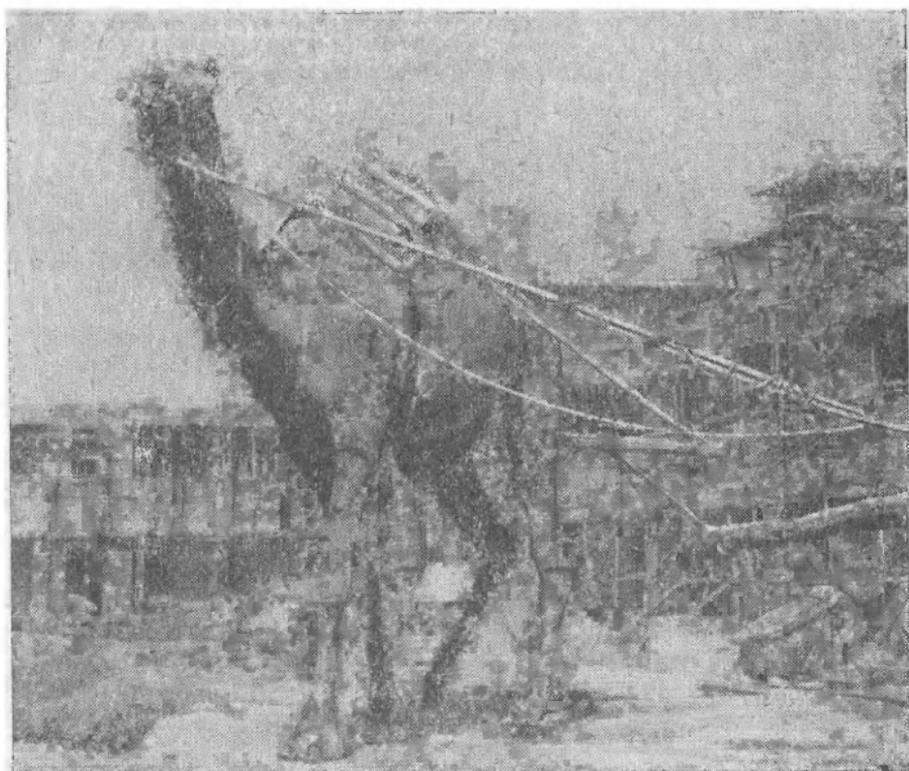
полагают многочисленным обслуживающим персоналом и современными автомобилями иностранных марок.

Правда, в городе много такси. Это малолитражные машины, преимущественно отечественного производства. Их, как и повсюду на земном шаре, узнают по белой полосе вокруг кузова и в отличие от других стран по отчаянной скорости и полному пренебрежению водителей-лихачей к дорожным знакам и светофорам. В последнем им, пожалуй, не уступают водители грузовых автомашин.

Что касается городского транспорта, то на первых порах даже не догадываешься о его существовании — настолько редко он курсирует по положенным ему маршрутам. Хотя на остановках вывешено расписание, никто на него не смотрит. Больше вероятности выиграть по трамвайному билету, чем хоть раз в указанное время сесть на громыхающую машину автобусной «Компании Рамы». Если тем не менее все приходит на службу к положенному времени, то это объясняется тем, что одни остаются ночевать на работе, а другие добираются пешком или на велосипедах.

Лишь тот, кто не бывал в Индии, может считать, что только Дания страна велосипедов. Плотной массой по 5, 6 и даже 10 в ряд движутся двухколесные машины утром и вечером вдоль улиц. Широкие проспекты становятся улицами с односторонним движением. Все для его величества велосипедиста. Да и что можно сделать, если рамы, спицы и колеса с резиновыми шинами, днем нагроможденные перед административными зданиями, оживают после конца рабочего дня и превращаются в тысячи машин, хозяева которых кратчайшим путем спешат к дому. В это время шоферы безропотно уступают им дорогу.

В глазах пешехода владелец двухколесной машины не просто велосипедист. Велосипеды свидетельствуют об определенном благосостоянии, и на их обладателей взирают с известным почтением. Многие из них едут под блестящими сатиновыми зонтиками и походят на циркачей. Иногда на велосипедах передвигаются целыми семьями, причем жена, как правило, занимает место на багажнике. Это единственная возможность совео-

Строительство еще ведется примитивными методами

шать совместную прогулку, так как из-за узкого сари женщина не в состоянии сама крутить педали.

Новый Дели непрерывно растет, и ему есть куда расширяться. Только за последние годы возникли целые кварталы с такими звучными названиями, как Сундар Нагар — Красивый город, Винай Нагар — Город смирения, Джанпура — Город знания. Рядом с ними пустыри, правда, уже поделенные на улицы и площади, но еще не застроенные. Когда-нибудь обитатели отдельных домов, выросших здесь недавно, окажутся в центре нового района.

Строительную площадку можно издали опознать по лесам, гудам камней, верблюду с шорами на глазах, непрерывно шагающему по кругу и вращающему ворот примитивного водоподъемного сооружения, при помощи которого стройка снабжается водой. Водопроводов так же мало, как кранов и лифтов, и ручной труд преобладает над машинным. Ничего не поделаешь — отечествен-

ное машиностроение только создается и, чтобы не терять времени, приходится вести строительство примитивными средствами.

Строившийся квартал я осматривал в сопровождении инженера Парсана Кумара. Квартал состоял из 30 раскинувшихся на большой площади домов, частично уже готовых к заселению. Строились они правительством для государственных чиновников. Напрашивался вопрос: почему они заложены так далеко от центра?

— В городе, — пояснил Парсан Кумар, — высокие цены на землю очень повысили бы стоимость строительства. Да и квартирная плата там не по карману простым индийцам, даже если они и чиновники: двух- и трехкомнатные квартиры с ванной и кухней стоили бы от 150 до 200 рупий в месяц; здесь же квартирная плата составит не более 10 процентов ежемесячного дохода будущих жильцов, то есть от 10 до 15 рупий.

Таким образом государственное строительство будет способствовать не только смягчению жилищного кризиса, но и повышению реальной заработной платы, а со временем заставит городских домовладельцев снизить свои требования.

Каменщиков-сикхов, игравших, естественно, главную роль на стройке, обслуживала целая армия подсобных рабочих, неустанно сновавших взад и вперед. Они носили воду, мешали цемент, таскали камни и очень громкими возгласами подбадривали друг друга. Мужчины в развевающихся дхоти наполняли водой для растворомешалок мешки из козьих шкур, переброшенные на кожаных ремнях через плечо. Женщины подносили камни. Тачку им заменяла собственная голова, на которой укладывалось пирамидкой 10—12 кирпичей. Кроме того, работницы, как правило, таскали с собой своих малышей и с таким двойным грузом ловко взбирались по шатким лесам из бамбука.

Растворомешалки — единственные механизмы в этом мире примитивного ручного труда — выглядели здесь инородными телами. Парсан Кумар и его коллеги-инженеры, казалось, были не совсем убеждены в целесообразности применения на стройке механизмов.

— Машины прежде всего очень дороги, а денег у нас нет; им нужна электроэнергия, а она имеется

**Женщинам, работающим на стройке,
тачку заменяет голова**

только в больших городах, да и то в недостаточном количестве; в случае поломки машина простоит несколько дней, а то и недель, пока приедет монтер и придут запасные части. С рабочими дело обстоит гораздо проще. Недостатка в них нет, труд их обходится дешево. Но в Индии жизнь идет вперед, и недалеко время, когда машины станут рентабельны и необходимы. Это уже сейчас доказывает пример отдельных больших строек, в частности плотины Бхакра-Нангал.

Встреча с Неру

Стоило мне предъявить пригласительный билет на прием, как обычно плотно закрытые двери дворца президента гостеприимно распахнулись, стража отдала честь, а швейцар услужливо провел меня по бесконечным коридорам. По широкой мраморной лестнице я поднялся в большой зал, имевший торжественный вид. Гости непринужденно расхаживали, собирались группами и вели те полуофициальные беседы, которые избавляют от необходимости добиваться делового приема у высокопоставленных чиновников или присутствовать на продолжительных заседаниях. Здесь я познакомился с директором государственного паровозостроительного завода в Читтаранджане, рослым сикхом, пригласившим меня посетить его предприятие.

Слуги с красными шарфами, в расшитых золотом ливреях и высоких тюрбанах разносили легкие закуски и прохладительные напитки. В стороне был устроен буфет, где предлагался богатый выбор мороженого, пирожных и фруктовых соков. Любителям «спиртного» пришлось довольствоваться апельсиновым соком. Отсутствие вина и виски отражало официальную точку зрения правительства на употребление алкоголя. В отдельных индийских штатах спиртные напитки уже не продаются, и этот запрет предполагается распространить на всю Индию.

Сверху, с галереи, раздались звуки национального гимна «Джанаганамана». В зал вошли президент республики доктор Раджендра Прасад, вице-президент док-

гор Радхакришнан и премьер-министр Джавахарлал Неру. Как и обычно, президент выглядел жизнерадостным и добродушным. Обликом он напоминает крестьянина и на собеседника неизменно производит глубокое впечатление ясным и живым умом. Глава государства когда-то был видным адвокатом, и это помогает ему в его государственной деятельности.

Джавахарлал Неру присел в стороне на скамью. Говорят, что он не любит большого шума и торжественных церемоний, а предпочитает тихую беседу в узком кругу. Его поведение на приеме соответствовало этому мнению. Пандит Джавахарлал Неру снискал себе славу искусного оратора. Его публичным выступлениям чужды внешние эффекты и жесты, он покоряет слушателей железной логикой, ясной и простой манерой изложения. Я слушал Неру на открытии Международной торговой ярмарки в Дели. Речь его скорее напоминала дружескую беседу с гостями, чем официальное выступление перед торговыми представителями всего мира.

Внешне Неру больше походит на поэта, чем на государственного деятеля. Его изящно очерченное лицо выдает глубокую любовь к искусству. Оно носит также следы обременительных забот по руководству многонациональным государством, населенным людьми с различными вероисповеданиями, языками и обычаями.

Повсюду, где появляется Неру, — в маленьких деревнях и больших городах, среди крестьян, рабочих, ученых, — его встречают с искренней радостью и глубокой симпатией. Он пользуется всеобщим почетом как вождь освободительной борьбы, руководитель партии Индийский национальный конгресс, посвятивший жизнь борьбе за новую Индию. Став выдающимся политическим деятелем, Неру не утратил прирожденной сердечности. Он умеет радоваться запаху цветка, красоте поэзии, улыбке ребенка и всегда находит для простых людей дружеское слово или разумный совет.

Джавахарлал Неру родился в Кашмире 14 ноября 1889 г. в богатой семье. Его отец Мотилал Неру был преуспевающим адвокатом и в течение многих лет вместе с Ганди руководил Национальным конгрессом. Как было принято среди знати, Джавахарлала послали учиться в Англию. В 20 лет он сдал экзамены по курсу

естественных наук в Кембридже и занялся юриспруденцией. В 1912 г. Неру вернулся в Индию с дипломом юриста и поступил на службу в Верховный суд. Вскоре под влиянием отца и Махатмы Ганди он примкнул к движению за независимость и впоследствии стал одним из выдающихся руководителей Национального конгресса.

Англичане разгадали в молодом, смелом и исключительно умном политическом деятеле опасного противника. Его неоднократно арестовывали. Свыше 11 лет провел Неру в английских тюрьмах, но это не сломило и не запугало его. Время вынужденного политического бездействия в тюремной камере он использовал для самообразования и анализа путей развития Индии. В заточении Неру написал «Автобиографию», «Открытие Индии» и «Обзор мировой истории».

Пребывание Неру в Европе в середине двадцатых годов оказало большое влияние на формирование его идей о будущем свободной Индии. До этого Неру целиком находился под влиянием Ганди. Теперь он познакомился с научным социализмом, сблизился с социалистическими кругами и руководителями движения за независимость колоний и в 1927 г. стал одним из основателей «Лиги борьбы против империализма и колониального порабощения» в Брюсселе. Сам Неру оценивает этот период следующим образом: «Мое мировоззрение стало более широким, и национализм в собственном смысле слова казался мне определенно узкой и недостаточной доктриной. Политическая свобода, независимость, без сомнения, имели существенно важное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли свободно развиваться»*.

После возвращения в Индию Неру возглавил левое крыло Национального конгресса, которое на съезде в Мадрасе в 1927 г. выдвинуло требование полной независимости от англичан. Ганди считал тогда такое требование преждевременным и резко критиковал его. Но события в стране развивались вопреки прогнозам Ган-

---

* Дж. Неру. *Автобиография*. М., 1955. стр. 185.

ди. В 1930 г. индийский народ вновь поднялся против произвола англичан и, не довольствуясь более тактикой пассивного сопротивления, перешел к активным методам борьбы. Тем самым взгляды руководимого Неру левого крыла Национального конгресса на положение в стране и пути ее развития нашли себе подтверждение в действиях масс.

В те годы становилось все яснее, что Неру по многим вопросам придерживается иных взглядов, нежели Ганди, что, несмотря на глубокое уважение к нему, Неру разделяет далеко не все принципы гандизма. В частности, он в промышленности видел силу, которая способна обновить Индию. Он отрицал выдвинутое Ганди «ненасилие» как всеобщий принцип, и, что особенно важно, ему был чужд религиозный мистицизм. «Официальная религия, — писал он в „Автобиографии“, — неизменно превращается в организацию, преследующую своекорыстные интересы, и таким образом неизбежно становится реакционной силой, противостоящей изменениям и прогрессу»*. В идеологии Ганди, основанной на религиозных убеждениях, Неру разглядел прославление бедности и страдания: «Я вовсе не считаю их желательными и полагаю, что их следовало бы уничтожить»**.

Работы Неру написаны простым красивым языком, выгодно отличающимся от выпренности, пафоса и пустой риторичности писаний некоторых индийских авторов. Книги Неру дают представление о том, как и под чьим влиянием кристаллизовались его взгляды. Без сомнения, в первую очередь следует назвать Ганди. Но марксизм-ленинизм также воздействовал на формирование его мировоззрения, и Неру сам об этом пишет: «Изучение Маркса и Ленина оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете. Практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление»***.

Неру считает, что в настоящее время перед Индией не стоит задача социалистической революции в марк-

* Там же, стр. 398.

** Там же, стр. 533.

*** Дж. Неру. *Открытие Индии*. М., 1955. стр. 24.

систском понимании этого слова. Под социализмом он понимает высший уровень демократии и благосостояния, не видя при этом непреодолимых преград, которые ставят на пути к их достижению капиталистические общественные отношения. Несмотря на такую ограниченность Неру, его страстный гуманизм и приверженность делу мира завоевали ему любовь и симпатии не только индийского, но и всех народов мира. Неру справедливо считают одним из выдающихся государственных деятелей нашего времени. Его политика направлена на индустриализацию страны и на превращение Индии в передовую, высокоразвитую державу. Этой задаче подчинены пятилетние планы Индии, которые разрабатываются по образцу советских пятилеток.

И все же Неру далеко не утопист-мечтатель, склонный забывать о конкретных условиях и возможностях своей страны. Эту черту его характера подметил Ганди, который сказал, что Неру добивается для своей страны только того, что представляется ему достижимым. Будучи реальным политиком, он приспособляет свои возвышенные идеалы к окружающим обстоятельствам, но неизменно старается действовать соответственно этим идеалам.

Внешнеполитическая концепция Неру основана на принципах мира. Он выступает за мирное разрешение всех спорных международных проблем путем переговоров, и его посреднические предложения немало способствовали окончанию войны в Корее и Вьетнаме. Неру стремится к дружбе со всеми народами. Притязания американцев на мировое господство он отвергает так же решительно, как в свое время осудил Гитлера, итальянских и испанских фашистов. По поводу империалистической агрессии против Египта в 1956 г. он заявил: «В моей внешнеполитической деятельности я никогда не встречался с более классическим примером неприкрытой агрессии». Неру выступил с резким осуждением Португалии, которая удерживала индийские земли (Гоа, Даман, Диу) *, а когда в Гоа была расстреляна мирная

---

* 18 декабря 1961 г. правительство Республики Индии направило в Гоа, Даман и Диу свои войска, которые освободили население этих районов от господства португальских колонизаторов.

демонстрация индийцев, он, будучи министром иностранных дел, порвал с Португалией дипломатические отношения.

Индия поддерживает дружественные отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Неру принимал активное участие в созыве Бандунгской конференции, на которой азиатско-африканские народы решительно выступили против колониального угнетения и приняли пять принципов мирного сосуществования, разработанных Неру и Чжоу Энь-лаем. Эти принципы легли в основу внешнеполитического курса ряда азиатских государств, которые отвергли всякие связи с американским блоком и ныне образуют зону мира. В том, что Индия соответственно значению ее великого народа играет важную роль на международной арене, не последняя заслуга принадлежит Пандиту Джавахарлалу Неру.

Горный край — яблоко раздора

Всего лишь несколько часов продолжается поездка от Дели до Гималаев. В пути вас окружают пальмовые рощи и банановые плантации, привычное ухо уже не реагирует на крики попугаев и обезьян, в низовьях Ганга взору открываются бескрайние просторы равнины, и вот у подножия Гималаев вы оказываетесь в совсем ином мире. Увенчанные снежными колпаками точно меховыми шапками, стоят великаны, возвышающиеся на 4, 6 и 8 тысяч метров. Два из них совсем близко: Нанга-Парбат — высотой 8125 метров и Джомолунгма (Эверест) — самая высокая в мире гора, достигающая 8882 метров. Это короли Гималайского массива, величайшей горной цепи. Многие поколения альпинистов мечтали добраться до их вершин, но до сих пор это удалось лишь единицам, хотя не одна экспедиция нашла свою смерть в вечных снегах.

В нескольких километрах отсюда находится Кашмир, но поездка в пятнадцатый штат Индийского Союза сопряжена с известными трудностями. Возле Лаканпура дорогу преграждает шлагбаум, а полицейский требует разрешения на въезд.

До недавнего прошлого Кашмир славился только шерстяными тканями и коврами. В октябре 1947 г. он внезапно оказался в центре международных событий, и сообщения об этом отдаленном уголке земли запестрели во всех газетах мира. Вскоре после разделения Индии на два самостоятельных государства — Индийский Союз и Пакистан — Кашмир стал театром военных действий между ними. Западная печать с подозрительной быстротой нашла истоки конфликта в религиозной нетерпимости. Но даже неискушенному читателю было очевидно, что зеленым знаменем ислама прикрываются подлинные вдохновители конфликта и что их следы ведут к иностранным разведкам.

После раздела Индии Кашмиру, как и прочим индийским княжествам, было предоставлено право самому решать — присоединиться к Индийскому Союзу или Пакистану или остаться самостоятельным. Махараджа — индус, правивший мусульманами, ибо они составляют основное население Кашмира, — медлил с решением. Не исключено, что он лелеял мысль о самостоятельном Кашмире, но заигрывал с обеими заинтересованными сторонами в надежде выкачать из них как можно больше денег. А денег нужно было бесконечно много, так как некоторые его любовные приключения обходились в миллионы рупий.

Чтобы понять, откуда владетельные князья брали такие огромные суммы, достаточно заглянуть в хижинки бедняков Кашмира. Крестьяне отдавали своим правителям все, что имели, вернее сказать, князья обирали их, как говорится, до нитки. Не удивительно, что, когда грозной осенью 1947 г. Кашмир подвергся нападению, ненавистный своим подданным махараджа Хари Сингх в страхе перед народным возмездием покинул дворец, не забыв, впрочем, захватить с собой свое «скромное» имущество. 48 военных машин везли за ним следом ковры и драгоценности, золото и серебро, и, уж конечно, государственную казну.

22 октября 1947 г. патанские племена — афридии, махсуды, моманды — под командованием Кули-хана вторглись из Пакистана в Кашмир. В их руках было не допотопное оружие, отнюдь нет. Английские и американские агенты оснастили банды самой современной воен-

ной техникой. Это не помешало главнокомандующему пакистанской армией английскому генералу Мессервею и губернатору северо-западной пограничной провинции сэру Джорджу Кэннингхэму во всеуслышание заявить, что они ничего не знают об инциденте. Даже когда в действие были введены регулярные части пакистанской армии, они все еще продолжали твердить о «бурлящей мусульманской душе».

Взгляните на карту, и истинные причины кампании против Кашмира станут вам ясны. Кашмир — край со скудными природными ресурсами, неплодородной землей и малочисленным населением (около четырех с половиной миллионов жителей). Не богатств искали те, кто рвался к Кашмиру. Этот клочок земли стал кое-кому таким желанным только в силу его стратегического положения. Ведь всего в нескольких километрах от него находится Таджикская Советская Социалистическая Республика, а вся восточная часть страны граничит с народным Китаем, в частности с Синьцзяном. Кашмир представляет собой идеальную военную базу для операций наземных и воздушных сил. Отсюда американцы рассчитывали осуществить, если им понадобится, вмешательство в дела Китайской Народной Республики.

Уже через пять дней, 27 октября, банды из «страны правоверных», как звучит в переводе слово «Пакистан», стали лагерем в 10 километрах от Сринагара. В Кашмире сразу же после бегства махараджи патриотические силы образовали Народную партию, которая взяла на себя управление страной. Ее вождь и глава временного правительства шейх Мохаммед Абдулла, сын владельца фабрики шалей, незадолго до описываемых событий освобожденный из тюрьмы, обратился к Индии с просьбой об оказании военной помощи. В то же время бежавший махараджа подписал пакт о присоединении Кашмира к Индийскому Союзу.

В Сринагар самолетами были переброшены индийские войска, которые через несколько дней оттеснили агрессоров. 1 января 1949 г. было заключено перемирие в этой необъявленной войне, которая стоила жизни 50 тысячам человек. Но кашмирский вопрос еще и по сей день не урегулирован, и третя края с одной пятой насе-

ления находится под властью Пакистана. Кашмир остался очагом военной опасности, яблоком раздора между Индией и Пакистаном.

Политический горизонт страны Гималаев вновь затмили тучи, когда Эдлай Стивенсон, бывший в ту пору кандидатом в президенты США, нанес визит премьер-министру шейху Абдулле. «Нью-Йорк таймс» в номере от 5 июня 1953 г. раскрыла содержание их семичасовой беседы. Газета опубликовала карту Кашмира, на которой он был разделен на три области. Намечалось, что Джамму и Ладакх отойдут к Индии, северная и восточная провинции — к Пакистану, а расположенная в центре большая долина под Сринагаром образует новое «независимое» государство Кашмир. Абдулле было обещано солидное вознаграждение в долларах, и, как вскоре выяснилось, он не устоял перед соблазном. Но заговор был раскрыт, шейх Абдулла — арестован, а новым премьер-министром стал руководитель правящей партии — Национальной конференции — Бакши Гулям Мохаммед.

Гулям Мохаммед заключил с Индийским Союзом конвенцию: Кашмиру гарантировалась полная автономия в составе Союза и предоставлялось право выбора главы штата. В начале 1957 г. новая конституция вступила в силу. Кашмир, ставший неотъемлемой частью Индийского Союза, опередил другие штаты с точки зрения социальных преобразований: там безвозмездно экспроприрована помещичья собственность, проведена реформа школьного образования, создана государственная кустарная промышленность. Красное знамя с белой сохой — знамя освободительной борьбы — с осени 1947 г. развевается над испещренной ущельями горной страной как символ новых начинаний.

На крутых перевалах

Была уже полночь, когда мы остановились перед упомянутым выше шлагбаумом возле Лаканпура. К нам приблизилась напоминавшая привидение фигура в странном одеянии, наводившая на мысль скорее о

средневековом разбойничьем налете, чем о пограничном контроле. Неожиданно хорошая английская речь, приветливая улыбка и вежливая просьба предъявить документы быстро развеяли наши сомнения. Только ночная прохлада повинна в том, что бравый пограничный чиновник превратился в бесформенную груду шерстяных одеял с мохнатой шапкой наверху.

Другие повстречавшиеся нам в пограничном пункте кашмирцы всем своим видом как бы подчеркивали, что их штат по сравнению с другими штатами Индии находится в более холодной зоне. В руках у них были корзинки с глиняными мисками, наполненными пылающим древесным углем. Что и говорить, зрелище весьма впечатляющее — только и ждешь, что дымящийся человек вот-вот загорится. Но ни едкий дым, выбивавшийся из-под шерстяных одеял, ни опасность обжечься нисколько не волновали кашмирцев. Они были очень довольны этим переносным отоплением и, дружелюбно улыбаясь нам, грели над огнем пальцы.

Пограничный чиновник, заносивший данные о приезжих в объемистую книгу, поразил меня вопросом:

— Что это такое — Берлин?

— Это город, откуда я приехал.

— А где Берлин находится?

Когда я пояснил, что Берлин — столица Германской Демократической Республики, он на мгновение задумался, затем старательно начертил печатными буквами: «Берлин». Хотя он при этом улыбнулся, я не был уверен, что мои объяснения ему понятны. Одно мне стало ясно — в Кашмире мы еще не раз столкнемся с неожиданностями.

Джамму, бывшая маленькая столица одноименного маленького княжества, которое относится к Кашмиру, в эту ночную пору была так безлюдна, что казалась вымершей. Напрасно стучались мы в двери домов в надежде получить пристанище. Даже в отеле, не утруждая себя выяснением причин настойчивого стука в двери, просто спустили косматых дворняг, чтобы те навели на улице порядок. Таким же негостеприимным оказался и государственный дак бунгало*.

---

* Дом для приезжих.

А ведь этот город — важнейшая станция автобусов и грузовиков на пути между Сринагаром и другими центрами Индии. Здесь обычно предоставляют ночлег сотням людей, но к таким поздним посетителям, какими оказались мы, относятся без всякого сочувствия. Да и стоит ли изменять своим привычкам ради одного европейца и двух индийцев — высоченного шофера-сикха (1 метр 91 сантиметр) с черной бородой, по имени Гарварлах Сингх, и маленького полного пенджабца Кульдипа. На нас просто не обратили никакого внимания, и в конце концов мы покинули город, где нас встретили пустынные улицы, запертые двери и лающие собаки.

Было уже три часа ночи, когда мы наконец смогли расположиться на ночлег в Удампуре. Это потребовало от нас непосредственного знакомства с государственным дак бунгалом, каких в Индии тысячи. Администратор, поживающий индеец, освещая путь фонарем, провел нас в низкую холодную комнату. Он назвал ее спальней, но, кроме незастеленной кровати и умывальника, в ней ровно ничего не было. Впоследствии мы останавливались во многих дак бунгалом — их еще называют в Индии «домами приюта» — и могли убедиться, что все они на один лад. В лучшем случае в комнате стоят стол и стул, но постелей на кроватях нет. Отправляясь в путешествие по Индии, нужно брать с собой не только полотенце и зубную пасту, но и матрац, одеяло и прочие постельные принадлежности.

Ночлег стоил рупию, но служитель поспешил сообщить нам, что завтрак в плату не входит:

— У нас только ночуют, а не питаются.

— Все, что нам нужно, — это ломтик хлеба, кусочек масла и чай.

— К сожалению, западных блюд, — он подразумевал европейскую пищу, — в гостинице нет.

Только после того как мы подкрепили нашу просьбу щедрыми чаевыми, он отправился на рынок и закупил все необходимое.

Поехали дальше, если наше продвижение можно было назвать ездой. Мы радовались, когда за час нам удавалось преодолеть 15 километров. Шоссе, проложенное в горах индийской армией всего несколько лет на-

зад, напоминало штопор, так узки были повороты и так круто оно взвивалось вверх. Что может произойти, если откажет тормоз или рулевое управление, можно было себе представить по валявшимся глубоко в ущелье обломкам автомобилей. Они служили немым предупреждением слишком торопливым путешественникам.

Впереди нас громыкала длинная колонна размазанных машин с надписью на задней стенке кузова: «Просьба сигналить». Хотя вообще-то индийцы не любят выделяться из общей массы, водители грузовиков стараются сохранить свою индивидуальность. На дверце каждой машины был изображен яркий пейзаж или, в зависимости от вкуса шофера, лик святого с подобающим стихотворным текстом. Только необыкновенно большие клаксоны на машинах были одинаковые.

Все выше поднималась дорога на Банихальский перевал, который своими 3 тысячами метров отделяет долину Сринагара от остальной части страны. Здесь скопилось множество автомобилей, все они старались как можно скорее прийти к цели, но подвигались вперед крайне медленно. Шоссе служило не только единственной торговой артерией Кашмира, но и линией коммуникации индийской армии.

Длинные колонны больших серо-зеленых машин, многочисленные палатки, скопления солдат и часовые на мостах и в стратегических пунктах оставляли впечатление огромного военного лагеря, который в любой момент готов к выступлению. И действительно, в Кашмире сконцентрированы значительные воинские части. С большим недоверием относятся индийцы к Пакистану, хотя на его территории живут их братья по крови, которые когда-то вместе с ними были гражданами единого государства.

Кашмир ставит перед Индией не только политические, но и транспортные проблемы. Новое шоссе через перевал и километровый тоннель, проложенный в горах одной немецкой фирмой, внесли незначительные изменения в карту путей сообщения штата, страдающего от бездорожья. Самое быстрое средство сообщения со Сринагаром — это самолет. Поездка на автомобиле продолжительна и опасна. Долины Кашмира откры-

ваются лишь в сторону Пакистана, туда текут и реки, которые впадают в Инд — могучий поток, несущий с собой плодородие. Такое же направление имеет старая автомобильная трасса и единственная железнодорожная линия, связывавшая Кашмир с Индией. Но сейчас она обрывается у Амритсара в густых тропических зарослях, а ржавчина на рельсах свидетельствует о том, что последний поезд прошел по ним много-много лет назад. С тех пор наземная связь осуществляется только посредством грузовиков, с трудом преодолевающих перевалы.

О соглашении с Пакистаном на право проезда по его территории нечего и думать. Правящие круги Пакистана хотят не переговоров, а Кашмира. Они вооружаются, закупая в США огромное количество оружия. Это, разумеется, ничуть не способствует увеличению доверия индийцев к их бряцающему оружием соседу и еще более осложняет окончательное решение кашмирского вопроса.

С Банихальского перевала нам открылся прекрасный вид на широкую долину Сринагара. Поворотов на пути становилось все меньше, а лабиринт извилин превратился, к нашей радости, в широкое шоссе, где впервые за много дней мы с наслаждением превысили дозволенную скорость в 60 километров. Мимо промелькнули тополя, прямые, как свечи, похожие на древки знамен; они окаймляли всю дорогу, словно выстроенный в честь путников почетный караул.

Уже скрылись из виду оставленные позади фруктовые сады с яблоневыми, грушевыми и персиковыми деревьями и показались смутные очертания покосившихся серых зданий Сринагара. Мы очутились в краю, который климатом и ландшафтом во многом напоминает Германию.

Шикары и заснеженные горы

Сринагар — это Венеция Северной Индии, город озер, каналов и подвесных мостов. Жители «святого» (сри — святой, нагар — город), но вместе с тем грязного города живут не только у воды, но буквально на

Мусульманки в мечети Сринагара

воде, где домами им служат тысячи лодок, отличающихся друг от друга в зависимости от кошелька владельца большими или меньшими удобствами (последнее, впрочем, несравненно чаще). Прохладная сырость, очевидно, как магнит, притягивает к себе кашмирцев — даже те, кто не живет в лодках, селятся как можно ближе к берегам богатого бухтами продолговатого озера Вулар или змеевидной реки Джелам.

Реки и озера — источник существования и центр всей жизни города. Они дают рыбу, позволяют удовлетворить гигиенические потребности населения, служат путями сообщения и клоакой Сринагара. Но для нас вода вначале оказалась препятствием — мы с машиной и вещами стояли на берегу, а наш плавучий отель «Нью шабаш» покачивался на волнах. На помощь пришла узкая, похожая на гондолу, шикара — одна из тех типично кашмирских плоскодонок, что стрелой скользят по воде. Устроившись в ней со всеми удобствами, какие обещала заманчивая надпись на ее борту «Все места мягкие», мы, поглощенные новыми и интересными впечатлениями, вскоре забыли об осложнениях при переправе.

В этом была немалая заслуга Джума Колу — хозяина нашего отеля, человека с пышными усами, никогда не расстававшегося с барашковой шапкой. Печь в салоне, обставленном, к нашему удивлению, мягкой мебелью, излучала приятное тепло, в столовой нас ожидал аппетитно пахнувший ужин, а в спальне — мягкие пуховые постели. «Нью шабаш» не имеет ничего общего с примитивными домами-лодками Кашмира. Он рассчитан исключительно на приезжих и является приятной неожиданностью в горном захолустье, совершенно лишенном удобств.

Конечно, такие звучные названия отелей, как «Плавучий дворец», «Королева роз», «Небесные покои», «Цветущее великолепие», «Великий огнедышащий», не следует понимать буквально. Это дань, с одной стороны, любви кашмирцев к цветистым выражениям, с другой — их деловитости, направленной на привлечение клиентов.

Кашмир — идеальный край для туристов, где можно отдохнуть в плавучем отеле, охотиться на медведей и

серн в горах, кататься в гондолах по неподвижной глади озера и даже заниматься зимним спортом. Из года в год сюда съезжаются десятки тысяч людей: иностранцы, чтобы познакомиться с многообразной кашмирской природой, индийские дельцы и аристократы, чтобы отвлечься от однообразия будней, европейцы, осевшие в Индии, чтобы скрыться от безжалостных лучей тропического солнца и насладиться прохладой.

Обслуживают в Сринагаре великолепно. Город существует за счет туристов, и целая армия кашмирцев готова удовлетворить любое их желание или прямо-таки гипнотической силой внушить им его. Это — профессия местных жителей, она их кормит, и, иссякни вдруг поток иностранцев, нелегко пришлось бы торговцу сувенирами или шелковыми тканями. Поэтому каждого приезжего окружают трогательным вниманием, особенно в это время года, когда мало желающих ехать на холодный север. Но с апреля по сентябрь в Индии наступает жара, а в Кашмире — разгар сезона, и номера в плавучих гостиницах можно заказать только за много недель вперед.

Трудно представить себе жизнь обитателей лодкодомов без шика. Они заменяют им автомобили, лошадей и велосипеды; к их услугам прибегают и кашмирские торговцы. Последние — совершенно особая категория представителей этой профессии. Едва только путешественник поставит на пол чемодан, как торговцы приступают к длительной осаде дома, где он остановился, причем действуют они сплоченной когортой и особым тактом и скромностью не отличаются. Они ведут наступление целыми толпами и любыми способами добиваются одного — поставить ногу на край плавучего дома.

Когда я решительно заявил, что ничего не собираюсь покупать, это только подстегнуло их торговый азарт и побудило перейти в лобовую атаку. Я и опомниться не успел, как первый из них уже вскочил в лодку, уселся, как ни в чем не бывало, на пол салона и преспокойно разложил передо мной изделия из папье-маше. Я пытался было остановить его отчаянными возгласами: «Ничего не покупаю!», но они не оказали на него ни малейшего воздействия. Напротив, он совал

мне под нос один предмет за другим — красиво расписанные вазы, тарелки, горшки, зеркала и щетки, не переставая объявлять их стоимость.

Я взмолился о помощи. Но Джума Колу не нашел ничего лучшего, как произнести: «Это Джаффа Али, самый знаменитый художник Сринагара. Вам надо будет как-нибудь осмотреть его мастерскую. Он, между прочим, владеет секретами древнеперсидских живописцев, привезенными в Кашмир его предками. Многие пробовали силы в этом искусстве, но еще никому не удавалось превзойти Джаффу Али». Теперь я знал: от моего хозяина сочувствия не дождешься. Позднее даже выяснилось, что он был другом художника и специально пригласил его ко мне.

Только когда я купил тарелку с мотивами из древнеперсидских сказаний, Джаффа Али покинул отель, бросив на своих неудачливых коллег победоносный взгляд и не забыв пригласить меня посетить его мастерскую. Но было наивно думать, что это могло успокоить разгоревшиеся страсти, — наоборот, моя покупка подействовала, как удар палки по муравейнику. Все, кто мог передвигаться, то есть все, кто имел лодку, с удвоенной силой атаковали меня, и на каждом исполненном решимости лице я мог прочесть:

«Ага! Он малодушен, упорством его можно принудить к покупке. Не дадим же ему ускользнуть!»

Я поклялся не достаивать торговцев ни единым взглядом и запер за собой дверь, но чувствовал себя, как в осажденной крепости. Мои преследователи кружились вокруг, высаживались на веранду, заглядывали в окна, жестикулировали, кричали, старались знаками привлечь к себе внимание. Самый отважный залез на крышу дома, и я начал опасаться, как бы он не вытащил печную трубу, чтобы спустить свои тькэчи в комнату! Тут даже терпение Джума Колу лопнуло, и он принял решительные действия. Но, как можно было заключить по его ругательствам, возмущался он вовсе не нападением на его крышу, а тем, что не получил от торговца причитающиеся ему 10 процентов. Тем самым было нарушено обязательство, почитаемое более священным, чем посещение храма или мечети, и, естественно, Джума Колу не мог оставаться спокойным. Он запре-

тил взобравшемуся на крышу нарушителю закона переступить порог его дома, хотя тот поспешил зрнуть ему мзду.

О магическом воздействии 10 процентов можно было бы написать отдельную книгу. Вам рекомендуют отель или способствуют в получении напрокат автомобиля, покупают билет на самолет или отправляют чек-модан, помогают приобрести сувенир или выбрать туристское бюро — все это делается во имя 10 процентов. Неписанный, но свято соблюдаемый закон. Человек, который его нарушит и откажется от уплаты, будет бойкотироваться посредниками, выступающими в таких случаях с завидным единодушием, до тех пор пока отступник не проявит полного смирения.

Многие специалисты-посредники, подвизающиеся на ниве туризма, имеют даже собственный текущий счет в магазинах подарков или у ювелиров. Как только они уговорят какого-нибудь иностранца купить украшение стоимостью в 3 тысячи рупий, их счет автоматически увеличивается на 300 рупий. Что же удивительного, если гид с месячным окладом в 150 рупий считает свою профессию весьма прибыльной?

Вечером мой покой снова был нарушен. На этот раз явился Джума Колу в сопровождении портного с многочисленными образцами материй под мышкой и объявил:

— Я пригласил лучшего портного города господина Айярда. Вряд ли вы сможете обойтись в наших краях тонкими летними брюками. Господин Айярд выполнит заказы за один день, причем лучше и дешевле других. Подумайте о своем здоровье. Ведь послезавтра вы собираетесь в горы, а там очень холодно.

Я заказал костюм, но, признаться, думал при этом не столько о своем здоровье, сколько о причитающихся Джуме Колу 10 процентах, а он радовался сделке, как жется, больше, чем сам портной.

Поездка по озеру на шикаре оказалась чудесной. Пестрые узоры балдахина уводили мысли в волшебный мир Шахразады, а кристально прозрачная горная вода сверкала подобно огромному драгоценному камню из

сокровищницы сказочного короля. В это время года белоснежные водяные лилии не цветут, и поэтому горные вершины казались еще более белыми и вызвали желание подняться к вечным снегам. Там испарения долины смешивались с причудливыми облаками, образуя пелену тумана, не дававшую взгляду проникать ввысь. Только поднявшись на высоту 4—5 тысяч метров, можно было окинуть взором весь Гималайский массив и ощутить безграничные просторы горного края.

На середине озера нам повстречались рыбаки. Бесшумно скользили их лодки, подгоняемые лишь легким ветерком и течением, сами же они, перегнувшись через борт, напряженно вглядывались в гладкую, как зеркало, воду. Вдруг просвистел гарпун — трезубец, укрепленный на длинной палке. В колышущемся переплетении растений, образующих своего рода подводный лес, который не позволяет ловить рыбу сетью или удочкой, рыбак обнаружил и поразил свою добычу.

С победным видом приблизился он к нам, хотя я знаками старался дать понять, что рыба нам не нужна. Да он и не рассчитывал продать ее. Кашмирец заметил, как я его фотографировал, а это было равносильно второму улову, приносящему наряду с выручкой от продажи рыбы гонорар за роль статиста. Тонкий знаток психологии туристов, он отказался от полрупии и отчалил от нашего борта лишь после того, как получил рупию. В разгар сезона он зарабатывал, позируя перед фотообъективом, намного больше, чем продажей рыбы. Хорошая «фотопогода» была для него важнее, чем благоприятное для рыбной ловли время.

«Плавучий» Сринагар не имеет вековых традиций. Дома-лодки были завезены сюда англичанами всего лишь при жизни прошлого поколения, но очень скоро покорили сердца жителей и завоевали водные просторы кашмирской долины. Иностранцев привлекала романтичность лодок, они находили в них нечто типично кашмирское, местные же жители оценивали их в первую очередь за практические преимущества, так как могли, не имея земли, обзавестись собственным домом.

В стороне от плавучих отелей-люкс, предназначенных для отечественной и зарубежной аристократии,

сгрудились на воде кварталы бедняков. Их не найти в путеводителях для туристов, и более или менее преуспевшие в жизни стыдливо отводят от них взоры. Серой обветшалой массой теснятся в бухте примитивные лодки с каютами. Здесь все покосилось, а сами обитатели жалких жилищ, крытых соломой и поддерживаемых многочисленными подпорками, пугливо избегают людей. Женские лица, время от времени появляющиеся в оконных проемах, исчезают, как только вдалеке показывается фигура иностранца. Мужчины угрюмо разъезжают на шикарах в поисках работы, и только дети, еще не осознавшие тяжести своего положения, беззаботно играют в лодках. Плавучие трущобы — настоящий кошмар Сринагара.

Причины нищеты населения коренятся в хозяйственном положении штата. Кашмир беден — беден плодородными почвами, предприятиями и разрабатываемыми природными ресурсами. Существующие месторождения бурого угля и руды не разрабатываются, значительные запасы водной энергии не используются. Промышленности в современном понятии этого слова до сего времени нет, и все те изделия, которые не могут производиться кустарным способом, ввозятся в Кашмир по скверным дорогам. В узких долинах произрастают рис (педди) плохого и малоурожайного сорта, маис, картофель, овощи и фрукты. На каменистых склонах пасутся козы и овцы — они дают Кашмиру шерсть и мясо. Но сельскохозяйственных продуктов не хватает даже для удовлетворения потребности населения.

Только шелковые ткани и ремесленные изделия составляют актив внешней торговли Кашмира. Наряду с Китаем и Японией он один из крупнейших производителей шелка в мире. Кроме того, кашмирцы искусные кустари, среди них несчетное множество опытных и неутомимых мастеров, которые обрабатывают серебро и медь, ткуют ковры и платки, вышивают шали и сари, вырезают из черного и розового дерева хозяйственные сосуды и художественные статуэтки. Все эти вещи могут интересовать только любителей, они не всегда находят покупателей, ибо не выдерживают конкуренции заграничной машинной продукции. Поэтому туризм, являющийся неиссякаемым источником доходов края, це-

нен еще и тем, что дает возможность многочисленным ремесленникам сбывать свои изделия.

Многовековые культурные связи соединяют Индию и Кашмир. У них общие торговые интересы, установившиеся еще во времена Великого Могола Акбара, когда Кашмир входил в состав Индийской империи. Не удивительно, что, хотя 80 процентов населения Кашмира составляют мусульмане, лишь немногие его жители выступили за присоединение к Пакистану. Кашмирцы надеялись на хозяйственную помощь Индии. И действительно, уже намечены планы экономического развития пятнадцатого штата. Предполагается начать добычу полезных ископаемых, исследовать возможности разработки залежей бурого угля, перегородить плотинами горные реки, заставив их производить электроэнергию и орошать поля. Благодаря развитию промышленности независимость Кашмира упрочится, а безработные получат наконец работу.

Дома в Сринагаре такие же серые, как соседствующие с ними горы. В отличие от лачуг в остальной Индии они построены не из глины и соломы, а из камня, но оконные проемы зияют пустотой или забиты досками. Для бедняков стекло — недоступная роскошь, да и пергаментом могут пользоваться только средние слои населения. Незастекленные отверстия для окон придают совершенно нежилой вид домам, хотя все они заселены.

Необычна и одежда кашмирцев, приспособленная к суровому климату. Мужчины носят длинные штаны, накидку, напоминающую одеяло, мохнатую шапку, хотя нередко ходят и в пестрых вышитых шапочках. При встрече знакомые не обмениваются ставшим для нас привычным приветствием «намасте», а поднимают правую руку и произносят: «салям» (сокращенное «салям алейкум»). Слово «салям» распространено на берегах Бенгальского залива не меньше, чем в Средиземноморье; в Кашмире этим приветствием пользуется все население, и по нему не отличить мусульманина от индуса.

Одежда красавиц индийского севера не блещет ни изяществом, ни красками. Длинные серо-черные накид-

ки с непомерно широкими рукавами, больше напоминающие монашеские рясы, чем женское платье, составляют одеяние всех без исключения кашмирских женщин. Им предоставляется весьма ограниченная возможность увеличивать свои чары и в довольно узкой сфере. Они украшают уши массивными серебряными серьгами, которые со временем оттягивают мочки до плеч и оставляют большие удлиненные отверстия.

Правоверные мусульманки носят бурку — белый балахон, надвигаемый, подобно грелке на чайник, на голову и покрывающий все тело. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, как женщины со смехом бежали по улицам, отбросив бурку с лица! К чему же тогда вообще носить ее?

— Женщины только по улице ходят с открытым лицом, — ответил мне Джума Колу. — Дома они всегда закрываются.

— От кого же?

— От родителей, вернее от отца, деда и прадеда: этого требуют древние обычаи. Если в обществе женщина нарушает старые устои, она делает это по собственному почину, семья же по-прежнему остается консервативной. Да и на улицах с открытым лицом женщины — и далеко не все. — начали появляться совсем недавно.

Казалось, торговая улица Сринагара имеет лишь два назначения: одевать зябнущих иностранцев в теплое платье, в одно мгновение, словно по волшебству, сшитое для них из продаваемых тут же тканей, и надевать туристов сувенирами. Заблуждается тот, кто думает, что кашмирские торговцы увлекают клиентов только при помощи пышных эпитетов. Наибольшее впечатление, например, производит магазин с удивительной вывеской: «Худшие товары». Придуманно неглупо — об этом свидетельствует торговый оборот заведения. Каждый страдающий любопытством иностранец, в том числе и я, считает своим долгом воочию убедиться, что товары действительно худшие. Ну, а стоит ему войти в магазин, и все пути к отступлению отрезаны. Сметливые продавцы только тогда отодвигают в сторону гигантские кипы тканей, преграждающие пути к выходу, когда посетитель изъявляет готовность произвести покупку.

В Сринагаре мало индуcских храмов. Большинство жителей — последователи корана, и, естественно, религиозная жизнь сосредоточена преимущественно в мечетях. Последние ничем не напоминают привычные нашим представлениям храмы — христианские или индуcские. Местная мечеть — это, скорее, обширный двор с произвольно разбросанными по нему портиками и колоннами. Крышей им служит небо. В одном из портиков восседает мулла, возносящий хвалу аллаху. Верующие же, обратившись к востоку, усердно отбивают поклоны, а некоторые простираются ниц, на несколько минут застывая в религиозном экстазе.

В наши дни проповедники корана уже не считают современную технику дьявольским наваждением. Напротив, они надеются, что их голос, будучи усилен громкоговорителем, не только не поколеблет веру паствы, но еще более укрепит ее. Может быть, они и правы, ибо в стране, где большинство населения даже не знает об электричестве, современная техника скорее вызывает благоговейный трепет, чем сомнения.

Женщины молятся отдельно от мужчин. В мечетях можно встретить не только горожан, но и жителей окрестных деревень. Они приезжают в мечети на длинных лодках, часто лишь на один палец выступающих из воды. Как не воспользоваться таким скоплением народа для торговых дел? И действительно, непосредственно возле мечети идет бойкая торговля, и ведется она с такой же страстностью, как в любом индийском городе. Нередко здесь прицениваются, спорят, торгуются из-за куска мяса, который большинство индийцев, проживающих в других областях, удостоили бы лишь презрительным взглядом.

Не следует, однако, думать, что отношение к мясной пище определяется только религиозными воззрениями населения. На юге под палящим тропическим солнцем человек испытывает потребность скорее в сочных фруктах и холодном молоке, нежели в жирном жарком. Даже европейцам рекомендуется заменять привычный стол легкой пищей, тем более что при температуре 40 градусов в тени и почти полном отсутствии холодильников не так просто найти кусок свежего мяса. Наоборот, на севере холод и суровая природа властно требуют

Массивные серебряные серьги составляют единственное украшение жительниц Кашмира

плотной мясной пищи, которая играет далеко не последнюю роль в том, что горцы сложены крепче, чем остальные индийцы.

Разумеется, желание полакомиться хорошим жарким побуждало мусульман употреблять в пищу мясо коровы, ничуть не беспокоясь о том, что этим они оскорбляют религиозные убеждения индусов. Не раз бывало, что закланье четвероногой святыни служило поводом для кровопролитных столкновений между мусульманами и индусами. В настоящее время обе стороны почти повсеместно научились уважать чувства друг друга. Мусульмане вычеркнули говядину из своего меню, индусы же в свою очередь чтут табу мусульман, которым коран запрещает есть свинину. Таким образом, остались только многострадальные овцы и козы, и их-то колют и едят в гораздо большем количестве, чем остальных пригодных в пищу животных.

Знакомясь с жизнью города, я посетил государственную фабрику вышитых изделий. По методам работы она мало чем отличалась от многочисленных кустарных предприятий, так как каждая деталь здесь вывязывалась, вышивалась, отделялась и обрабатывалась вручную. Лишь по размерам и численности рабочих фабрика значительно превосходила среднюю ремесленную мастерскую. История ее возникновения необычна.

После конфликта с Пакистаном в 1947 г. Кашмир оказался в исключительно тяжелом положении. Шоссе и подъездные пути были перерезаны, приток туристов прекратился, а изделия художественных промыслов, составлявшие главный предмет кашмирского экспорта, не находили себе сбыта. Десяткам тысяч ремесленников угрожало разорение. Тогда кашмирские власти взяли на себя сбыт готовой продукции и открыли в Дели первый в истории Индии государственный магазин.

Вначале он скупал изделия ремесленников, но между ними и магазином плотной стеной стояли перекупщики, и устранить спекуляцию никак не удавалось. Значительная доля и без того скромных доходов ремесленников, а также прибыль от государственной торговли текли в карманы посредников. И вот правительст-

во основало государственные предприятия, на которых в 1956 г. было занято уже свыше 6 тысяч человек. Весьма знаменательны социальные нововведения на этих предприятиях: восьмичасовой рабочий день, бесплатный обед для рабочих, школьное обучение их детей и гарантия занятости в течение всего года.

Государственные магазины по сбыту продукции этих предприятий вскоре возникли в Калькутте, Бомбее, Симле, Сринагаре, Мадрасе, Майсуре. Так в Индии появились первые ростки государственной розничной торговли — магазины, которые продавали товары по твердым ценам и тем самым оказывали регулирующее воздействие на рынок.

При посещении фабрики вышитых изделий нас поразило мастерство, с каким мужские руки владеют тонкой иглой. Вышивальщики создавали подлинные произведения искусства, я даже на миг усомнился, действительно ли вышивание — удел женщин. Во всяком случае на сринагарской фабрике я их не видел.

В мотальном цехе группа детей от 8 до 12 лет занималась наматыванием шерсти на большие шпули. Директор, заметив мое удивление, поспешил пояснить: «Детский труд — наследие прошлого. Он еще не запрещен в Кашмире, ведь заработок большинства рабочих так мал, что они не в состоянии прокормить большие, как правило, семьи. Правительство старается повысить общий жизненный уровень, чтобы в ближайшие годы окончательно запретить детский труд. Наше предприятие — образцовое, поэтому мы настаиваем, чтобы работающие у нас дети регулярно посещали школу и со временем смогли стать специалистами».

В помещении, напомиавшем кухню алхимика, мастера искусно выводили на ковре сверкавший красками узор. На каждом ткацком станке стояла большая наргиле*, к которой ковровщики время от времени прикладывались, втягивая в себя густой и едкий дым. Из-за синего чада в темном и без того помещении с трудом можно было различить силуэты людей. Проворными действиями ковровщиков руководил мастер, произносивший полусшепотом какие-то слова, заглядывая при

---

* Разновидность курительной трубки.

этом в записку, испещренную загадочными знаками. Это были священные формулы ковричества, передаваемые из поколения в поколение. Они содержали секрет чудесного неповторимого рисунка и расцветок, которыми так славятся кашмирские ковры.

— Сколько сантиметров ковровой ткани может выткать за день опытный ткач? — поинтересовался я.

— Хороший ткач может завязывать в день около трех тысяч узлов, это составит один сантиметр ковра.

— А сколько он за это получит?

— У нас сдельная система оплаты труда. За тысячу узлов ткач получает восемь анн, или полрупии.

Вечером того же дня я познакомился с главным директором кашмирских государственных предприятий Кхавья Ахсануллой. Это был кашмирец лет 50 в высокой каракулевой шапке, одетый так же просто, как все жители города. Он поклонялся аллаху, но, будучи решительным противником религиозной розни, не делал различий между индусами и мусульманами. Его, конечно, не могло не обрадовать мое замечание о том, что кашмирцы поразили меня своей веротерпимостью.

Кхавья Ахсанулла родился в богатой помещицкой семье, учился в английской школе и воспитывался в английском духе. Но это не помешало ему составить собственное суждение о независимости Индии. Он примкнул к кашмирскому освободительному движению, которое организационно оформилось в 1930 г., когда была образована Мусульманская конференция — кашмирская разновидность партии Конгресса.

Вначале над ней тяготело влияние религии. Но в 1938 г. конференцию посетил Джавахарлал Неру, который, будучи родом из Кашмира, неизменно проявляет интерес к этому самому северному штату Индийского Союза. С помощью Неру партия избавилась от балласта прошлого. Она стала называться Национальной конференцией, присоединилась к общей борьбе индийцев за национальную независимость, а в социальных требованиях пошла даже дальше, чем Конгресс. В 1942 г. она включила в свою программу требования радикальной земельной реформы и безвозмездной экспроприации помещицкой собственности и после бегства махараджи осуществила их.

Любопытно, как отозвался об этой реформе Кхавья Ахсанулла, сам владевший когда-то 500 акрами земли (около 200 гектаров). «Это умный и справедливый закон, — сказал он. — В партии Национальная конференция я голосовал за него, так же как наш теперешний министр внутренних дел, который имел по соседству со мной в четыре раза больше земли, чем я. Нужду населения могла облегчить только земельная реформа. Конечно, были и такие помещики, которые не хотели с ней соглашаться, но, поскольку большинство Национальной конференции проголосовало за закон и признало требования крестьян на землю справедливыми, им не оставалось ничего иного, как покориться».

Недосягаемые дали

Долина Сринагара лежит на высоте 2000 метров, в долине между высокогорными областями, где обрываются все дороги и ничто не напоминает о цивилизации. Это районы кочевий беспокойных горных племен. Они не признают законное правительство и подчиняются только некоронованным королям кочевников. Обычай их так же разнообразен, как их диалекты. Эти владельцы горных просторов занимаются скотоводством, водят караваны и перевозят через неприступные перевалы жизненно важные грузы.

Приблизительно в 100 километрах от Сринагара находится Сунмарк — перевалочный пункт торговых караванов. Склад, дак бунгало, отличающийся аскетической неприхотливостью и полным отсутствием мебели, да три развалившиеся, но все еще обитаемые крестьянские халупы — вот и все постройки, обнаруженные мною в этой гавани горного края. Вокруг них погонщики мулов, разложив небольшие костры, варили какие-то им одним ведомые похлебки, кипятили кирпичного цвета чай и грели над огнем руки. Вид их сначала не внушал большого доверия — глубоко надвинутые на глаза меховые шапки, плащи из некоего рода мешковины, подвязанные веревкой. Ни на хинди, ни на кашмири они не говорили, и без переводчика с ними было невозможно объясниться.

Но стоит путешественнику привыкнуть к внешности погонщиков, их манере вести себя и разговаривать, и он очень скоро убеждается, что все опасения напрасны и люди эти на редкость приветливы и добродушны. Ни разу за время всей поездки по Индии я не встречал такой бескорыстной готовности оказать услугу, как здесь.

Вьючные животные — яки и мулы, — точно верные псы, ни на шаг не отступали от своих хозяев. Они лежали и стояли возле погонщиков, пока не прибыла поклажа. На гору ее доставили грузовики, но здесь пришлось прибегнуть к помощи живого транспорта, обладавшего большей проходимостью. Вскоре гора мешков, неподвижно лежавшая на машинах, равномерно разместилась на спинах мулов, и они, перебирая маленькими проворными ногами, унесли груз, непосильный в этих условиях для великанов с мотором в 400 лошадиных сил. Властелины ущелий и крутых вершин отправились в путь по опасным горным тропам, как бывало в старину, тысячи лет назад, хаживали караваны по древней «шелковой дороге», проходившей через Кашмир и связывавшей Китай с Ближним и Средним Востоком.

Многие кашмирцы проводят свой отдых в Гульмарке, куда съезжаются любители зимнего спорта со всей тропической Индии. Зеленые пастбища и красивые леса Гульмарка поражают необычайным сходством с германским альпийским пейзажем. Это явилось тем более приятной неожиданностью, что в суровых Гималаях голые скалы почти всюду преобладают над хвойными лесами, а пыльная, лишенная растительности земля — над сочными пастбищами.

Мы ехали все дальше, подымались все выше, позади остались сначала Гульмарк, затем Килинмарк, где нас приветствовало целое стадо горных обезьян, и вот наконец мы на вершине, возвышающейся на 4 тысячи метров над уровнем моря. Отсюда открывается вид на весь Гималайский массив с его заснеженными горами — колоссами в 8 тысяч метров. Они казались островами в море непроницаемого синего тумана, который делил горный мир в горизонтальной плоскости на две части, не позволяя снизу увидеть высочайшие вершины, а сверху проникнуть взглядом в долину.

**Кирпичный чай — излюбленный напиток
погонщиков мулов**

Совсем близко от нас была теперь Нанга-Парбат высотой 8125 метров — вершина Гималайского массива, впервые покоренная человеком в 1953 г. Попытка достигнуть ее стоила жизни многим альпинистам. «Голая гора», как зовется по-санскритски Нанга-Парбат, молчаливо хранит свои тайны. Она кроет в себе смертельные опасности, но ее притягательная сила так велика, что, наверное, не одному храбрцу еще суждено погибнуть от ее чар.

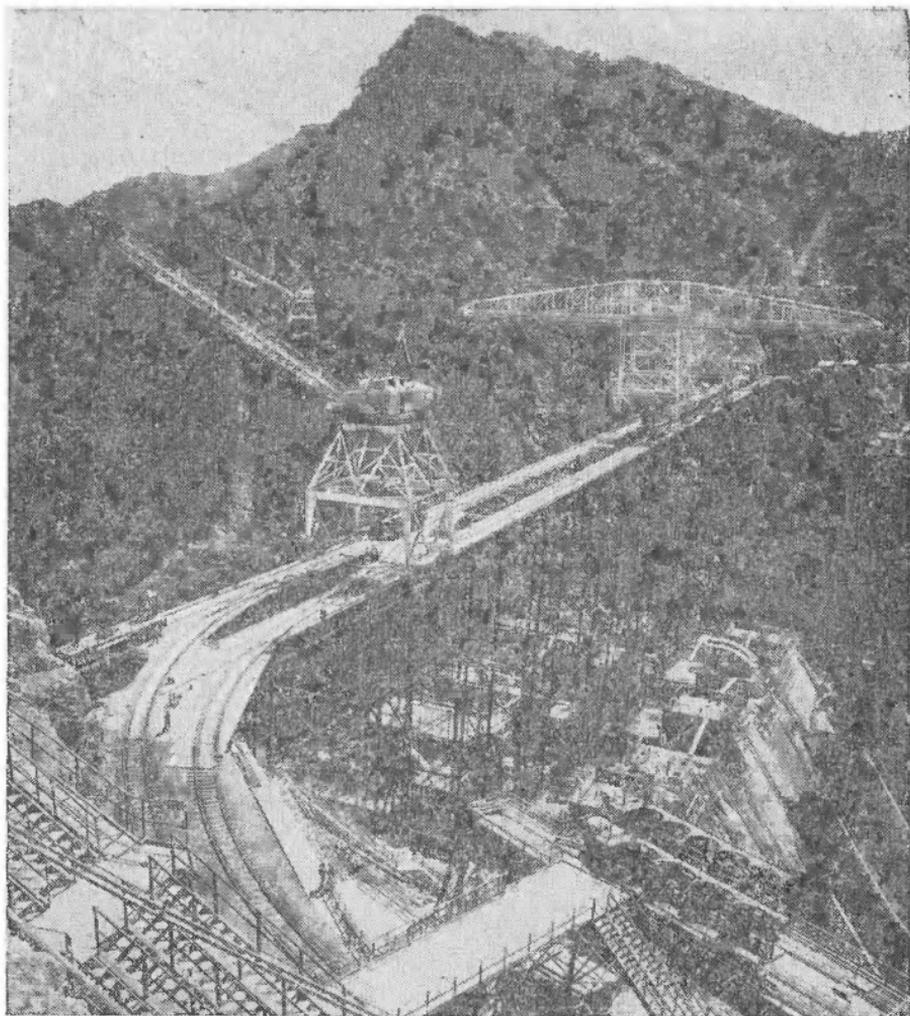
В ногу с веком

Вся Индия пришла в движение, она меняет свой облик, а вместе с ним претерпевают изменения и веками незыблемые каноны. Неграмотные учатся читать, расстояния, казавшиеся прежде непреодолимыми, ныне за несколько часов покрываются самолетом, а рядом с древними величественными храмами вырастают огромные промышленные комбинаты. Триумфальное шествие стали, бетона, машин и электричества захватило Бхарат. Первые вестники зарождающейся промышленности еще скромны, но индийцы законно гордятся своими достижениями. Символами новой жизни стали Бхакра-Нангал — самая крупная в Индии плотина — и Чандигарх — новая столица Пенджаба.

Бхакра олицетворяет собой юность древнего народа. Все тут поражает своим размахом и... несходством с другими индийскими стройками. Здесь не подносят песок в плоских чашах на головах, не копают землю примитивными лопатами, не разбивают скалы кирками. Эти работы выполняют бульдозеры, экскаваторы, пневматические молоты, взрывчатка, транспортеры, краны. Сочетание современной техники с трудолюбием индийцев творит здесь чудеса.

Плотина в Бхакре, заложенная в октябре 1955 г., одна из самых современныхстроек в Индии, и не удивительно, что главный инженер-индиец с гордостью сказал мне:

— Впервые в истории нашей страны руководство таким огромным строительством находится целиком в

Строительная площадка плотины Бхакра

руках индийцев. Правда, мы пригласили нескольких иностранных инженеров для выполнения отдельных заданий, но они выступают как помощники и консультанты, работающие по нашему указанию.

Гигантская плотина преградит путь реке и заставит ее служить человеку. Реки, стекающие с Гималаев, каждую весну уносили с гор талые воды, заливали и опустошали плодородную долину Ганга, оставляя десятки тысяч крестьян без крова. Летом же, когда почва растрескивалась под палящими лучами солнца, мощные потоки превращались в ручейки, которые были не

в состоянии даже скудно напоить иссохшие поля. Поэтому индийское правительство разработало план покорения водных масс этих рек.

У Бхакры, в прошлом маленькой деревни, плотина высотой в 205 метров — вторая в мире по величине — перекроет реку Сатледж. К моменту нашего приезда были уже построены все вспомогательные сооружения: 2 крупнейших в мире тоннеля, самая высокая в Индии насыпь, транспортная система — одна из наиболее протяженных в Азии — и завод по производству бетона. Для нужд транспорта строители проложили 6 асфальтированных шоссе и железнодорожную линию с 16 тоннелями, возвели 8 мостов.

С одного из возвышений над строительной площадкой, откуда развернулась панорама Бхакра-Нангала, главный инженер неустанно давал разъяснения:

— Сюда позднее подойдет дамба, а там, сзади, где сейчас виднеется река, образуется большое озеро. Маленький город Биласпур придется перенести — это место подлежит затоплению. В огромном водохранилище будет собираться талая вода и только по мере надобности передаваться дальше, так что Сатледж уже не сможет угрожать наводнениями. Внизу, на плотине, строятся две турбоэлектростанции мощностью в 810 тысяч киловатт. В 8 милях вниз по реке, возле деревушки Нангал, течение преграждает плотина, сооруженная еще в 1954 г. Мощность расположенных на ней двух электростанций составляет 144 тысячи киловатт. Здесь на севере создается энергетический центр, который даст почти миллион киловатт электроэнергии.

Электрический свет и энергию получают 128 городов. Бхакра-Нангальская плотина позволит оросить 10 миллионов акров неплодородной доселе земли, с этой площади можно будет собрать 1300 тысяч тонн зерна; два с половиной миллиона человек, часть огромной армии безработных, смогут найти себе применение, не говоря уже о тех, кто получит работу позже на запланированных крупных предприятиях.

Нангальская плотина не так высока, как будет та, что воздвигается в верховьях реки, но в целом сооружение внушает к себе не меньшее уважение. Над длинными каналами переброшены 34 моста. Чтобы поддер-

жать разницу уровней в тех местах, где каналы пересекают реки, использованы акведуки, достигающие 10 метров в высоту. Незаметная деревушка Нангал стала небольшим городком с бунгало для инженеров, жилыми домами для рабочих, школами и детскими садами для подрастающего поколения, с кинотеатром и клубом.

На первой электростанции я познакомился с молодым инженером Сарвалом. Его образ жизни показателен для молодой интеллигенции современной Индии и свидетельствует о сдвигах, происшедших в стране. Он увлекается фотографией, а зимой — лыжным спортом. И куда девалась склонность к уединению, присущая индийцам! Хозяин дома любознателен и общителен. Его жена вопреки обычаям страны, не разрешающим женщине входить в комнату в присутствии гостя, вместе с нами непринужденно ужинала в бунгало. Кстати, за этот уютный домик Сарвалу приходится платить только 50 рупий, так как квартирная плата государственных служащих не должна превышать 10 процентов их жалованья.

— Денег хватает на скромную жизнь, без излишеств, и такую вещь, как радиоприемник, мы пока не в состоянии приобрести. Благодаря тому что моя жена умеет хорошо и дешево покупать на рынке, мы всегда сыты и прилично одеты. В первые годы, когда я зарабатывал лишь 300 рупий, нам и это было недоступно, — рассказал Сарвал.

— А не выгоднее было бы вам работать в частной промышленности?

— Несомненно, там я зарабатывал бы раза в два больше. Но получить работу все еще трудно. Спрос на инженеров не так уж велик. И хотя это может показаться странным, наибольший процент безработных приходится на долю специалистов.

— Разве в Индии так много технических институтов, что их выпускники не могут найти себе применение?

— Ничтожно мало по сравнению с другими странами. При англичанах право на существование имели только высшие учебные заведения, занимавшиеся подготов-

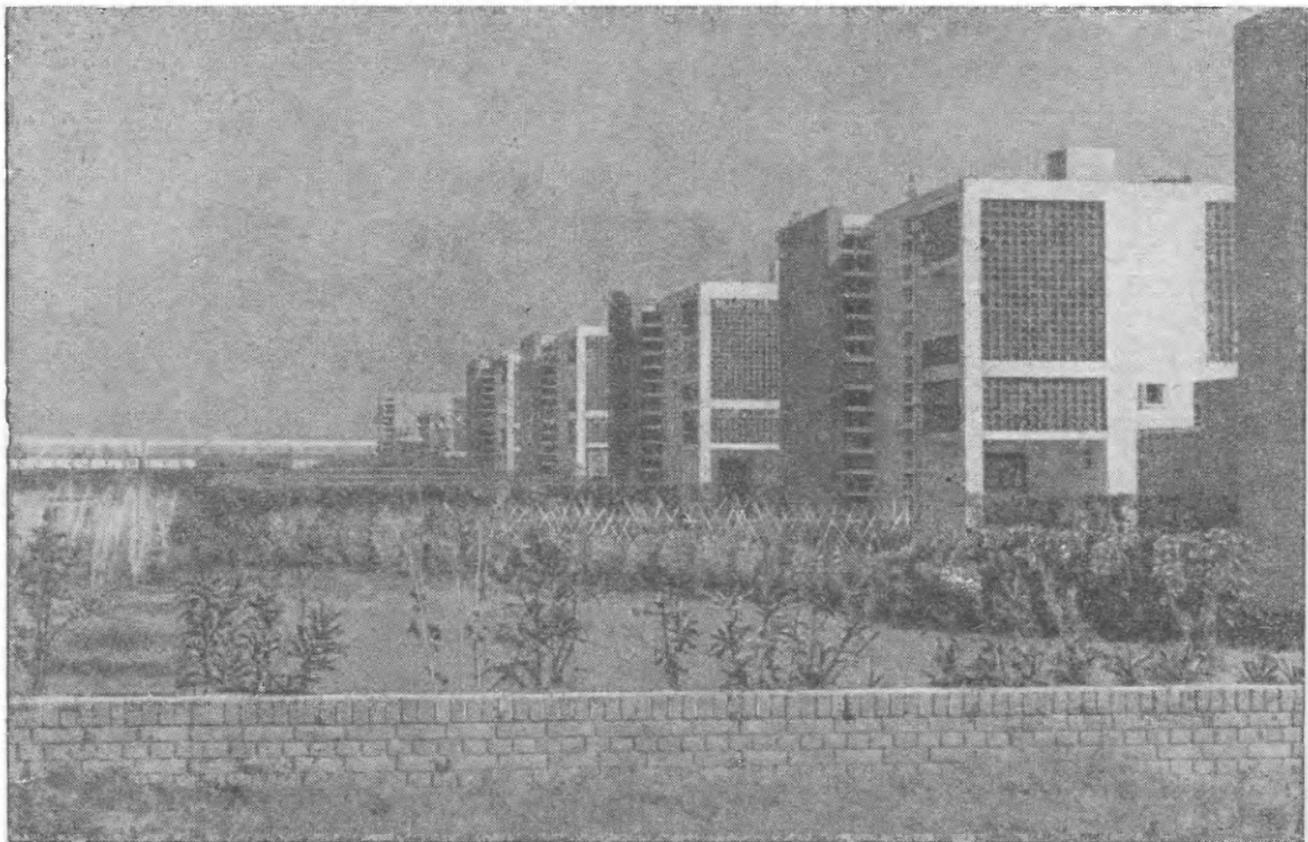
кой административных кадров. Для изучения технических наук приходилось ездить за границу, большей частью в Англию, а это было, конечно, немногим по карману. У нас в стране технические вузы появились лишь после завоевания независимости. Но промышленных предприятий только еще единицы. В результате индустриализации положение изменится: будет введено в строй большое число новых заводов и фабрик и спрос на специалистов резко возрастет.

Новые идеи и смелое планирование характерны также и для Чандигарха. Здесь ничто не напоминает узкие закоулки старого индийского города со скученностью его населения. В основу архитектуры зданий, их размещения, разбивки парков, организации транспорта легли современные принципы градостроения. При планировании города с полумиллионным населением учитывались требования целесообразности и красоты, климата и гигиены.

При разделе Пенджаба между Пакистаном и Индией его столица Лахор отошла к Пакистану. Восточному Пенджабу, насчитывающему 12 с половиной миллионов жителей, потребовалась новая столица. Сделать центром провинции один из древних, тесно застроенных городов, то есть продолжать старые традиции, вместо того чтобы их ломать, не имело никакого смысла. Было решено возвести новую столицу. объездив в поисках подходящего места весь Пенджаб, инженер Варма остановил наконец свой выбор на плато у подножия Гималаев.

В архитектуре Чандигарха не трудно узнать руку француза Корбюзье, который совместно с индийскими зодчими проектировал город. Создатель церкви в Роншампе и жилого комплекса на бульваре Мишле в Марселе облачил свои идеи в индийское сари. Корбюзье использовал в качестве строительного материала сталь и бетон, но, прежде чем проектировать и строить, долго изучал привычки и обычаи индийцев. Не забыл он и о климате страны.

У подножия Гималаев вырос город с улицами, пересекающимися под прямым углом, и со своеобразными плоскими строениями. Сейчас он уже насчитывает 150

Главный город Пенджаба Чандигарх построен по проекту французского архитектора Корбюзье

тысяч жителей и продолжает расти. Жилые дома, административные здания, школы и кинотеатры Чандигарха, лишённые колонн и других украшений, отличаются какой-то особой, им одним присущей симметрией.

Поражает своей оригинальностью здание Верховного суда, торжественно принятое весной 1955 г. Его покатая крыша из железобетона представляет собой своего рода огромный навес. Стены в форме чаш, если взглянуть на них сбоку, производят впечатление вогнутых зеркал. Не менее необычна и лестница. Она сооружена из необработанного бетона, следы, оставленные на ней деревянной обшивкой, не заделаны, а косые ступени напоминают уступы горной тропинки.

Конечно, многие из этих находок спорны, да и сама архитектурная форма может вызвать разногласия, но не подлежит сомнению, что Чандигарх — огромное достижение индийского народа в области строительства. Благодаря широким улицам и обширным площадям его транспорту, вероятно, никогда не будет так тесно, как в наших городах, а всем своим внешним видом столица Пенджаба выгодно отличается от других индийских центров. Чандигарх — это город будущего.

Махараджи уходят на пенсию

С представлениями о далекой Индии — стране алмазов, слоновой кости и пряностей — тесно связаны предания о могуществе махараджей, великолепии их дворцов и чуть ли не «божественной» власти. Трудно найти человека, перед взором которого при слове «махараджа» не возникли бы прекрасные мраморные дворцы, сводчатые залы с колоннами, сказочные принцы, баядеры, белые слоны, ясновидящие гуру.

Ну, а если оставались еще люди, плохо себе представлявшие, кто такой махараджа, то им на помощь поспешил Голливуд со своей версией индийского князя, потеснившего на экранах обаяние европейской владетельной персоны, изрядно надоевший зрителям. Это имело те преимущества, что размахивающего саблей владельца гарема можно было заставить на экране участвовать

в самых невероятных приключениях и любовных интригах без риска вызвать сомнения у зрителей, для которых Индия по-прежнему была загадочной страной. В конце концов слова «махараджа» и соответственно «наваб», как называют себя мусульманские князья, стали синонимами расточительства и безрассудной роскоши.

С одним индийским князем — махараджей Джайпура — я познакомился в клубе «Ашока». Шикарный клуб, ничего не скажешь, но не в восточном стиле, а совершенно европейский. Помещается он не в мраморном здании, а в обычной четырехугольной коробке из бетона без колонн, украшений и орнамента, и его желтый фасад даже кажется бедноватым. Вместо инкрустированных золотом и стделанных алмазами залов, вместо роскошных парков я увидел блестящий хромированный бар, площадку для гольфа, выложенный мозаикой плавательный бассейн и теннисный корт.

«Ашока» — аристократический клуб, созданный по английскому образцу. С таким же успехом он мог бы находиться в Лондоне, Оксфорде или Бристоле, но в Джайпуре он придавал восточному князю еще и лоск английского лорда. Клуб насчитывает всего лишь 50 членов, это, так сказать, сливки общества, и Сатъя Пракаш — индиец, введший меня туда, — пояснил, что я должен считать приглашение высокой честью.

В баре этого высокопоставленного заведения мы оказались единственными посетителями. Не успел я заказать виски с содой на льду, как вдруг Сатъя вскочил, нет, не вскочил, это не то слово, а прямо-таки взметнулся со своей табуретки, и знаком предложил мне последовать его примеру. В дверях стоял широкоплечий мужчина лет 45, довольно высокий для индийца, одетый, как европейский делец, в рубашку «бушот», выпущенную поверх темных брюк. Перед нами был махараджа Джайпура, живой махараджа, но без тюрбана, усыпанного алмазами, и без единого слуги.

Сатъя Пракаш поклонился и, указывая на меня, произнес:

— Разрешите представить вам моего немецкого друга.

За рукопожатием и приветствиями «гуд ивнинг» и «хау ар ю» последовало приглашение на партию в

бридж. В ответ на мой отказ его высочество взглянул на меня удивленно, я бы сказал, чуть ли не пренебрежительно, и пробормотал по-английски с оксфордским произношением:

— Ах да, вы ведь немец; в Англии почти все играют в бридж.

Тем не менее я также перешел в комнату для игр. Над дверью красовались слова: «Эйр кондиши». Царившая прохлада делала их понятными даже тем, кто ничего не смыслит по-английски.

— Если бы не установка, летом совсем нельзя было бы играть, — пояснил мне Сатья.

Беседа за игрой была весьма непринужденной. Говорили о пустяках — о погоде, о последнем приеме, об отборочных соревнованиях по теннису и о предстоящем турнире в поло, который, по заверениям присутствовавших, должен был выиграть его высочество (так теперь в Индии именуют махараджей). Но о чем бы ни заходила речь, разговор неизменно кончался махараджей, его делами, мнениями, взглядами или молодой прекрасной махарани, которая незадолго до этого одновременно с призом на международном конкурсе красоты получила доступ в высочайшие покои и теперь пользовалась княжескими почестями на правах третьей жены махараджи.

На обратном пути Сатья превозносил скромность князя и очень удивился, когда я разрешил себе усомниться в ней.

— Видели бы вы, — сказал мой спутник, — с какой пышностью обставлялся выход махараджи до того, как он стал «его высочеством»!

Лишь немногие махараджи были потомками легендарных индийских царей или наместников Великих Моголов. Большинство из них ведет свой род с конца XVIII — начала XIX в. Прообразом этих правителей скорее всего послужили мелкие феодальные князьки в Европе. Средневековую Германию после Тридцатилетней войны — вот что напоминала Индия, раздробленная на 562 государства махараджей, которые занимали четвертую часть всех индийских владений английской короны с населением в 100 миллионов человек. Возникли эти княжества произвольно и имели различ-

ные размеры и значение. Площадь Хайдарабада равнялась территории всей Италии, но многие владения махараджей были не больше обычного поместья. Вьямпура имела 135 жителей, а в Бильбари на двух квадратных километрах проживало 27 индийцев, тогда как область, населенная 12 миллионами гуджератцев (гуджерати — один из 14 основных языков Индии), была разделена на 364 княжества.

Махараджам и навабам разрешалось за верную службу англичанам выжимать последние соки из бедной, замученной страны, эксплуатировать и обирать крестьян и ремесленников и вести паразитический образ жизни восточных деспотов давно минувших времен.

Низам Хайдарабада был крупнейшим землевладельцем — ему принадлежала одна пятая всех земель в княжестве. Его обслуживали тысячи слуг, а личный поезд низама был украшен золотыми пластинами и для безопасности покрыт броней. Состояние хайдарабадского владыки оценивалось в 2 миллиарда долларов.

Князя меньшего ранга, не смевшие называть себя «светлейшим высочеством», а довольствовавшиеся скромным титулом «высочество», пытались возместить различие в ранге непомерной роскошью. На гаремы расходовались миллионы рупий, любимые жены купались в молоке и шампанском. Во время празднеств фонтаны наполнялись французскими духами, а танцовщицы воспроизводили картины из «Тысячи и одной ночи». В самых живописных местностях князя строили роскошные замки из мрамора, украшали их драгоценными камнями, а деньги, которые им не удавалось растратить на родине, проматывали во время продолжительных поездок в Европу, преимущественно на Французскую Ривьеру.

Показное расточительство и бессмысленная роскошь при дворах махараджей были возможны только в результате деспотизма и грабежа народа. Крестьяне облагались невероятно тяжелыми налогами, которые взимались с исключительной жестокостью. Политических противников, часто без суда и следствия, бросали в тюрьмы, где они порой погибали под пытками. Князь Индора приказал обернуть сукном строптивного министра, облить маслом и сжечь заживо. Князь Фаридко-

та привязал одного из своих врагов к джипу и тащил его за машиной, которую вел сам, до тех пор, пока тот не скончался.

Чтобы махараджи не истолковали предоставленную им «свободу» превратно и не позарились на права британской короны, к ним были приставлены английские «консультанты». Они, правда, жили не во дворцах, но по сути дела являлись хозяевами страны. Не мешая князьям кутить и пировать, сколько им вздумается, они решительно пресекали даже малейшие посягательства на интересы империи. Стоило махарадже начать думать не вполне «по-английски», как он немедленно лишался трона.

После завоевания индийским народом независимости махараджам было дано право выбора: либо присоединиться к одному из вновь основанных государств — Индийскому Союзу или Пакистану, либо сохранить независимость. Англичане, естественно, надеялись, что князья выберут последнее и будут по-прежнему проводить угодную им политику. Этого же хотели и махараджи, с большой неприязнью относившиеся к строительству новой, демократической Индии. Если бы княжества остались самостоятельными, независимость Индийского Союза превратилась бы в фикцию. Государства махараджей были разбросаны на севере, юге, востоке и западе Индии, они тянулись от Гималаев до мыса Коморин и занимали почти половину всей территории нового государства. Индия оказалась бы расчлененной на небольшие клинья и потеряла бы жизнеспособность.

В этой обстановке правительство молодой республики приняло решительные меры. Был проведен плебисцит, в результате которого мелким княжествам пришлось примкнуть к Индийскому Союзу и передать свои суверенные права центральному правительству. Бесчисленное множество карликовых государств, особенно на севере, было объединено в крупные провинции, а безделье, которому князья предавались в течение всей своей жизни, стало их уделом на законном основании, с той лишь разницей, что вместе с властью они утратили многие из прежних прерогатив.

Но далеко не всегда присоединение княжеств к Союзу и преобразование их в демократические штаты проте-

кало безболезненно. В Кашмире этот процесс сопровождался кровавыми столкновениями с Пакистаном. Низам Хайдарабада ни обещаниями, ни угрозами нельзя было склонить присоединиться к Индии. Безгранично заносчивый, он слепо верил в могущество своей армии, пестротой одеяния напоминавшей опереточную. Создалась угроза сохранения в самом сердце Индии независимого от нее княжества. Пришлось ввести в действие войска, и уже через пять дней низам был вынужден капитулировать.

Реформа не коснулась личного состояния махараджей. Они сохранили свои поместья, большую часть драгоценностей и дворцы. В восьми созданных штатах самые могущественные из князей стали раджпрамукхами — губернаторами с широкими правами. Восседая в прежних замках, они управляли своими прежними подданными, и нередко их власть распространялась над большими областями, чем раньше. Они даже сохранили свои титулы «высочество» и «светлейшее высочество», и многим простым индийцам казалось, будто ничто не изменилось. Отказ махараджей от политических прав компенсировался сказочно высоким вознаграждением. Так, махараджа Джайпура получает ежегодную пенсию в размере 1800 тысяч рупий, гаеквар Бароды — 2650 тысяч рупий, а строптивый низам Хайдарабада, мусульманский властелин над индусами, — даже 5 миллионов рупий.

В целом правительство ежегодно отчисляет князьям 58 миллионов рупий — чудовищная сумма для слабо развитой страны. Не удивительно, что многие критикуют политику возмещения «убытков» князьям. Уже не только индийские коммунисты выдвигают требование безвозмездной экспроприации князей, прекращения выплаты им пенсий и передачи государству их огромного имущества и земельных владений. В настоящее время эти мероприятия необходимы для уменьшения платежных затруднений правительства и финансирования второго пятилетнего плана.

Ага Хан, прославившийся в Европе богатствами и распутной жизнью, также был индийским князем, но совсем иного рода, чем махараджи. Он считался имамом — религиозным главой мусульманской секты ис-

маилитов, к которой принадлежали многие состоятельные банкиры и купцы.

В тридцатые годы Великобритания усиленно подерживала Ага Хана, занимавшего проанглийскую позицию, и старалась представить его выразителем интересов Индии. После того как Индия добилась независимости, Ага Хан стал безразличен для Британской империи, и только его беспорядочная личная жизнь заставляла говорить о нем. Пищи для пересудов было более чем достаточно. Ее давали и роскошные дворцы на Французской Ривьере, где устраивались пышные балы, и парижские конюшни с дорогими скакунами лучших кровей, на которых с завистью косились даже английские лорды, и рождение внучки Ага Хана Жасмине (пеленки для нее были доставлены самолетом из Голливуда в Швейцарию), и загадочное похищение драгоценностей не без участия высших чинов французской полиции. Но больше всего шума наделала скандальная история, на протяжении многих месяцев занимавшая всю бульварную печать Запада, — история женитьбы сына Ага Хана — Али Хана на американской киноактрисе Рите Хейворс и развода с ней.

Авторитет Ага Хана и его влияние на правоверных мусульман основывались, конечно, не на этой сомнительной популярности. Дело в том, что Ага Хан был потомком Фатимы, единственной дочери «пророка». Если он и не окружал свою персону ореолом сверхъестественного существа, как японский микадо или тибетский далай-лама, тем не менее сорок девятый потомок «пророка» оставался для своих приверженцев не чем иным, как божеством.

За 20 месяцев, которые понадобились для объединения княжеств, политическая карта Индии претерпела коренные изменения. Территориально раздробленный субконтинент превратился в сплоченный союз штатов с крепким центральным правительством. Махараджа Джайпура стал раджпрамукхом Раджастана — чиновником на жалованье, более всего известным тем, что он мастер по поло международного класса и супруг индийской королевы красоты.

Погрузившись в свои мысли, я не заметил, как подошел к гостинице и начал медленно подниматься по

лестнице. Внезапно я увидел перед собой портрет раджпрамукха Раджастана, правда, не в брюках и рубашке «бушот», а в белой парадной форме. Тюрбан, красный шарф, сверкающие алмазы и рубины — одним словом, настоящий махараджа. Желая проверить себя, действительно ли на портрете раджпрамукх, с которым мне только что довелось беседовать, я спросил слугу. Он почтительно склонился — не передо мной, разумеется, а перед портретом — и произнес:

— Это его высочество махараджа Джайпура.

На мое замечание, что махараджей больше нет, он печально возразил:

— Да, да, некоторые люди теперь так говорят, но, знаете, для меня он остается «его высочеством махараджей»!

Этот эпизод вспомнился мне несколько дней спустя, во время посещения лагеря индийских школьников. Наблюдая занятия по санитарии для девочек и военные упражнения мальчиков, я разговорился о почитании махараджей с руководителем лагеря — индийцем лет 40, одетым в бойскаутскую форму цвета хаки.

— Взгляните на бойскаутов, — заметил он, — они мыслят иначе. Они не только не жалеют об отсутствии князей, но радуются тому, что сейчас Индия единая независимая республика. Конечно, старики чтут раджпрамукха как махараджу. Но в какой стране нет людей, сожалеющих о прошлом? Наше счастье, что таких, которые оглядываются назад, становится все меньше и что молодежь, правда, еще во многом придерживающаяся традиций и преданий, упорно стремится к новому и не тоскует о былом.

Недолго пришлось князьям быть чиновниками на жалованье, облеченными высокой властью. 1 ноября 1956 г. 8 штатов, возглавляемых раджпрамукхами — бывшими махараджами, были упразднены, и Индийский Союз разделен на 14 равноправных штатов. Так князья были устранены с политической арены молодой республики. Сейчас об их прошлом величии напоминают только роскошные дворцы, выплачиваемые им пенсии да разве еще махараджа Майсура, хотя он и не «высочество», и не раджпрамукх, а губернатор штата Майсур без особых привилегий, который в любое время может

быть смещен. Последние князья, перекочевавшие в наши дни из колониально-феодалного прошлого, лишились своей власти. Остались властители без владений, князья без подданных, живые напоминания о минувших временах.

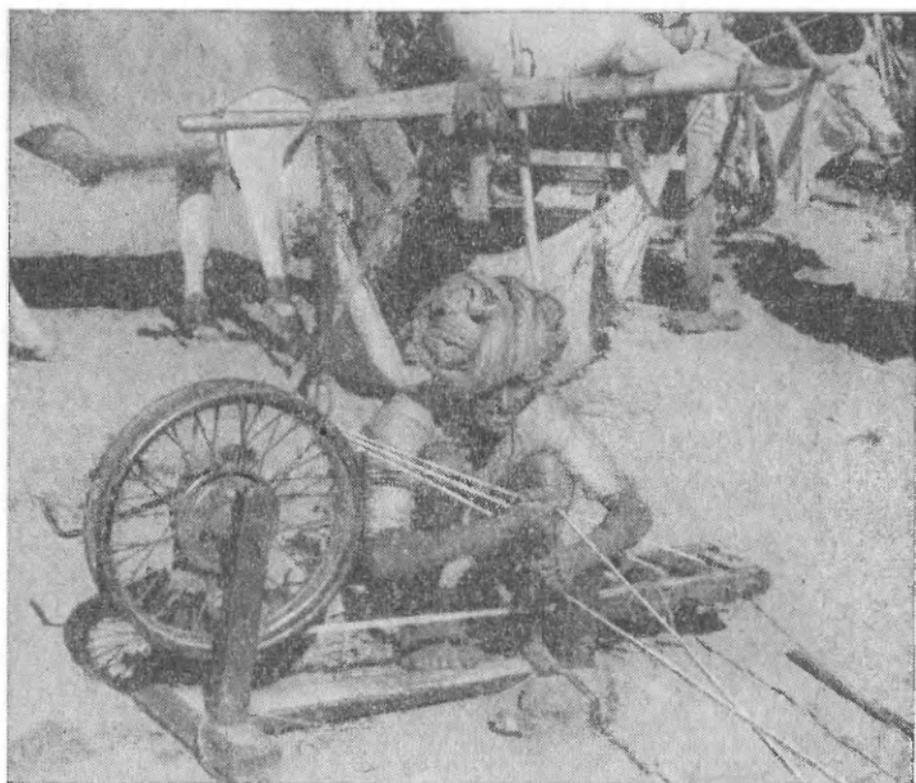
Самоуверенный махараджа Джайпура, правда, продолжает получать возмещение за «понесенные убытки», играть в поло и быть супругом индийской королевы красоты, но он уже не тот неограниченный владыка, от которого зависели судьбы края. Его государство стало демократическим штатом, милостиво предоставляющим убежище своему бывшему владыке.

Джайпурские впечатления

Построенный из красного песчаника Джайпур — жемчужина древней страны раджпутов. Он расположен в долине, замкнутой скалистыми горами, которые словно стражи-великаны окружают его со всех сторон.

Некогда Джайпур был княжеской крепостью, и его толстые кирпичные стены сохранились так хорошо, что и сейчас могли бы сдерживать штурмующие войска. Во времена вражеских нашествий он служил надежным убежищем для беженцев. Через город пролегали торговые пути, и караваны находили здесь приют и защиту. Все это немало способствовало тому, что даже в беспокойные времена за стенами Джайпура процветали ремесла и торговля.

Кварталы Джайпура прямолинейны и симметричны. В отличие от других городов Индии здесь нет извивающихся, подобно кобрам, улочек и переулков — прямые, как стрелы, улицы светлы и просторны. Они расположены параллельно друг другу и пересекаются под прямым углом. Если взглянуть на Джайпур сверху, он напоминает огромную шахматную доску. И все же при всем своеобразии величественный и вместе с тем полный изящества город составляет неотъемлемый фрагмент общей картины Индии, словно один из драгоценных камней в мозаике.

Индийские ремесленники в основном продолжают работать такими же примитивными методами, как этот канатчик

Широкие проспекты Джайпура, проложенные много веков назад, как бы специально рассчитаны на современное движение. Но увы, на них господствуют еще двухколесные тонги в лошадиной упряжке, скрипящие колымаги внушительных размеров, запряженные быками и передвигающиеся даже не на колесах со спицами, а на больших деревянных дисках, да задыхающиеся от напряжения и усталости рикши.

Между ними снуют ослики с различной поклажей, чаще всего с песком и камнем. Реагируют они разве только на окрики погонщика, который расположился на спине одного из них, старательно подобрав при этом ноги, чтобы они не волочились по земле. Ослы великолепно ориентируются в той неразберихе, что царит на улицах Индии. С неподражаемым хладнокровием они продолжают свой путь, невзирая на препятствия, то и

дело возникающие на их пути. Все это знают и безропотно уступают осликам дорогу. Остается только удивляться старинной поговорке, несправедливо закрепившей дурную славу за этими неутомимыми и смысленными работягами.

Те, кто держит путь издалека, приезжают на верблюдах, и в этом оживленном городе корабли пустыни напоминают о том, что за Джайпуром лежит бескрайнее, лишенное тени море иссохшего песка. Верблюды, как и сотни лет назад, важно шествуют целыми караванами по улицам Джайпура или же возлежат перед воротами города, где ни шум, ни мухи, сотнями кружащиеся над ними, не могут вывести их из состояния покоя.

На одной из джайпурских улиц я наблюдал, как несколько человек, пристроившись прямо на краю тротуара, плели из пенькового шнура толстый канат. Единственными орудиями им служили старый обод от мотоциклетного колеса, рукоятка и зазубренный кусок дерева. Немного дальше, на проезжей части дороги, сидела на корточках прачка, разложив перед собой прямо на асфальте кусок белой бумажной ткани. Она беспрерывно поливала его водой из таза и била деревянным вальком. Ее подруги, расположившиеся поодаль, с размаху били бельем по камню. Независимо от методов мне сразу стало ясно, почему после каждой стирки вещи возвращаются ко мне без единой пуговицы.

На одном из перекрестков путь преграждала толпа людей, образовавших тесный круг. Те, которые оказались внутри, сидели на корточках, другие — во втором ряду — стояли плотной стеной, а третьи вытягивались изо всех сил, тщась что-либо разглядеть поверх голов и спин. Внимание толпы, оказывается, привлек сидевший в середине пожилой мужчина, жестикулировавший так энергично и красноречиво, что, пожалуй, его можно было бы понять и без слов. Он говорил о Шиве и Вишну, о жизни в мире земном и мире загробном. В нескольких шагах от него было аналогичное сборище, с той лишь разницей, что здесь речь шла о сугубо земных делах: проникновенно рекламировались зеленые пилюли, якобы совершающие чудеса исцеления.

На улицах Джайпура мне повстречался человек, наготу которого прикрывали только борода да железная цепь вокруг бедер. Его лицо было раскрашено в неопределенные цвета, а серые волосы и тело имели такой вид, словно их вываляли в золе. Это — «святой», садху. Он уже в этом грешном мире живет потусторонней жизнью, отказываясь от всех земных радостей. Правда, от земной еды он еще не в силах отказаться и протягивает свои «священные» длани за вполне материальным подаением.

В Джайпуре настоящий рай для художника. Куда ни глянь, перед взором предстает вся палитра тонов, сверкающих на фоне ярко-синего тропического неба. Все здесь овеяно сухим, горячим воздухом пустыни, чье раскаленное дыхание не в силах задержать городские ворота. Неповторим в своем красочном многообразии джайпурский базар. Горами навалены плоды — бананы, апельсины, дыни, мандарины, лимоны, кокосовые орехи, гуайявы, ананасы. Кажется, что все богатства тропических чудо-садов доставлены сюда для продажи.

Дома, такие однообразно серые и безотрадные в других городах, сияют здесь светло-розовыми тонами. Недаром Джайпур называют светло-розовым городом. Его жители любят одеваться в яркие платья. Редко встретишь здесь женщину в простом белом сари, распространенном во всей Индии. Вместо него в Раджастане принято носить ярко-красную, желтую или синюю широкую юбку — гхагра и пеструю блузку — канчли, отделанную орнаментом и нередко даже жемчугом. Завершается наряд допати — одноцветной шалью с богатой вышивкой. Те, кому это по средствам, украшают запястья и щиколотки не только обычными серебряными, но и цветными браслетами.

Все радовало глаз, даже необычный вид животных, которых мы увидели на улице. Оказывается, они участвовали в дивали — празднике огня, радости и веселья, одном из важнейших индусских торжеств. Рога быков в честь праздника были окрашены в красный и синий цвета, а у некоторых позолочены или посеребрены. Белые коровы пестрели полосами, отпечатками рук и замысловатыми знаками. Мне сообщили, что это великая честь, которой удостоиваются не все животные,

а только священные. Поэтому незаменимые верблюды даже в этот день оставались глинисто-серыми и лохматыми, что особенно бросалось в глаза, когда они двигались по улицам рядом с празднично убранными корами, напоминая еретиков, не удостоившихся праздничных отличий.

Зловещую ноту в эту симфонию красок вносили хищные птицы — коршуны и луны, сотнями и тысячами сидевшие на карнизах домов. Заприметив добычу, они стаями взмывали вверх, буквально заслоняя солнечный свет, и, подобно грозовой туче, низвергались на землю с вытянутыми вперед длинными когтями и острыми клювами. Всегда голодные хищники в любой момент готовы перейти в наступление, и даже взмах их широких крыльев небезопасен. Если я начинал на улице что-нибудь есть, около меня немедленно вырастала фигура индийца, предупреждавшего об опасности. Мне рассказывали, что птицы воруют овец и коз, а один индеец уверял, что был случай, когда они похитили ребенка.

Торговцы зерном не обращали внимания на летающих нарушителей спокойствия. Они складывали мешки в кучу, пересчитывали их, просеивали зерна сквозь пальцы, а затем приступали к взвешиванию. Взвешивание для них не просто работа, не обычная процедура, которую следует закончить как можно скорее. Это священнодействие, доставляющее радость и как бы подытоживающее выгодную торговую сделку.

Взвешивание производится весь день напролет, с раннего утра до позднего вечера. Человеку постороннему начинает казаться, будто зерно привезено сюда исключительно для того, чтобы его взвешивали, причем не большими порциями, не мешками, а маленькими кучками, уместающимися на чаше весов. Не мудрено, что при такой системе поклажа одного верблюда задавала работу на целый день. Один за другим опорожнялись мешки, окруженные плотной толпой людей, которые, казалось, были обеспокоены лишь тем, чтобы ни одно зернышко не пропало втуне. Чашу весов, не вмещавшую и 5 килограммов, то и дело наполняли руками под ритмичные звуки песни. И всякий раз, когда бородатый индеец в тюрбане высоко поднимал

за веревку коромысло весов и чаши с зерном и гирями уравнивались, он расплывался в улыбке и бросал вокруг торжествующий взгляд.

Сколько времени пропадает зря! Порою кажется, что его здесь не ценят. В Индии говорят завтра, а подразумевают послезавтра, но с таким же успехом это может означать и через неделю. Здесь не улавливаются на определенное время, скажем на четверть одиннадцатого или на половину двенадцатого, а предлагают: «встретимся до обеда», и каждый волен истолковывать эти слова по-своему. Никто не спешит на вокзал в последнюю минуту, а приходят задолго, иногда за несколько часов до отхода поезда, и удобно располагаются на перроне с узлами, ящиками и чемоданами. Жизнь здесь течет вне времени, и часы, пожалуй, служат лишь внешним признаком благосостояния. Но индустриализация страны и в этом отношении принесла с собой большие перемены, ибо современное предприятие требует дисциплины, точности и аккуратности.

Дивали давал о себе знать не только ярким убранством коров, разгуливавших по улицам. Молодежь с раннего утра забавлялась весело подпрыгивающими гремящими лягушками и хлопучками. Шла бойкая торговля воздушными шарами, гирляндами, масками, и вскоре во всем городе воцарилось веселое оживление, которому не могло помешать раскаленное тропическое солнце. Это был местный индусский праздник рождества. Он отмечается поздней осенью почитанием богов и фейерверками; ни вечерних торжественных трапез, ни вина и пьяных на нем не бывает.

Но поесть в этот день далеко не грех. Излюбленное праздничное яство — чини, засахаренный стебель тростника толщиной в палец и длиной в несколько метров. Индийцы любят сласти, без них им и праздник не в праздник, а изысканные лакомства, продаваемые в любой лавке, они ни во что не ставят, предпочитая им домашние изделия. По случаю дивали целые возы тростниковых стеблей раскупались в одно мгновение, и улицы кишели счастливыми обладателями связок тростника, водруженных на головы. Некоторые считали ниже своего достоинства придерживать руками

раскачивающиеся связки, даже когда бегали наперегонки.

Индийцы мастера носить вещи на голове. Носят они любые предметы любого веса и формы — массивные и хрупкие, громоздкие и изящные, и, глядя на них, можно подумать, что более удобного способа переноски грузов не найти. Их ловкость и выносливость не могут не вызвать удивления. На стройках женщины изо дня в день таскают на головах песок, камни и цемент, и про готовый дом можно сказать, что он не только созрел у архитектора в голове, но и буквально принесен на голову. Индианки ухитряются грациозно носить на высоко поднятой голове кувшин с водой, как бы вовсе не ощущая его тяжести.

Я видел, как девушка с огромной корзиной апельсинов на голове, вместо того чтобы спешить домой, завела с приятельницей длинный разговор. Рядом стояла ее сестренка, лет шести, тоже с корзиной на голове, обе они даже не подумали освободиться на время от ноши и словно забыли о ней. И в этом нет ничего удивительного. Едва научившись ходить, индийские дети приучаются к переноске тяжестей. Так путем целеустремленной тренировки можно достигнуть невероятного. Ведь и многие упражнения йогов, кажущиеся нам чудом, на самом деле представляют собой результат умения в совершенстве владеть своим телом, выработанного путем длительных упражнений.

Индийский базар нельзя сравнить ни с одним из западных торговых кварталов или рынков. На нем сосредоточена вся жизнь города. Продавцы орехов поджаривают товар на неугасающих жаровнях, точильщики звонкими голосами предлагают свои услуги, ремесленники тут же — в лавчонках, в подворотнях домов, в подвалах и прямо на мостовых — изготавливают все, что нужно городу в будни и праздники. Мастерская и магазин, склад и жилище соединяются воедино, образуя базар.

В индийском городе заниматься ремеслом можно далеко не везде и не по собственному усмотрению. Все регламентировано цеховыми предписаниями, как в средневековом немецком городке. Сапожники живут и работают в сапожном переулке, ювелиры — в квартале

золотых дел мастеров, ткани изготавливаются на улице ткачей. Порвать традиционные пути и переселиться в другую часть города, где меньше конкурентов, ремесленнику не под силу. Да и кто знает, может быть, он от такого шага только проиграл бы. Ведь издавна повелось, что человек, желающий приобрести рубашку, идет прямо в переулок портных; там предложения и выбор беспредельны, а цены умеренны, ибо каждый торговец старается сбить цену другому. Ремесленник, обособившийся от своих коллег, рисковал бы остаться вовсе без покупателей, которые привыкли выбирать товары не спеша, сопоставлять их между собой, долго прицениваться и еще дольше торговаться.

И вот, чтобы купить пару сандалий, мне пришлось отправиться на другой конец города, где продавцы обуви наперебой старались завлечь в свои лавки каждого прохожего. Один из них, наметив меня в качестве жертвы, буквально засыпал словами, убеждая, что покупать следует в его магазине, самом лучшем и самом дешевом. Бесконечный перечень имен должен был служить доказательством того, что у магазина самая избранная клиентура. Узнав, что я немец, он решительно потащил меня в лавку, где я должен был прочесть отзыв моего соотечественника, утверждавшего, что «ботинки господина Паниккара высокого качества, а обслуживание в его заведении вежливое и предупредительное».

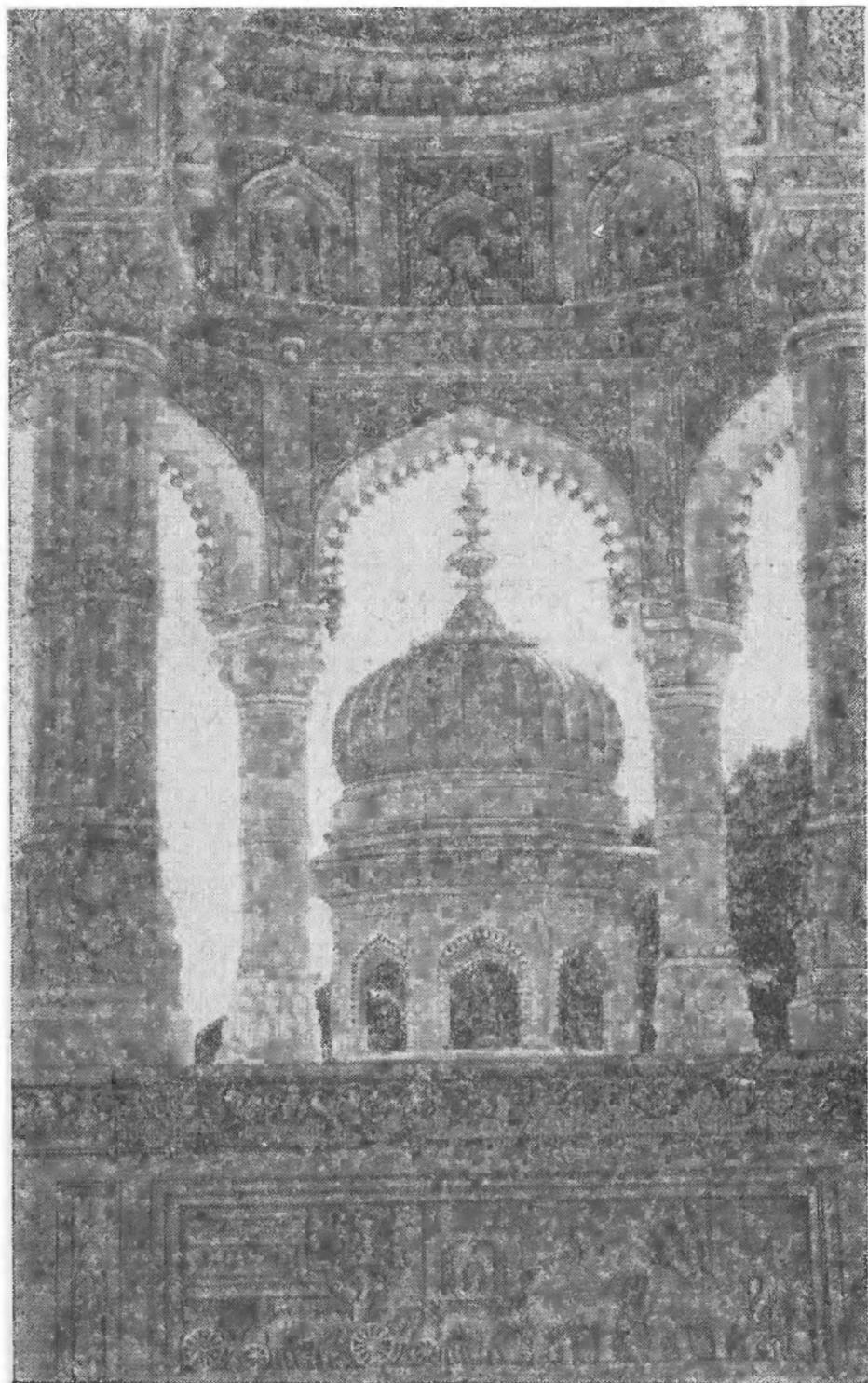
Рекомендательные письма широко распространены в Индии и играют большую роль в деловой жизни страны. Многие хозяева лавок помещают «рекомендации» в рамки и вывешивают их на стенах или у входа. Конечно, особо ценятся отзывы знатных персон, иностранных туристов, дипломатов или, на худой конец, государственных чиновников. Всякий, кто выполнит мало-мальски значительную работу, обязательно попросит оценить в письме качество исполнения. Даже сопровождавший меня в поездке по Индии мистер Кульдип при расставании обратился ко мне с просьбой выдать ему рекомендацию, начинавшуюся обычной формулой: «К сведению заинтересованных лиц». Эти отзывы заменяют здесь дипломы и свидетельства о профессии.

В соседнем переулке работали красильщики. Перед дочерна закопченным горшком сидел на корточках индеец, непрестанно дул на угли и для большего жара подкладывал в огонь коровий навоз. Обеими руками он погружал сверток ткани в воду цвета индиго, следя за тем, чтобы краска покрывала его целиком. Постепенно и ткань и руки теряли свой первоначальный вид и окрашивались в равномерный стойкий синий цвет. Две женщины сушили огромные куски материи для сари — взявшись за края полотнища, они бегали взад и вперед по улице, размахивая им с такой неутомимой деловитостью, что, глядя на них, я невольно начинал испытывать сомнения в целесообразности привычного способа сушки мокрых вещей на веревках.

Джайпурские скульпторы по мрамору прославились далеко за пределами города и страны умением вдохнуть жизнь в мертвый камень. Многие дворцы махараджей именно их искусным рукам обязаны своим незабываемым очарованием. Это они создали ослепительно белые, богато украшенные гробницы махараджей и принимали участие в сооружении Тадж Махала в Агре. Теперь из джайпурских мастерских уже не выходят монументальные творения. Здесь большей частью изготавливаются небольшие барельефы для храмов, бюсты знаменитых людей и сувениры, но и они бесспорно являют собой подлинные произведения искусства.

Правда, подчас бок о бок с прекрасным уживается безвкусица. Мастера, вынужденные думать о хлебе насущном, не всегда могут быть взыскательными в своей работе. Рядом с изящными, необыкновенно выразительными мраморными статуэтками случается увидеть примитивные, выполненные по трафарету фигуры богов, ярко раскрашенные и отталкивающие, а то и цветное скульптурное изображение Ганди в натуральную величину с очками из проволоки на носу. Как не вяжутся эти низкопробные работы с нашим представлением об Индии как о стране чудесных умельцев!

А ведь их встречаешь повсюду. Граверы превращают невзрачные медные тарелки в великолепные предметы обихода и сувениры. В рисунках, выгравированных резцом на металле, отражается мечтательная на-

Гробница — образец раджпутской архитектуры XVII в.

тура и богатая, хотя и непонятная нам, фантазия индийцев. Но что бы ни выражали изображения и орнаменты, в них чувствуется трепетное дыхание жизни и подлинное вдохновение художника.

Изделия недороги, как и все, что изготавливается в Индии ручным способом: маленький колокольчик стоит 4 рупии, медная тарелка с орнаментом — 5. Бóльшую часть выручки кладет себе в карман владелец мастерской, а на долю граверов остаются сущие гроши. И все же они зарабатывают больше, чем прежде, так как их клиентура, раньше целиком состоявшая из индийских домохозяек, пополнилась новыми вполне платежеспособными покупателями — теми 100 тысячами иностранных туристов, которые ежегодно приезжают в Индию и никогда не возвращаются домой без целой коллекции сувениров.

В Джайпуре по сей день сохранилось традиционное деление города на две части — на живой, шумный базар ремесленников и тихую резиденцию махараджи, обнесенную высокими стенами. Правда, отношения между этими частями изменились, и махараджа уже не тот неограниченный властелин, каким был совсем недавно, но с виду все осталось по-старому. Базар по-прежнему привлекает своей пестротой и сутолокой, а княжеская часть города очаровывает посетителей чудесными, овеянными легендой строениями.

Это прежде всего Хава Махал — дворец ветров — семиэтажное здание из красного песчаника, испытавшее влияние мусульманской архитектуры. Оно похоже на гигантские пчелиные соты. Множество эркеров с лукообразными крышами напоминают маленькие престолы. Невдалеке в тихой долине расположены беломраморные гробницы махараджей. Сконцентрированные на небольшом пространстве, они пленяют изяществом пропорций. Колонны небольших залов покрыты орнаментом, крыши куполов сплошь состоят из скульптурных изображений на мотивы древних легенд, филигранно выполнен мраморный бордюр. Бесспорно, гробницы махараджей навечно останутся чудесными памятниками индийского зодчества.

В этой же части города находится обсерватория, построенная по приказанию основателя города и страст-

лого астронома махараджи Джай Сингха. Ее своды из белого мрамора, наклонные плоскости с глубокими ступенями, солнечные часы с усеченными колоннами, отбрасывающими тень на шкалу с делениями, своим явным конструктивизмом напоминают сооружения модернистской архитектуры. Но здесь нет ничего лишнего, и благодаря хорошо продуманной кубистической архитектуре светлейший звездочет смог сделать в обсерватории не одно важное астрономическое открытие.

Тишина царит в этой части города, а в другой шум не умолкает даже поздним вечером. Как и днем, бурлит жизнь на джайпурском базаре. Повсюду толпится народ, торговцы продолжают навязывать свои товары, и тут же, несмотря на поздний час, играют дети.

Индийский город подчиняется своеобразному ритму жизни. Лавки открываются не раньше 10 или 11 часов, а первые покупатели появляются около полудня. Учреждения начинают работу в это же время, и, чтобы застать нужного человека, лучше всего прийти к 12 часам. Начальство появляется обычно во второй половине дня. Договариваясь о деловых встречах, большей частью назначают вечерние часы. Такой распорядок, складывавшийся исторически, порожден тропической жарой. Днем солнце палит нестерпимо, и все живое укрывается от его безжалостных лучей. Когда же они становятся милосерднее, тенистые улицы оживают, вновь пробуждается деятельность. Спать ложатся поздно ночью, с тем чтобы использовать освежающе прохладные утренние часы для сна.

Завсегдатаи ресторанов из заморских краев, пожелавшие ночную жизнь у себя дома сменить на ночную жизнь в экзотических широтах, находят мало привлекательного в вечерней толчее на улицах обычного индийского города. Они с грустью устанавливают, что в Индии нет модных баров, кабаре и варьете со «светскими» девицами, что шотландское виски, облагаемое высоким налогом, обходится слишком дорого, что окружающая нищета не располагает к увеселениям, если ты не махараджа, владеющий княжеским дворцом и

роскошным гаремом. Тут ничего не в силах изменить даже ловкие заправи́лы туризма — те самые волшебники, которые умеют не только выполнять любое желание иностранцев, но даже угадывать его по глазам платежеспособных клиентов. Туристы из категории гуляк вынуждены довольствоваться осмотром мало интересующих их достопримечательностей да вкусной едой, и нередко можно услышать, как, обливаясь потом от жары, незадачливый иностранец произносит, вздыхая: «Господи, когда же я наконец буду дома».

Современные бальные или так называемые западные танцы в Индии не в почете. Но если б здесь и открылись дансинги или танцевальные площадки, танцевать, пожалуй, пришлось бы одним мужчинам, ибо женщина по традиции продолжает занимать особое, приниженное положение, а круг ее деятельности ограничивается домашним хозяйством и воспитанием детей. В состоятельных семьях, которые дорожат своим «добрым именем», женщины даже не ходят за покупками. О присутствии хозяйки в доме гость может догадаться лишь по звукам, доносящимся из кухни, а видит он ее тогда, когда она подает кушанья на стол.

Только в немногих европеизированных семьях хозяйка дома находится в комнате вместе с гостями, но обычно никогда не принимает участия в беседе. У индийской женщины значительно меньше возможностей получить образование, чем у мужчины, и всего около 3 процентов индианок умеют читать и писать.

Нередко случается видеть женщин, выполняющих тяжелые работы на строительстве или при ремонте дорог. Это отнюдь не свидетельствует об изменениях в их общественном положении, ибо работницы в большинстве своем — отверженные, которых принудил работать голод. Когда на стройке я пожелал побеседовать с работницами и попросил одного из индийцев служить мне переводчиком, он наотрез отказался. По его убеждению, подобная беседа «осквернит» его. Индийцы, принадлежащие к среднему сословию, да и не только они, но и каменщики, рикши, ремесленники заверяли меня, что никогда не разрешили бы своим женам работать, ибо это запятнало бы не только их тело, но и душу.

После получения независимости произошли известные сдвиги в этой области. Некоторые девушки из интеллигентных семей учатся, становятся врачами, работают в учреждениях. Но это еще далеко не массовое явление, и то обстоятельство, что Раджжумари Амрит Каур была министром здравоохранения, а сестра Неру долгое время представляла Индию в Организации Объединенных Наций, равносильно революции в сознании индийцев. Для большинства индийских женщин, несмотря на разумные законы, равноправие остается мечтой. Правда, сейчас жена уже не обязана идти на пять шагов позади своего мужа, как это было еще при жизни прошлого поколения, но уважение к ней увеличилось значительно меньше, чем сократилось видимое расстояние между супругами.

В городах с многомиллионным населением — Калькутте, Бомбее и Дели — теперь, конечно, есть бары и танцевальные площадки. Но эти заведения не типичны для Индии и в основном даже не для индийцев предназначены. Они устроены по европейскому образцу и рассчитаны преимущественно на иностранцев. Исключительно высокие цены преграждают доступ туда простому человеку. Индийцы, встречающиеся там (и иногда с женами), — это богатые дельцы или ученые, долгое время жившие в Европе, чаще всего в Англии, получившие там образование и на родине продолжающие вести европейский образ жизни. Они составляют те ничтожные доли процента населения, которые статистикой не учитываются, но бросаются в глаза иностранцам, так как они именно с этой категорией индийцев имеют больше всего точек соприкосновения.

Индийцы большие любители зрелищ, но устраиваемых не в театрах и цирках, а прямо на улицах. Бродячие актеры в любое время дня и ночи находят благодарную публику. Вот примостился где-то на краю тротуара, на перекрестке или на площади фокусник и показывает свое искусство. Вокруг него немедленно собираются люди и часами сидят на корточках, с неослабным интересом следя за представлением.

И впрямь индийские фокусники поражают своей ловкостью, они творят «чудеса». В их руках непостижимым образом исчезают камни, красные платки пре-

вращаются в синие, а обрывки бумаги — в целые газеты. На протянутом через дорогу канате акробат делает кульбиты, опрокидывающие наши представления о земном тяготении. Для пущего эффекта он завязывает себе глаза и повторяет номер вслепую. Силач тонкими, как палки, руками разрывает толстые цепи, после чего его сначала заваливают булыжниками, а затем закапывают в землю. Выступление на лужайке сопровождается барабанным боем. Здесь два борца меряются силами, среди толпы изможденных, похожих на скелеты людей их мускулистые тела особенно выразительны. Зрители принимают в состязании живейшее участие, подбадривают борцов громкими криками и, кажется, вот-вот сами пойдут в рукопашную. Борьба — излюбленный народный вид спорта, и борцы, в особенности победители, пользуются таким же почетом, как греческие атлеты во времена олимпийских игр.

Махараджи на экране и кинобоги

Мимо нас продефилировал оркестр, исполнявший немецкий марш. Музыканты были разодеты, пожалуй, не менее живописно, чем в свое время личная гвардия махараджи. Я сначала решил, что это праздничное шествие или мероприятие благотворительного общества, но оказалось, что литавщик и трубачи с их помятыми инструментами должны были всего-навсего привлечь внимание к двигавшимся за ними транспарантам, рекламировавшим новый цветной фильм «Безумие». Для съемок этого фильма в страну, изобилующую обезьянами, из Голливуда привезли знаменитую кинозвезду — шимпанзе, и ей удалось вызвать удивление и восторг даже у индийцев, привыкших к проделкам этих животных.

В остальном «Безумие» обычный боевик, состряпанный по испытанному рецепту: жестокий правитель и замученные подданные, придворные интриги, ревность и любовь, преследования и стычки с бесконечными взмахами сабель, а в промежутках между ними пение и танцы, танцы без конца.

Конкурирующая фирма рекламировала картину «Звенят, звенят паялы*» — цветной фильм с танцами, пением, любовью, удивительными гуру и счастливым концом.

К индийским фильмам следует подходить с иной меркой, чем к нашим. У них своя тематика и свои герои. Социальные проблемы современной Индии затрагиваются в них очень робко, а излюбленным материалом для кино служат эпизоды из древней истории Индии и индусской мифологии, из того мира туманной мистики, который продолжает быть близким и понятным среднему индийцу. Весь индийский пантеон приведен в действие, лишь бы увеличить производство картин. На экранах индийских кинотеатров свершаются чудеса, святые читают проповеди, души аскетов подымаются на небо, а четырехрукий Шива, приплясывая, спускается на землю. Бог пастухов Кришна заводит игры с пастушками, и плывут на змее Вишну и Лакшми, творя добро и воскрешая покойников. В небывалом великолепии сияют на экране отполированные до блеска империи Великих Моголов и владения князей из папьемаше.

В индийских фильмах не увидишь поцелуев и рискованных любовных сцен, ибо их не допускает цензура. Но это не значит, что такого рода фильмы в Индии не смотрят или не показывают. В санкционированных той же цензурой голливудских боевиках подобные эпизоды засняты на цветную пленку и демонстрируются на широком экране.

Во славу кино в Индии трудятся 73 студии. Они ежегодно выпускают на экраны, и без того заполненные американской стряпней, около 250 фильмов. С точки зрения искусства да и практического смысла такая огромная продукция приносит мало пользы, но зато обеспечивала Индии второе после США место в мире по количеству производимых фильмов. Только Японии благодаря серийным фильмам о самураях удалось в последние годы превзойти Индию, отодвинув ее на третье место.

На экранах Индии демонстрируется ежегодно от

---

* Браслеты, надеваемые на ногу.

400 до 500 иностранных и отечественных фильмов. Это очень много для страны, где на 130 тысяч жителей приходится один кинотеатр и где миллионы людей вообще никогда не ходят в кино, так как не имеют для этого ни денег, ни желания. Уму непостижимо, как индийские кинопромышленники умудряются пропускать эти фильмы всего лишь в 3 тысячах кинотеатров страны, оплачивать накладные расходы и даже извлекать прибыль.

Калькутте и Мадрасу принадлежит значительная роль в индийской кинопромышленности, но настоящим киногородом, таким восточным Голливудом, бесспорно является Бомбей. Здесь на 40 с лишним студиях производится больше половины всей кинопродукции Индии. Здесь рождаются или создаются рекламной кинозвезды. Звезды получают сказочные гонорары, а осветители и рабочие павильонов влачат нищенское существование. Чтобы этот мир казался необычным, интересным, заманчивым и привлекал в кинотеатры все больше зрителей, бульварная пресса окружает его ореолом слащавой романтики.

Мне довелось познакомиться с киномиром Бомбея совсем с другой стороны. Когда я вошел в огромный зал студии Радж Капура, там, несмотря на жару, шла напряженная работа и не было и следов той романтической обстановки, о которой так любят писать газетчики. На стене светился красный сигнал: «Внимание, съемка!», а операторы направляли объективы на люк в потолке, из которого боязливо выглядывал Радж Капур, снимавшийся в роли бедного крестьянина.

Радж Капур, или, как его иногда называют, индийский Чарли Чаплин, принадлежит к видным художникам реалистического жанра. Этому стройному индийцу незадолго до моего приезда исполнилось 33 года. Родом он из старинной артистической семьи и получил специальное театральное образование. Первого большого успеха Радж добился еще двадцатилетним юношей в фильме «Голубой лотос». Вскоре он основал собственную студию, в которой выполнял функции актера, режиссера и продюсера, и прикнюк к небольшой группе молодых режиссеров, старавшихся утвердить реализм в индийском киноискусстве. Именно стремление

к созданию реалистических фильмов завоевало ему симпатии индийских и зарубежных зрителей.

Капуру удалось выработать своеобразную манеру игры, внешне несколько напоминающую мимику Чарли Чаплина, но отличающуюся от нее национальным, чисто индийским характером. Подобно чаплинскому, его юмор сочетается с горькой иронией, он вызывает смех и заставляет задуматься, ему нельзя отказать в веселости, но в то же время он очень серьезен. Радж Капур сам объяснил мне, в чем состоит его метод:

— Многие считают меня просто шутником, но они меня не поняли. Я стремлюсь не только смешить и развлекать, но и разоблачать плохое, пробуждать симпатии к хорошему, прекрасному, благородному. Своеобразие моей манеры игры в том, что я добиваюсь желаемого результата при помощи юмора, смеха, так как они разят цель точнее, чем брань.

Индийское кино имеет сравнительно большую историю — уже в 1913 г. в стране был снят первый немой фильм. Но в течение 40 лет, пока режиссеры и операторы плели на экране фантастические небылицы, не имевшие никакой художественной ценности, оно не проникало в другие страны. Лишь с вышедшего в 1953 г. фильма «Два бигха земли», в котором серьезно и правдиво рассказывалось о проблемах и заботах простого крестьянина, началась новая эпоха в индийской кинематографии. Она ознаменовалась появлением реалистических высокохудожественных фильмов, и если сейчас индийское киноискусство завоевало признание всего мира, то в этом бесспорная заслуга той небольшой группы режиссеров, которая изгнала из своих студий махараджей и богов и сделала главным героем фильмов современного индийца.

Индийская свадьба

Украшенные лампочками деревья в саду Иш Кумар Пури напоминали о рождестве. Только совсем не рождественской была жара, такая, что даже вечером не хотелось надевать ничего, кроме легкой рубашки «бушот». В тот день мне, правда, пришлось отказаться

от этой удобной одежды, так как я был приглашен на свадьбу в семье Пури.

Обычно все семейные торжества происходят в доме, но на этот раз он стоял одинокий, всеми покинутый и забытый, а для приема гостей в саду был разбит четырехугольный шатер — пандал. Человеку непосвященному он мог показаться слишком большим для семейного праздника, но хозяева знали, что их ожидало в этот день. Все, кто находился с женихом или невестой хотя бы в самых отдаленных родственных отношениях, был связан с ними хотя бы поверхностным знакомством или по каким-то другим непонятным мотивам считал себя вправе претендовать на гостеприимство Пури, не преминули явиться к столу. Никто из гостей не ожидал специального приглашения. Да и к чему оно! Когда за несколько недель до этого я, проходя мимо, загляделся на свадьбу в совершенно незнакомой семье, меня тотчас усадили за стол и стали радушно угощать. Не удивительно, что в пандале Пури вскоре не осталось ни одного свободного места.

Все мужчины, большей частью, очевидно, дельцы, были в европейских костюмах, женщины же, наоборот, — в ярких сари. Одинаковый у всех дам наряд не мешал каждой из них найти что-то, что подчеркнуло бы ее индивидуальный вкус. Чаще всего это сказывалось в мелочах: в немного более светлом тоне красной точки на лбу — кум-кума — или в своеобразной манере накидывать на плечи богато украшенный головной конец сари, но от внимания индийцев эти детали не ускользали.

Из напитков подавался только лимонад. Сухой закон и на этот дом наложил свое «отрезвляющее» вето, сэкономившее его хозяевам кучу денег. Да и вообще, кроме места у стола и пары сигарет, многочисленным гостям почти ничего не предлагалось: они расхаживали по пандалу, беседовали о личных и служебных делах, наблюдали за приготовлениями жреца, расположившегося со своей утварью немного поодаль. Непременное и в Индии свадебное пиршество состоялось позже в доме невесты, где в предвидении еще большего наплыва гостей столы были накрыты сразу в двух шатрах. У самого входа в сад расположились музыканты.

Потребовалось несколько часов, чтобы сдеть
Манораму Чандок к свадьбе

Они исполняли марши попеременно с опереточными мелодиями, которые, как мне показалось, мало интересовали гостей. Но ничего не поделаешь — такова традиция!

Индусскую свадьбу и в наши дни трудно себе представить без участия жреца. Исполняемый им церемониальный обряд имеет значение регистрации брака, сам же жрец выступает в роли чиновника, ведающего актами гражданского состояния. Правда, совсем недавно в Индии было введено и гражданское бракосочетание, но традиции еще настолько сильны, что к нему мало кто прибегает.

Чтобы соблюсти необходимую дистанцию между собой и остальными «смертными», жрец, которому надлежало скрепить брачный союз в семье Пури, не присоединился к гостям, потягивавшим лимонад, а расположился особняком на веранде. Этот священнослужитель, имевший в дхоти, поношенном пиджаке и тюрбане не очень-то торжественный вид, беспрестанно варил какие-то масла, жег травы, манипулировал странными сосудами, окружая себя облаками дыма, благовониями и — в не меньшей мере — таинственностью. Ритуал чуть было не нарушил жених — двадцатисемилетний книготорговец Иш Кумар Пури: ему никак не удавалось соорудить на голове тюрбан из длиннущего куска шелка. Если бы ему на помощь не пришли родственники, присутствовавшие, как принято в Индии, в полном составе, и не завязали жениху первый в его жизни тюрбан, старинным обычаем был бы нанесен непоправимый урон.

Собственно свадьба состоялась позже в доме невесты, а многочисленные церемонии в саду Пури были только приготовлениями к ней. Тюрбан Иш Кумар Пури окропили маслом, на голову ему возложили золоченую корону, и каждый из родственников коснулся ее рукой. Затем лицо жениха закрыли золотой вуалью, а на шею ему повесили гирлянды из цветов; жрец при этом не прекращал вполголоса произносить заклинания, время от времени воздевал руки и выкрикивал какие-то слова. В завершение жениху вручили позолоченный меч — символ мужской силы и кокосовый орех — символ плодородия.

Но самые тяжкие испытания ждали беднягу впереди: ему предстояло проехать к дому невесты на украшенной венками белой свадебной лошади. Добрым родственникам пришлось буквально втаскивать молодого книготорговца на седло. Ему никогда не доводилось ездить верхом, и он, пожалуй, скорее напоминал Дон-Кихота, благородного рыцаря без страха и упрека, чем счастливого жениха. К счастью, для соблюдения древнего обычая жениху было достаточно проехать несколько шагов от дома до ворот. Там он сменил жесткое и зыбкое седло на мягкое сиденье автомобиля, а его слуга ускакал вперед, чтобы его хозяин у дома невесты смог пересесть на коня и, как подобает, предстать перед ней верхом.

— Давно ли знакомы будущие супруги? — поинтересовался я.

— Такой вопрос может задать только европеец, — ответили мне. — В Индии, где юноши и девушки не сами делают свой выбор, это не играет никакой роли. Родители подбирают для сына будущую жену, причем она должна не только быть индуской, но и принадлежать к той же касте, что и он. Бывает, конечно, что у детей спрашивают их мнение, но оно редко влияет на решение. Да и что могут дети ответить на предложение родителей, если знают своих суженых лишь поверхностно и виделись всего несколько раз. В сельских местностях еще нередки и детские браки. Правда, закон их запрещает, но ведь то, что освящено народным обычаем, не сразу можно искоренить. В деревнях еще можно встретить девочек 8—12 лет со знаком замужества — красной полосой посередине пробора, хотя общее с мужем хозяйство они начинают вести, лишь когда становятся взрослыми женщинами.

На протяжении веков положение женщины в Индии не раз претерпевало изменения. В те отдаленные времена до нашего летосчисления, когда создавались веды, женщина не только единовластно управляла домом, но исполняла гимны и молитвы при религиозных церемониях и участвовала в жертвоприношениях. По мере роста разделения труда и развития рабства женщина все более отстранялась от религиозных обрядов, причем одновременно понижался возраст ее вступления в

брак. А когда в страну вторглись завоеватели-мусульмане, а затем воцарились Великие Моголы, девочек стали выдавать замуж совсем рано, чтобы предупредить возможность брака с захватчиками.

Большую роль в ранних браках, бесспорно, играют соображения материального порядка. Невеста, как повелось издавна, должна принести в семью приданое, и немалое. Вокруг богатой девочки с детства увиваются женихи, которые хотели бы завладеть деньгами, женившись как можно раньше. Я знал одного владельца фотомагазина. Он был весьма состоятельным человеком, имел не менее 400 тысяч рупий, но оказался разоренным, после того как выдал замуж четырех дочерей. За каждой из них он дал приданое в 100 тысяч рупий, себе же оставил ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Естественно, что рождение дочери не вызывает у отца радости. Это отразилось и на именах девочек, означающих «конец», «презренная». До начала XVIII в. даже убийство новорожденных детей женского пола не было из ряда вон выходящим явлением.

В молодой республике в положении женщины уже многое изменилось к лучшему. Она не отмечена с первого дня жизни клеймом презрения, и хотя немало женщин еще продолжают беспрекословно подчиняться мужу, видя в нем высшее существо, таких, которые наравне с мужчиной участвуют в общественной жизни, с каждым днем становится все больше.

Но вернемся к свадьбе.

Наш гордый рыцарь, пересевший у дома нареченной на лошадь, в последний раз соскочил с седла, чтобы приветствовать невесту. Первая встреча молодых не сопровождалась поцелуями и объятиями. Они ограничились тем, что повесили друг другу на шею гирлянды цветов. При этом у двадцатитрехлетней хрупкой Манорамы Чандок было весьма грустное выражение лица. Мой спутник Кришнан Садхей так объяснил мне ее настроение:

— Наша молодежь очень привязана к отчужденному дому. Естественно, невеста с грустью думает о предстоящем расставании с родными и о переселении в новую большую семью мужа. Там у нее будет новая повелительница, ибо старшая в семье женщина — неограниченная

госпожа в женских покоях. Своего будущего мужа она знает не настолько хорошо, чтобы не быть озабоченной перед порогом новой для нее жизни.

Даже после религиозного обряда в доме невесты, обмена венками и пиршества бракосочетание не считалось законченным. На следующее утро начались новые церемонии. Яркое убранство сада и бамбуковой беседки, увешанной воздушными змеями, разноцветными гирляндами и шарами, создавало не столько торжественную, сколько веселую обстановку. В этом пестром карнавальном окружении молодая чета благоговейно внимала двум жрецам, которые попеременно читали поучения из пожелтевших от старости книг, призывая молодых к супружеской верности, желая им богатства и многочисленных сыновей.

Хотя и в это утро у Манорама Чандок сохранялось серьезное и робкое выражение лица, венчание больше походило на веселую игру, чем на строгую церемонию. Ни жрецы, ни гости не воспринимали случившиеся отклонения от ритуала трагически. Напротив, все смеялись, когда жрец то и дело забывал имя невесты, когда Манорама неправильно повторила древнее изречение и, зажигая свечи, обожгла себе палец, а Иш Кумар Пури преждевременно вылил в огонь масло и высыпал рис.

В заключение жрецы связали жениха и невесту белым платком и, символически соединенные, они четырежды обошли вокруг огня, с раннего утра возжженного в бронзовой чаше, а затем сделали одновременно семь шагов, что означало согласие вступить в брак. Теперь они стали законными супругами.

Я не удержался и задал Кришнану Садхею еще один «чисто европейский» вопрос:

— А любят ли они друг друга?

— Любовь, любовь — что это такое? — задумчиво произнес он. — Брак знаменует собой начало нового периода жизни для супругов. А так как они знают, что ни развода, ни иного пути расторгнуть брак для них не существует, каждый старается приспособиться к другому, и со временем между ними возникает взаимопонимание. Уверяю вас, индийские браки самые счастливые на свете.

Многострадальный Джумбо

Раджастан — край пустынь и скудных земель. Испещренные расщелинами горы покрыты несчетным множеством замков, кое-где приютившихся на совершенно голых скалах. Здесь не увидишь холма без руин, горной вершины без крепости. Амбер — одна из бывших резиденций правителя, обнесенная высокими стенами. Расположена она на вершине горы, к подножию которой прилепились дома. Некогда это был торговый центр, но после основания Джайпура князь и жители покинули его.

Туризм пробудил заснувший город и осиротевший дворец к новой жизни. Улицы вновь огласились звуками барабана, и, как в старину, вслед за флейтистом неторопливой походкой бредут слоны, чтобы туристы, расположившиеся на их спинах, могли на миг вкусить прелесть прошлого. Может быть, вот так проезжал через город когда-то махараджа, может быть, он даже восседал на спине именно этого слона, ведь эти животные, как известно, долговечны. Разумеется, в те времена слоны были убраны гораздо богаче, их украшали золотом, драгоценными камнями, пестрыми балдахинами. Сегодня о былом великолепии напоминают лишь погонщики, сидящие на шеях слонов, да несколько шатких деревянных носилок, на которые усаживаются четыре человека. Разрисовка, выполненная на коже животных по древним рецептам и некогда переливавшаяся всеми цветами радуги, поблекла, как слава и блеск их хозяев-махараджей, и теперь производит даже отталкивающее впечатление.

Езда на слонах большинству людей представляется чем-то романтическим и величественным. Но, когда я очутился перед огромной тушей слона, затея прокатиться на нем показалась мне прежде всего рискованной. Стоит усесться на изогнутый хобот слона, чтобы он легким взмахом поднял вас к себе на спину, как невольно в голову лезут мысли о том, что, рассердившись, слон с таким же успехом может отбросить вас далеко в сторону. Даже подымаясь на спину животного по лестнице, вы испытываете странное чувство.

Поездка на слоне ко дворцу махараджи —
одно из развлечений, предлагаемых туристам в Амбере

когда огромная голова с маленькими глазками медленно и недоверчиво поворачивается в вашу сторону или когда слон, неожиданно вытянув хобот к небу, оглушительно и в то же время жалобно трубит.

Но вот вы втиснулись в носилки, уселись так, чтобы сохранялось равновесие и ни один из четырех пассажиров не мог свалиться, и колосс тронулся. Сама поездка, хотя и производит со стороны весьма внушительное впечатление, отнюдь не может быть отнесена к разряду тех, что доставляют одно удовольствие. На спине слона нет пружин и подушек, вас трясет, качает из стороны в сторону, как на маленьком каботажном пароходике при шторме в 12 баллов. Хорошо еще, что поездка к старому дворцу длилась только полчаса, иначе бы нас укачало не меньше, чем на море.

После того как князья лишились власти или превратились в государственных чиновников — раджпрамукхов, слоны послужили причиной горячих споров. Содержание взрослого слона обходится ежегодно примерно в 7500 рупий. Эта сумма в 10 раз превышает годовой доход зажиточного крестьянина. Пока необходимые средства поступали из государственной казны, их высочества мало беспокоились о такой «мелочи». Но когда князьям пришлось содержать слонов за счет своей пенсии, они начали поговаривать о «чрезмерных издержках». Бывшие вельможи могли бы с большими удобствами ездить в подрессоренных автомобилях, да и монаршие замашки никак не вязались с настроением народа и позицией центрального правительства.

Но никто не хотел покупать животных. Один слон съедает столько, сколько десять буйволов, а применять его на полевых работах невыгодно, так как он несет на спине не больше, чем помещается на арбе. Тогда бывшие махараджи великодушно предложили слонов в «дар» индийскому правительству, но оно отказалось взять на себя содержание княжеских животных и объявило их частной собственностью махараджей. В одном таком споре о том, кому принадлежит слон, точнее сказать, о том, кто должен оплачивать корм для него, дело дошло до судебного разбирательства. Последнее велось с такой дотошностью, сопровождалось таким количеством бумаг, опросов свидетелей,

экспертиз и апелляций, что славное толстокожее до решения суда не дожило — ведь пока тянулся процесс, ни одна из сторон его не кормила. Так и не установили, кому принадлежит господин «длинный хобот» — князьям или республике.

Теперь слоны вернулись в родные дебри. Они находятся на содержании государственного лесного ведомства и работают на него — валят деревья и доставляют к проезжим дорогам. Во время охоты их используют для передвижения по джунглям, так как никакое другое животное не в состоянии пробраться сквозь непроходимые заросли и защитить охотника от нападения змей или тигров. Только в Джайпуре еще сохранилось кое-что от бывшего величия этих животных, хотя в носилках не восседают разукрашенные алмазами махараджи и не их милостями слоны существуют. Они сами зарабатывают себе на хлеб тем, что за 40 рупий возят белых сахибов к старому дворцу.

На краю пустыни Тар

Асфальтированное шоссе, ведущее из Джайпура на запад, недалеко от его ворот обрывается, следы колес теряются в желтом песке пустыни, и каждый волен по собственному усмотрению выбирать себе наиболее удобный и правильный путь. Нашли вы его или нет, выясняется только тогда, когда вы уже порядочно заплутаетесь, так как здесь нет ни указателей, ни дорожных знаков. Человек, попавший в эти края впервые, скоро начинает понимать все коварство безбрежного песчаного моря. Мы во всяком случае много раз сбивались с пути, и предположение, что поездка в пустыню чревата неприятными неожиданностями, для новичка, превратилась у нас в твердую уверенность.

Наиболее надежным средством передвижения по Раджастану по сей день остаются верблюды. Выносливые и неприхотливые, они могут по две недели обходиться без воды, и ни сыпучие пески, ни бездорожье им не страшны. Нередко нетерпеливый путешественник, стоя возле кипящего радиатора своей машины, вынуж-

ден признать, что медлительные корабли пустыни порой оказываются самыми быстроходными. Безнадёжно увяз по обе оси в песке и наш автомобиль, обладающий повышенной проходимостью, и выручили нас верблюды и их погонщики.

В Раджастане пустыня не возникает неожиданно за зелеными окраинами города. Ее раскаленное дыхание, достигающее самого Джайпура, выжгло некогда цветущие сады. И в городе растительность скудна, а в направлении на запад исчезают даже деревья. Где прежде были поля и жилища людей, теперь остались только чахлая трава, кактусы и чертополох.

Не думайте, что пустыня — это совершенно однообразное море песка, где-то в бесконечности сливающееся с горизонтом. Она имеет свои очертания, и в ней один пейзаж сменяется другим. Вот желтые холмы, настоящие песчаные горы, нанесенные ветром, гребни которых отражают лучи солнца всеми цветами радуги. Они находятся в состоянии непрерывного движения — сегодня здесь, завтра там — и поглощают все, что падает на пути. А вот сухие кустарники и чертополох. После муссонов они оживают, а сейчас мертвенно-пыльные вытянулись к небу, навстречу своей гибели. На севере и на юге Тара возвышаются скалистые, такие же безотрадные горы. Их голые вершины не омываются ручьями, склоны не дают тени, камни раскалены. На волнистых линиях зыбких песков виднеются отпечатки верблюжьих копыт, разбегающиеся в разные стороны. Песок все время замечает эти тропы, но погонщики верблюдов с непостижимым чутьем отыскивают их снова и снова. А вот и следы смерти — белые скелеты, молчаливо свидетельствующие о чьей-то печальной судьбе и заставляющие путников как можно скорее устремиться вперед, к следующему оазису.

Все в пустыне кажется враждебным жизни. Земля не родит плодов, а солнце — источник жизни — здесь все уничтожает, сжигая своими прямыми лучами. Даже ветер не приносит свежести, а лишь колеблет раскаленный воздух над голыми равнинами.

Как спасительные острова встают перед взором путников оазисы. Один из таких островков плодородо-

дия — Пангбар, лежащий на краю Тара. Вода поддерживает здесь жизнь. Не удивительно, что колодцы, дарящие живительную влагу, являются центром, к которому жметя вся деревня — покосившиеся хижины, деревенская площадь и крохотные посеы. К колодцам, будто притягиваемые тайными силами, сбегаются все тропинки, там собираются женщины, приходящие за водой.

Ходить по воду — тяжкий труд, но в то же время одно из немногих развлечений деревенской жизни. Впервые женщины приходят к колодцу в предрассветных сумерках. Облаченные в ниспадающие свободными складками сари, шагая размеренной поступью, они несут на головах от двух до трех поставленных друг на друга медных кувшинов, начищенных до блеска и составляющих гордость индийских хозяек. Они не только не сгибаются под тяжестью ноши, а, наоборот, она заставляет их выпрямляться, придает походке своеобразное очарование, которое еще в древние времена пленяло иностранцев.

Чем больше женщин собирается у колодца, чем дольше им приходится ждать очереди зачерпнуть воды, тем веселее и непринужденнее становится беседа. Это отдушина в однообразии будней, в бессмысленной монотонности существования за глинобитными стенами домов и дворов. В 550 тысячах индийских деревень, из которых многие не имеют даже названия, колодцы являются важнейшим после храма средоточием общественной жизни и заменяют женщинам газету, клуб, женский союз, трактир с тем огромным преимуществом, что времяпрепровождение в тени манговых деревьев не стоит ни гроша.

Колодцы для орошения полей, нередко расположенные всего в нескольких сотнях метров один от другого, большей частью окружены рощами фруктовых деревьев. Они лишены моторов или иных современных приспособлений и усовершенствований. На них нет никакого примитивного колеса или архимедова винта, при помощи которого еще древние египтяне орошали свои поля. Яма, даже не обнесенная стеной, — вот и весь колодец. По наклонной доске вверх и вниз безостановочно двигается буйвол и тянет за собой на длин-

ном канате кожаный мешок, наполняемый водой. Поднятый вверх мешок опорожняется на поле и тут же снова опускается вглубь. Рядом сидит крестьянин с хлыстом. Обмахиваясь банановым листом, он время от времени понукает животное, а иногда напевает себе под нос. Этот бесхитростный мотив в сочетании с сопением буйвола, поскрипыванием блока и карканьем парящих в поисках добычи хищных птиц составляет своеобразную мелодию труда, которую можно слышать с восхода и до захода солнца, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

В Индии такой примитивный метод орошения вовсе не является самым отсталым. В Кашмире, например, посеы поливаются вручную из кувшинов. На юге тоже, с той лишь разницей, что там для подачи воды сооружаются огромные помосты. По балке длиной от 8 до 10 метров, раскачивающейся высоко в воздухе, бегают, уподобляясь канатоходцам, взад и вперед кули, заставляя попеременно опускаться то один конец балки с каменным противовесом, то другой с сосудом для черпания воды. Со стороны, может быть, это кажется живописным и романтическим, но как тяжел и изнурителен такой труд!

Примитивные методы земледелия и низкие урожаи еще и сейчас служат напоминанием о колониальном режиме. Грабительские налоги и разрушение оросительной системы привели сельское хозяйство к разорению, а помещики забрали у крестьян их последнее достояние — землю. Поэтому крестьяне связывали национально-освободительную борьбу с требованием передела земли. В последние годы британского владычества они перестали довольствоваться посулами властей и перешли к действиям — самочинно занимали и делили между собой помещичьи земли, отказывались платить чрезмерно высокие налоги, заставляли ростовщиков снижать проценты. Во время голода на Малабарском побережье крестьяне захватывали хлебные запасы помещиков, а в Бенгалии оказывали сопротивление полиции.

В Телингане, одном из районов княжества Хайдарабад, в 1946 г. дело дошло до восстания против помещиков и низама. Когда разакары — организованные

по образцу фашистских отрядов СС ударные части помещиков — ворвались в деревню Санкранти, чтобы силой собрать налоги и конфисковать зерно, произошло нечто непредвиденное: голодные и бесправные жители, объединившись, обезоружили разакаров и арестовали их. Крестьяне из других деревень, находившиеся в таком же бедственном положении, последовали их примеру, и единичный протест вскоре перерос в широкое вооруженное восстание против феодально-средневекового гнета низама. Разакары были изгнаны, помещики и ростовщики экспропрированы, жители освобожденных областей с целью самообороны организовали милицию, а крестьянская организация Кисан Сабха и Коммунистическая партия создали группы действия. В 1948 г., через два года после восстания крестьян деревни Санкранти, освобождения добились свыше 2 тысяч деревень с населением около 4 миллионов человек. Махараджа — низам Хайдарабада — лишился власти над областью, по размерам равной площади Албании.

Конечно, угнетатели всеми средствами старались вернуть себе прежние прерогативы. Мятежную область изолировали, оттуда не пропускали никаких сообщений, чтобы помешать распространению волнений на другие части страны. Тысячи крестьян были арестованы, карательные отряды чинили жестокую расправу. Пылали деревни, гибли под пулями палачей крестьяне, но люди уже познали, что без тиранов в деревне живет легче. Телингана стала символом освободительной борьбы индийских किसानов (крестьян), провозвестником новых веяний в индийской деревне.

В освобожденных деревнях избирались народные комитеты, которые ведали управлением и вершили правосудие. Собственность бежавших помещиков была конфискована, их земли крестьяне поделили между собой. Лишь те помещики, которые остались в деревне и признали новую народную власть, получили равный со всеми крестьянами надел земли. Старые долги ростовщикам аннулировались и устанавливалась твердая ставка — 6 процентов. Взрослые и дети начали учиться в школах, и в деревню вместе со свободой пришла грамота.

После провозглашения независимости Индии в 1947 г. аграрная проблема не получила своего разрешения. Новая правительственная партия — Конгресс — должна была осуществить обещанную земельную реформу — экспроприировать помещиков и наделить крестьянскую бедноту землей. Вместо этого начались бесконечные дискуссии по процедурным вопросам, о размерах компенсации и о количестве земли, оставляемой помещикам. В конечном итоге были приняты совершенно неудовлетворительные решения. Земля перешла в собственность государства, которое выдало помещикам большую компенсацию. Им даже было оставлено от 8 до 15 гектаров земли, то есть значительно больше, чем требовалось для ведения кулацкого хозяйства. Исключение составил лишь Кашмир — единственный из индийских штатов, где помещики были экспроприированы безвозмездно.

Не получив земли, крестьянин, как и в прежние времена, был вынужден ее арендовать с той лишь разницей, что налоги и арендную плату он вносил теперь не заминдари, а непосредственно государству. А поскольку налоги почти не уменьшились, положение земледельца осталось тяжелым. Миллионы крестьян по сей день не имеют земли.

Требование Коммунистической партии Индии о прекращении выплаты компенсации помещикам и бесплатном разделе земли между крестьянами пользуется поддержкой массы крестьян, да и премьер-министр Неру в последнее время неоднократно заявлял, что решительное улучшение жизни народа возможно лишь в результате широкой аграрной реформы. Без сомнения, только после такой реформы многие нововведения индийского правительства, например кооперативы или же общинные проекты, сыграют ту положительную роль, которая им предназначалась.

Деревушка на краю пустыни Тар, где мы остановились, не относится к достопримечательностям Индии, рекламируемым в красочных проспектах для иностранных туристов. Пангбар, являющий собой воплощение серых буден, состоит из хижин, разбросанных в беспорядке по такой сухой и пыльной равнине, что трудно себе представить, как она может прокормить людей.

Деревенский сапожник

От Дели, Бомбея и Калькутты Пангбар отделяют не только тысячи километров, но и десятки и сотни лет. В этом мире быки олицетворяют высшую ступень механизации и все создается руками индийцев; посещение школы почитается здесь роскошью, а ближайший врач находится недостижимо далеко; шоссе представляет собой наезженную песчаную дорогу, по которой можно передвигаться только на арбе, запряженной быками, автомобиль же в этих краях — невиданная диковинка.

Двор Даса Амманта в Пангбаре ничем не отличался от хозяйств других односельчан. Крытый соломой дом из глины и камня был настолько мал, что вся семья одновременно с трудом в нем помещалась. Спали домочадцы чаще всего на дворе, а в удушливо жарком доме хозяйничали крысы, тщетно пытаясь добраться до съестных припасов, подвешенных на веревке. Когда мы пришли, сам Дас Аммант, словно желая продемонстрировать перед гостями чувство собственного достоинства, сидел посередине двора, спокойно покуривая наргиле и наблюдая за тем, как его дочери толкли зерно, а старый отец какой-то железкой орудовал над башмаком.

Амманты принадлежали к числу ремесленников, тех самых умельцев-чародеев, каких немало в каждой деревне. Из глины, дерева и волокна они изготавливают все необходимое для повседневной жизни. Ремесленники составляют те 10 процентов деревенских жителей Индии, которые не занимаются земледелием и даже в век машинного производства горшков, сандалий и сари умудряются поддерживать славу самообеспечивающейся деревенской общины.

Инструменты ремесленников казались такими же древними, как деревенская община. В одном из домов мы видели гончара; перед ним стоял вращающийся диск, приводимый в движение палкой. Гончарного круга, равномерно вращаемого ногой, здесь не знали. Тем больше поражала симметрия горшков и чашек, изготовленных столь несовершенным способом.

В деревне большой спрос на глиняную посуду, особенно на пористые десятилитровые кувшины для пи-

гевой воды. Они представляют собой хотя и примитивные, но зато безотказно действующие холодильники. Кувшины наполняются водой и ставятся на ветру. Выделяющаяся из пор глины влага испаряется, вместе с испарениями вода теряет тепло, и содержимое кувшина быстро охлаждается.

Деревенский столяр — это своего рода художник. Пила, стамеска и киркообразный топор — вот и все орудия, при помощи которых он превращал стволы деревьев в бревна и доски, а их — в прелестные столы, стулья и сундуки. В сноровке, компенсирующей скудость инвентаря, наш индийский друг далеко превзошел своего европейского собрата. В работе индйца участвовали не только руки, но и... ноги. Ими он удерживал инструмент и захватывал оброненные предметы, тряпкой, зажатой между пальцами ног, он сметал стружку, а большой палец использовал в качестве зажима при распилке доски.

У пангбарского кузнеца не было даже настоящей наковальни. То, что он, пользуясь примитивными приспособлениями, на еле мерцающем огоньке мог ковать железо, казалось одним из чудес индийской магии. Но ему недостаток инструментов мешал не больше, чем столяру, кожевнику, резчику. Их изделия настолько совершенны, что могут демонстрироваться на выставках и охотно раскупаются. Ремесленники пользуются уважением односельчан. Они принадлежат к деревенской общине, зарабатывают не больше и не меньше, чем их заказчики-земледельцы, и делят с ними труд, заработок, голод и нужду.

Две дочери Даса Амманта натянули сари на лицо, так что с первого взгляда яоходили на прикрытых буркой мусульманок.

Мне случалось замечать и ранее, что при встречах со мной индуски застенчиво отворачивались, но здесь я впервые увидел их с закрытыми лицами. Может быть, причиной тому — необычное присутствие чужестранца, да к тому же еще и белого? Оказалось, что виновником этого маскарада был не я, а дедушка, и, как только он ушел со двора, хлопчатобумажные чадры упали, обнаружив юные хорошенькие лица девушек лет 18—20.

Рядом с дочерьми сапожника стояла бабушка. Ей не нужно закрывать лицо в присутствии старика, и мы все время видели ее приветливую улыбку. Определить ее возраст было нелегко из-за множества морщин, а на мой вопрос она ответила, что ей «лет 60—70». Аманты даже среди бедняков не могли считаться зажиточными.

Тем более удивительным могло показаться то, что у женщин на руках и ногах были массивные серебряные браслеты, стоившие гораздо больше, чем весь их дом с его скудной утварью. И это вовсе не исключение. Большинство индийских женщин, особенно деревенских, носит такие украшения, дисгармонирующие с их нищенской жизнью. Более того, чем беднее семья, тем толще браслеты, и только очень обеспеченные женщины, изменившие старым обычаям ради жизни в городе, либо вовсе отказались от драгоценностей, либо довольствуются тонким золотым кольцом.

Для деревенской женщины серебряные кольца служат не только украшениями, а прежде всего копилкой и страховым полисом. Безграмотная крестьянка страшится банка с его бумагами и цифрами, он кажется ей совершенно чужим, и в силу передаваемой из поколения в поколение традиции она считает благородный металл наиболее надежным средством помещения капитала. Падение курса рупии в последнее время лишь укрепило ее в этом убеждении. К страхованию жизни она относится с тем же предубеждением, что и к банку. А вот то, что человек носит на себе, пропасть не может. Кроме того, по индийскому праву после смерти мужа все имущество, кроме личных драгоценностей жены, переходит к детям. Правда, они обязаны поддерживать мать, но при укоренившемся презрении к вдовам это весьма сомнительная гарантия.

Украшения жены — верные сбережения, на них женщина может рассчитывать в нужде, ибо серебро не трудно в любое время превратить в деньги. Поэтому драгоценности, точнее, граммы и килограммы серебра, превращенные в кольца, играют столь важную роль в жизни индийцев, и женщины, даже не имеющие самого необходимого, домогаются украшений, а мужчины им их дарят.

Преимущества товарищества

Сангар — заштатное местечко, маленькое и невзрачное, где мы наверняка не остановились бы, не будь там каменного домика с огромной вывеской. На ней было написано на хинди и по-английски: «Ситценабивной кооператив». Набивщики тканей объединились в товарищество, сообща занимались планированием, производством и сбытом продукции. В помещении, всю обстановку которого составляли шаткий стол и стул, оказалась чуть ли не половина всех членов товарищества, сбежавшихся словно по какому-то таинственному сигналу.

Ни склада товаров, ни витрины с образцами здесь не было, все производило впечатление затишья, но колонки цифр в бухгалтерских книгах укрепляли веру в жизненность этого предприятия. К тому же председатель с чисто восточным красноречием восхвалял преимущества товарищества, и мои сомнения отступали все дальше всякий раз, как он в виде рефрена произносил:

— Поверьте, товарищество открывает путь к оздоровлению индийского ремесла.

— Как же вы пришли к этому объединению?

— Мы находимся очень далеко от торговых пунктов, да и за сырьем приходилось ездить за тридевять земель. Пока каждый делал это в одиночку, очень много времени уходило попусту. Откладывать продажу товаров до более благоприятного момента или делать большие запасы материалов мы не могли, так как не располагали лишними средствами. Очень часто мы были вынуждены прибегать к услугам посредников. Это настоящие лиходеи. Они драли с нас по три шкуры за сырье, требовали 50 процентов и больше комиссионных, и нередко случалось, что мы в итоге не зарабатывали ни гроша. А когда положение на рынке ухудшалось, они, чтобы не подвергаться риску, и вовсе не брали наши товары. И вот мы решили основать товарищество. Теперь доставкой сырья и сбытом продукции занимается кооператив.

— А что получает товарищество за посредничество?

— Шесть с четвертью процентов комиссионных — намного меньше, чем брали прежде перекупщики. Но кооператив обходится этой незначительной суммой, потому что он охватывает почти половину селения — 73 семьи, а при таком большом объеме торговли издержки не так уж велики.

Члены ситценабивного товарищества много выгадали в результате объединения. Зарботки их увеличились, они избавились от лишних хлопот и могут рассчитывать на помощь государства. Индийское правительство считает, что именно кооперативы выведут ремесленников и крестьян из нужды. Поэтому оно не ограничивается тем, что разъясняет населению преимущества кооперативов, а предоставляет им скидку с налогов и — при ведении крупного строительства — кредиты и безвозвратные ссуды.

Работа, как и прежде, велась в кругу семьи самыми примитивными способами. В дымящиеся котлы голыми руками погружали серые полотнища, а извлекали оттуда синие или красные. Рядом на них накладывали рисунок. Все жители деревни от мала до велика с утра до вечера, как одержимые, штамповали ткани. Вырезанные из дерева трафареты рисунков (величиной не более ладони) попеременно опускали в горшки с различной краской и накладывали на ткань. Так один за другим появлялись на материале орнаменты, постепенно покрывая все полотнище. Если узор состоял из пестрых цветов, одно и то же место приходилось штамповать два и даже три раза. В Европе такая ткань ценилась бы очень высоко как изделие художественного ремесла. В Индии же она стоит дешевле английских ситцев машинного производства.

Здесь в местечке занимались также производством бумаги — цветной и белой, и фасады домов были увешаны влажными еще листами. Нехитрая эта работа проходила у всех на глазах. Сначала в каменной яме голыми ногами месили волокнистую массу из старых газет. Ее промывали водой до тех пор, пока в мешках не оставалось белое целлюлозное тесто; из него замешивали жидкую кашу, которую профильтровывали сквозь бамбуковую рогожу, после чего вручную изготавливали удивительно тонкие листы бумаги.

Бумажных дел мастера тоже объединились в товарищество, причем пошли дальше своих соседей. Не ограничиваясь кооперированием купли-продажи, они выполняли совместно отдельные производственные операции. Правительство предоставило кредит на покупку бумагоделательной машины, заменившей десятки ног и рук. В момент нашего приезда ее постигла участь многих других механизмов — она не работала, так как сломалось какое-то колесико, и теперь приходилось ждать слесаря и запасную деталь. Тем не менее сангарцы возлагали на машину много надежд.

В этом местечке все пробудились от парализующего равнодушия, дела пошли лучше, и бумагоделы зарабатывали в последний год по 2 рупии в день. Преимущества товарищества были налицо.

Настоящее и прошлое

Агра и до сего времени оставалась бы неизвестным провинциальным городком, если бы в XVI в. Моголы не сделали ее столицей огромного государства и не возвели руками подданных монументальные сооружения из мрамора и камня. Но недолго пришлось Агре быть центром империи. Моголы покинули город, их государство распалось, и Агра, подобно спящей красавице, снова погрузилась в сон, от которого ее когда-то пробудили сыны степей. Но слава города осталась. Ее пронесли через века Красный форт, Фатехпур Сикри, Сикандра и самое знаменитое из индийских сооружений, сокровище восточного искусства — Тадж Махал.

На реке Джамне, священном притоке Ганга, величественный и неприступный, как скала, стоит Красный форт, возвышаясь над лабиринтом кривых переулков и шумных базарных улиц. Город будто застыл в воспоминаниях о былых временах, и его жители продолжают взирать на зубцы стен из красного песчаника, из-за которых некогда Акбар (1556—1605) управлял государством.

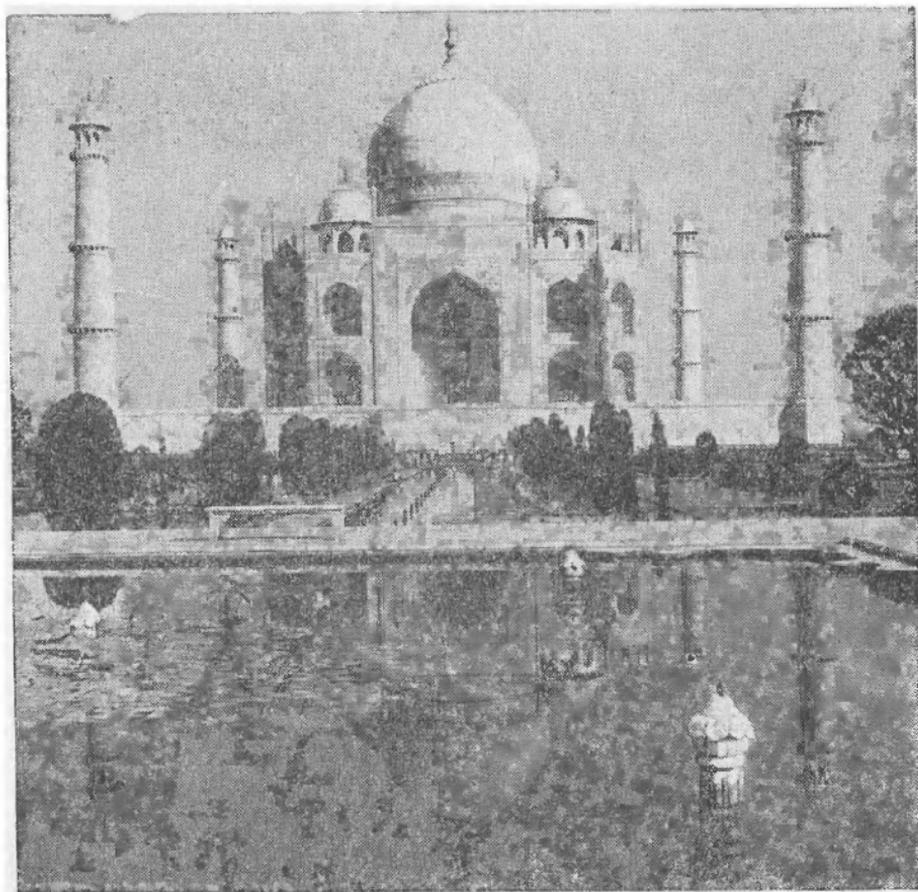
Среди будничного шума Красный форт кажется оазисом тишины, городом в городе. Давно не действуют

его фонтаны, потускнели зеркала, исчезли из мечетей драгоценные камни, но огромные залы все еще полны романтики прошлого. Если Индия стала сейчас трезвой и деловой, то здесь еще живы древние предания.

Акбар не ограничился тем, что построил дворец и мечеть в Агре. В нескольких километрах от города около деревушки Сикри он возвел вторую резиденцию и назвал ее «Фатехпур» — «Город победы». Так же гордо, как звучит это название, выглядят постройки, не тронутые временем. Там находится знаменитый зал с колонной в виде цветка лотоса, где, восседая на троне, Акбар принимал министров и послов, и расположена огромная шахматная доска из каменных плит, по которой вместо фигур бесшумно передвигались по приказу властелина слуги. Там возвышается пятиэтажный Панч-Махал, напоминающий своей воздушностью волшебный замок, а посреди огромного двора мечети стоит гробница шейха Селима Чишти — духовного наставника Акбара. К ней стекается бесчисленное множество паломников, в благоговении падают они ниц и целуют камень. Это единственное сооружение в Фатехпур Сикри, до сего дня сохранившее свое значение как место паломничества.

Фатехпур Сикри стал мертвым городом уже через несколько лет после его основания. Заложенный среди труднопроходимых голых потрескавшихся гор, в стороне от центров страны, он был обречен с самого дня рождения. Дворцы и мечети впоследствии стали обиталищем обезьян, поугаев и крыс да еще достопримечательностью, привлекающей туристов.

В Сикандре покоятся останки Акбара, которого индийская история именует великим, и не только потому, что в результате многочисленных военных походов он создал обширное и могущественное государство. Во время его правления страна достигла расцвета. Он уменьшил налог на землю; будучи мусульманином, уравнял индусов в правах со своими единоверцами, собрал при дворе лучших художников страны и оставил после себя ценную библиотеку из 24 тысяч рукописей. Гробница Акбара прославилась не только своеобразным обаянием стиля мусульманской архитектуры, но прежде всего Кохинуром — самым красивым и крупным бриллиан-

Тадж Махал

том в мире. Но не пытайтесь сейчас различить его искристый блеск в полумраке гробницы. Кохинур постигла участь многих индийских сокровищ — он был увезен в Англию.

На той же реке Джамне, недалеко от краснокаменной резиденции Акбара, возвышается Тадж Махал, составляющий гордость Индии. Эту гробницу, которую называют поэмой в камне, повелел соорудить Шах-Джахан (1627—1658) в память о любимой жене. Все легко и воздушно в этом строгом, но в то же время изящном сооружении: мраморный купол, сверкающий под лучами солнца тончайшими оттенками голубого и розового; четыре острого, уходящих в небо минарета, стройных и прямых, как свечи; симметричные насаждения парка,

обрамляющие сверкающую белизну мрамора сочной зеленью, среди которой всеми цветами радуги переливаются прозрачные струи фонтанов.

В Тадж Махале вечная монументальность камня и преходящая прелесть садов соединены в сочетании, присущем лишь выдающимся творениям. Фоном гробнице служат вечноголубое небо и море солнечных лучей, которые отражаются от мраморного купола, уподобляя его земному светилу. Даже ночной мрак не в силах скрыть красоту Тадж Махала. Больше всего его очарование в полнолуние, когда белое здание выступает из тьмы подобно сказочному видению.

Два десятилетия потребовались для строительства гробницы, 20 тысяч рабочих и ремесленников, мастеров и архитекторов вложили в нее труд, гений, мысли. Без усталости несли они к ее подножию камни, обтесывали их, выравнивали и полировали, пока наконец прекрасное творение восточной фантазии не было завершено.

Своеобразная архитектура Моголов XVI—XVII вв., нашедшая воплощение в Тадж Махале, возникла в результате синтеза творческой мысли мусульман и искусства индусских ремесленников и испытала сильное влияние арабо-персидского зодчества. Но если даже в гробнице и преобладают идеи, характерные для памятников и мечетей мусульман, она все же содержит так много самообытного, настолько неразрывно связана с древней культурой страны и ее творчеством, что ее по праву причисляют к сокровищам индийского искусства.

Экстаз на Ганге

Бенарес без преувеличения можно назвать городом контрастов. В нем уживаются рядом развалины, унаследованные от прошлого, и университет, указывающий путь в будущее, религиозный экстаз и деловитость базара ремесленников, улицы, где жизнь кипит ключом, и пепельно-серые мертвые кварталы. Город на Ганге — место паломничества, где сосредоточены все особенности индуизма и необычайное выступает рука об руку с обыденным. Кого только не встретишь в Бенаре-

се — созерцающих гуру и вымаливающих подавание нищих, аскетов-богоискателей и осыпанных пеплом шарлатанов, истязующих себя верующих и расчетливых дельцов, святых, ученых, паломников, туристов. Кажется, что здесь время замедлило свой бег и для города на Ганге XX век не наступил.

Бенарес считается самым священным городом Индии, так как он расположен в «священной» излучине «священного» Ганга. По статистическим данным, в нем насчитывается около 400 тысяч жителей, но во сто крат больше людей стекается сюда со всех концов страны. Город принимает миллионы паломников, чтобы затем вновь вытолкнуть их из себя.

Бенарес так же стар, как сам индуизм. Он существовал еще тогда, когда два с половиной тысячелетия назад в его окрестностях Гаутама (Будда) обнародовал свое учение. Сейчас Бенарес производит впечатление изношенности, обветшалости, он, по-видимому, жизнеспособен лишь до тех пор, пока существует религиозный фанатизм.

Жители города давно уже перестали заботиться о поддержании зданий в порядке. В 1948 г. величественный Ганг превратился от муссонных дождей в бурный поток, затопил храмы и дома, забил их илом и разрушил, подмыл берега и похоронил тысячи людей в своих бурлящих водах. И как будто эта катастрофа произошла только вчера — огромные отверстия продолжают зиять в каменных стенах набережной, а многие дома так и стоят без жильцов. Гниение и распад прочно основались в Бенаресе.

В центре города расположен грязный базар. «Священная» жизнь сосредоточена на берегах Ганга, на круто спускающихся вниз лестницах — гхатах, в возвышающихся вдоль набережной храмах. Сколько их здесь? Говорят, около двух тысяч, а может, и больше. За их состоянием никто не следит, они медленно разрушаются, и, надо полагать, со временем их будет становиться все меньше. Некоторые из храмовых зданий отполированы до блеска, другие совсем заброшены, но ни одно не блещет той красотой и изысканным изяществом, которыми славится индийская архитектура. Они имеют сугубо практическое назначение — служат перевалочными пунк-

тами для ищущих исцеления паломников, казармами для массового духовного обслуживания, и только.

Вокруг храмов идет непрерывная купля-продажа, торгуют всем, что только может найти себе покупателя. Здесь все рассчитано на удовлетворение запросов паломников. Наваленные горами и сплетенные в венки цветы дурманят запахом жасмина. Мимо выставленных для продажи образов, амулетов, благовоний движутся бесконечные толпы людей. Одни останавливаются, щупают, откладывают что-то в сторону или покупают; другие громко спорят, почти кричат, как будто хотят убедить в чем-то даже тех, кто стоит далеко в стороне. Но в конечном счете все будто влекомые сверхъестественной силой направляются в храмы. Священные коровы жадно протягивают мокрые от слюны морды к гирляндам цветов, но их легкими пинками и криками отгоняют от лакомой приманки. Обезьяны куда проворнее. Они полными пригоршнями набирают земляные орехи и, прежде чем продавцы успевают опомниться, оказываются на электрических проводах.

Среди колышущейся толпы людей только садху кажутся отрешенными от мирской суеты. Это «святые люди», богоискатели. Их тощие голые тела, в лучшем случае прикрытые набедренной повязкой, посыпаны золой, грязные волосы свалаялись, а лица для пущей неприглядности размалеваны. Они сидят, меланхолично уставившись широко раскрытыми глазами вдаль или на солнце. Мы видели садху, который в течение нескольких часов стоял на одной ноге, подняв правую руку к небу. Взор его блуждал, как если бы он находился под гипнозом.

Никому точно не известно, кто они, эти профессиональные «святые», избравшие своей столицей Бенарес, — шарлатаны, наживающиеся на набожности людей, юродивые или великомученики, которые телесными самоистязаниями хотят достигнуть духовного совершенства йогов. Некоторые из них, буквально единицы, действительно высокообразованные люди, они владеют иностранными языками, знают Шекспира, Канта и Руссо не хуже, чем «Упанишады» и «Рамаяну», и в известном смысле являются носителями культуры. Их называют садху, гуру, йогами, свами, аскетами, отшельни-

ками. Быть их учениками почитается здесь за великую честь, которой удостаиваются лишь немногие избранные.

Но основную массу садху составляют мошенники, которые при помощи благочестивой лжи выуживают деньги у верующих бедняков. Для них спекуляция на аскетизме и святости — ремесло, позволяющее им жить спокойнее и беззаботнее, чем если бы они трудились где-нибудь на фабрике за 60—80 рупий в месяц. Среди них есть «короли», накопившие огромные богатства, и массы голых бездельников взирают на них с завистью, а может быть, даже и с восхищением.

Как камень висят они на шее и без того бедной страны; достаточно сказать, что их число достигает почти 6 миллионов человек. Англичанин Пауль Брантон, долгое время ведший образ жизни йога, да и многие другие осведомленные лица утверждают, что 95 процентов садху — отлынивающие от работы любители пожить за чужой счет. Не удивительно, что при переписи населения их заносят в графу «непродуктивные элементы» наряду с бродягами, профессиональными нищими и проститутками. Неру недавно заявил, что садху — паразиты и антиобщественные элементы, которых следует наконец привлечь к производительному труду или заставить каким-либо другим образом служить обществу.

Будь средний индеец того же мнения, в стране осталось бы немного «святых». Но для крестьян и кули садху, как и прежде, существа высшего порядка, которым они подают милостыню из страха быть проклятыми и в надежде на обещанную награду в виде безбедной жизни на том свете. Так, благодаря укоренившимся предрассудкам эти монахи без монастырей и сейчас пользуются таким большим влиянием, что оно обеспечивает им регулярный приток пожертвований. На иностранцев и туристов гуру также производят сильное впечатление, и немало рупий им удается выманить у непосвященных.

Одно можно сказать в оправдание этих своеобразных шарлатанов. Пожелай они немедленно начать новую жизнь, им не удалось бы этого сделать, так как в настоящее время еще миллионы людей не могут быть обеспечены работой в народном хозяйстве. И конечно, не

только лень, а часто и нужда заставляет голодающих рабочих, кули или ремесленников становиться садху.

Неподвижные, как манекены, скрестив ноги, наподобие Будды, сидят садху в Бенаресе посреди кричащих, торгующихся и молящихся людей. Ни об одном из «святых» нельзя с первого взгляда сказать, что заставляет его быть садху — убежденность или хитрость. Но при более внимательном наблюдении это можно понять по умению выпрашивать милостыню и по готовности фотографироваться за соответствующую мзду. Двое пестро размалеванных «святых» возле храма позировали всего-навсего за одну рупию. Вот уж поистине льготная цена при таком большом спросе! В придачу они дали мне еще и совет — не подходить к сидевшему в стороне садху, так как он не соглашается ни вступать в разговоры, ни фотографироваться. Что это, оговор конкурентов или правда? Я почти склонялся к последнему, так как у этого садху был вид до правдоподобия неправдоподобный.

Один толстый парень обратился ко мне:

— Хотите посмотреть Бисванатх — золотой храм? Как иностранцу, не исповедующему индуизм, вход в него вам запрещен, но с моего балкона все очень хорошо видно, даже лучше, чем если всйти внутрь.

Мы начали проталкиваться по узким переулкам. Они были битком набиты людьми,двигающимися к храму и от него. Одни держали перед собой маленькие медные чашки со святой водой Ганга и гирлянды цветов, другие уже возложили их к ногам богов и возвращались с пустыми руками. У входа в храм, где переулок был не шире 2—3 метров, образовалась давка, люди толкали друг друга, обливались потом и задыхались, стараясь через узкую дверную щель протиснуться в храм или выйти наружу. На двери висела табличка с надписями на английском языке и хинди, такими броскими, что уже издали можно было прочесть: «Остерегайтесь карманных воров».

Точно так же, как и люди в переулке, был зажат между домами сам храм: небольшой, безобразный, он был лишен какой-либо художественной идеи и украшений. Лишь два позолоченных купола, венчавшие пло-

скую крышу, не связанную архитектурно со всем зданием, давали ему обличие храма и право носить это название. Толпа вливалась в него, шлепая по месиву из грязи, растоптанных цветов и воды из Ганга, еще больше увеличивая это болото своими подношениями.

Откуда-то примчалась корова, быстро пробилась в храм и жадно набросилась на цветы. Здесь, на груди богов, она могла беспрепятственно делать то, что в деловитой обстановке базара ей не разрешалось. — есть, пить, чавкать и... облегчаться. Затем корова ринулась обратно с такой же стремительностью, с какой вбежала, точно боялась опоздать в соседний храм.

Я свободно вздохнул, когда выбрался наконец из потока пребывающей в экстазе толпы. Шум базара показался мне уж не столь оглушительным, и я не увидел ничего неестественного в том, что бык, которому я мешал пройти, оттолкнул меня рогами. Да и что можно было сделать в толпе фанатиков, если они скорее дали бы животному растоптать себя, чем позволили бы убить его. Поблагодарить «божественного» быка за оказанную честь казалось более уместным, чем ударить его.

В Бенаресе четвероногим посвящен специальный храм с колоннами. Как символ плодовитости возвышается в нем каменная скульптура коровы ярко-красного цвета более чем в натуральную величину, с глазами навывкате. Ее тоже чтут, благоговейно склоняются перед ней в молитве, увешивают цветами, одаривают приношениями.

Храм Дурги не посвящен обезьянам, но они обосновались в нем, как у себя дома. Целыми семьями кувыркаются они, дерутся и гоняются друг за другом по каменному полу, визжат, спят — одним словом, ведут себя так непринужденно, как могут позволить себе только обезьяны. Будто подражая своим двуногим родичам, они терпеливо выжидают посетителей, чтобы — каждая на свой лад — выклянчить подачку. Те, которые побоязливее, усаживаются на выступы стен и молящими, страдальческими глазами смотрят на приношения, большинство же по сигналу вожака старается штурмом завладеть дарами. Только очень немногие стоят прямо на дороге и выпрашивают еду. Дерзко, без стеснения протягивают они длинные лапы и, если им не сразу

дают лакомство, недолго думая вырывают его из рук. Нравы животных хорошо известны, кормить их принято и доставляет удовольствие посетителям, поэтому тут же около храма продают земляные орехи.

Но не все обезьяны довольствуются подачками набожных посетителей и любопытных туристов. Будучи животными «священными», а следовательно, и неприкосновенными, они опустошают поля, уничтожают посевы и похищают у крестьян спелые плоды. А поскольку обезьян миллионы и жадность их не знает границ, стада этих животных стали для страны настоящим бедствием, с которым невозможно бороться.

Мало того что обезьяны ловкие воры, в городах они обрывают телеграфные провода, пачкают прохожих и мешают торговле на базаре. Поэтому в Дели было решено покончить с их хозяйничаньем. Так как вера запрещает индусам убивать зверей, которые помогли богу Раме одержать победу над врагами, их устранением занялся «обезьянолов» — индийская разновидность сказочного немецкого крысолова из Амельна. С проволочными корзинами и бананом в качестве приманки шагал он по улицам и ловко вылавливал хитрых зверей, а потом в машине вывозил их далеко за ворота города, в поля. Крестьянам же, которые не владеют столь тонко разработанной техникой, и по сей день приходится страдать от обезьян.

Единственная пока отдушина в решении «обезьяньей» проблемы — экспорт их за границу. Зоопарки, клиники и исследовательские учреждения многих стран скупают ежегодно десятки тысяч обезьян для показа или научного экспериментирования. При этом все остаются довольны: крестьяне освобождаются от своих мучителей, казна получает иностранную валюту, а налагаемое индуизмом табу формально не нарушается. Даже ученые брахманы не возражали против такой сделки. Тем не менее любителям экзотики, собирающимся посетить Индию, нечего опасаться, что эти проказливые существа могут там перевестись — ведь по численности они занимают после коров второе место в стране.

Не только бесчисленными храмами со скопищами садху, мошенников и жрецов славится Бенарес, но и гхатами, которые каскадом сбегают с высоких набережных

По убеждениям индусов, омовение в священной воде Ганга очищает не только тело, но и душу

прямо в воду и гранитными ступенями окаймляют берег Ганга. По ним верующие спускаются к «священной» реке, чтобы, отрешившись от земных дел, греться возле воды на солнце и купаться.

Уже с раннего утра по городу начинают двигаться многотысячные процессии. Подобно мощному потоку, катятся по улицам толпы верующих, они устремляются по гхатам к воде и наконец как бы сливаются со священной рекой. Люди бредут пешком, ковыляют на костылях, едут на рикшах, а некоторых тащат на носилках. Здоровые хотят стать еще здоровее, а больные — найти исцеление. С ними идут коровы. Спотыкаясь и падая на слишком крутых для них ступенях, они кидаются к воде напиться. Паломники о таких мирских потребностях и не помышляют. Не желание освежиться, смыть с себя пыль и грязь, поплавать или насладиться прохладой воды привело их к Гангу. Для паломников купание — символический акт очищения души, так как, по представлениям верующих, святая вода уносит с собой гре-

жи. Вполне понятно, что при такого рода «духовном обновлении» нет нужды раздеваться. Люди входят в реку в одежде: мужчины — в дхоти, женщины — в сари. Пляжных костюмов и кабин для переодевания здесь нет, и только похожие на огромные грибы широкие зонты из пальмовых листьев отдаленно напоминают о купании в наших широтах.

Купаются с утра до вечера. Прокаженные выставляют свои гноящиеся раны напоказ и усердно поливают разлагающиеся части тела водой Ганга, которой здоровые полощут рот и горло. Тут же пьет корова, опустив в воду мокрую от слюны морду. Медленно плывет пепел сожженных трупов, брошенный в воду выше по течению реки. Люди, живущие на лодках, а их, пожалуй, не меньше, чем молящихся и купающихся, из того же самого Ганга берут воду для питья и в него же бросают отходы и нечистоты.

Есть на берегу Ганга место, которое обходит людской поток. Это — царство мертвых. Там с раннего утра до позднего вечера суетятся лишь старец, худой, как скелет, и несколько подручных. Они сжигают на кострах трупы, а пепел сбрасывают в Ганг. Ниже по течению вдоль берега стоят бамбуковые носилки с завернутыми в белый холст телами. Воды Ганга в последний раз омывают их ноги. Только коровы нарушают царящую здесь тишину — они кидаются к носилкам и пожирают соломенные подстилки, на которых лежат мертвцы. Скучна, конечно, эта трапеза, но на худой конец и она способна на время заглушить мучительный голод. Хотя коровы и считаются священными животными, никто по-настоящему о них не заботится, и в богемном городе не одно благословенное четвероногое погибло от голода.

Сожжение трупов и развеивание их пепла по реке — предпочтительнее по священному Гангу — древний обычай индусов, которые верят в возрождение мертвых. Но стоит ли возрождаться, если жизнь так безрадостна и тяжела, полна лишений и голода? Неизвестно к тому же, какое обличье получит после воскрешения умерший — коровы, червя, змеи, прокаженного или неприкасаемого. Так не лучше ли избежать этой участи, расставшись с жизнью в Бенаресе и будучи после смер-

ги сожженным? Это, по представлениям индусов, открывает кратчайший путь в царство бога Брахмы — Брахмалоку, откуда нет возврата на землю. Так Бенарес стал для индусов как бы вратами в рай. Вот почему из самых отдаленных уголков страны сюда устремляются люди, почувствовавшие приближение смерти.

Еще в гостинице, несмотря на ее чисто европейскую обстановку и ухоженный парк, иностранец сталкивается с необычными для него картинками жизни города. Заклинатель змей расставил прямо в холле корзины, из которых торчали сонные головы пресмыкающихся. Он наигрывал на маленькой деревянной флейте монотонную пронзительную мелодию и приглашал обитателей отеля полюбоваться его искусством. Собрав несколько рупий, он начал играть громче, зазывнее, и, повинуясь мелодии, змеи вытягивали головы. Словно под влиянием гипноза они слегка покачивались из стороны в сторону, как тростник при легком дуновении ветерка. Их длинные тонкие язычки играли со струей воздуха, выходящей из флейты, как если бы они хотели ее поглотить. Кто знает, может быть, именно эта струя воздуха заставляла змей подниматься, ведь их органы слуха настолько слабо развиты, что почти не реагируют на звуки, и ориентируются кобры только при помощи подвижного чувствительного язычка.

Змеи были настолько ленивы и ослаблены голодом, что заклинателю приходилось тормошить их рукой. Одна из них громко зашипела и ужалила старика. Его это не смутило и не взволновало, хотя он с самым серьезным видом заявил, что для обычного человека укус ядовитой кобры смертелен. Но если предположить, что заклинатель удалил у змей ядовитые зубы, чудо перестает казаться чудом.

За дополнительную плату демонстрировался бой мангусты со змеей. Этот напоминающий белку зверек величиной не более крысы ожесточенно набрасывался на своего злейшего врага. Бой не на жизнь, а на смерть при других обстоятельствах закончился бы победой мангусты, так как змеиный яд на нее не действует, а острыми, как иглы, зубами она прокусывает голову или

Заклинатель змей демонстрирует свое искусство

позвоночник змеи. Пораженному туристу, однако, не часто удастся стать свидетелем такого сенсационного исхода. Старик приберегает змей, чтобы еще не раз заработать на этом трюке, и в решающий момент оттягивает мангусту за цепочку.

Не только иностранцы, но и сами индийцы не считают заклинателей змей святыми или аскетами. Мне, правда, рассказывали, будто существует целая деревня заклинателей, которые заставляют змей танцевать в честь богов, но это мало походит на правду. Я во всяком случае встречал заклинателей только в больших городах, где они могут рассчитывать на любопытство туристов.

В Индии змея считается священной. Ее нельзя убивать, и как спутница богини Кали она имеет доступ в рай. Почитанию змеи способствует, очевидно, одно ее свойство — она никогда не нападает первой, и не было случая, чтобы она ужалила человека, застывшего в молитвенной позе. Пресмыкающиеся приносят большую

пользу, уничтожая крыс, мышей и других паразитов. Вот почему многие индийские крестьяне приручают змей, поят их по утрам молоком и позволяют спать у себя в ногах.

Сарнатх

Не более 10 километров отделяют Сарнатх от города благодати и смерти — Бенареса, но как они разительно отличаются друг от друга. После шума и толчеи города на Ганге с удовольствием окунаешься в тишину и покой Сарнатха. Один город — место паломничества индусов, другой — буддистов. Обе эти религии возникли в Индии.

В центре Сарнатха возвышается культовое сооружение полусферической формы — «ступа», имеющее в диаметре около 50 метров. По преданию, две с половиной тысячи лет назад на этом месте Будда привел в движение дхармашакру — колесо с 16 спицами, ставшее символом буддизма; здесь он обнародовал свое учение и собрал вокруг себя первых последователей.

Ранний буддизм больше напоминал философскую систему, нежели религиозную доктрину. Изображению Будды в виде статуи со скрещенными руками, толстым животом и устремленным в потусторонний мир взглядом начали поклоняться только несколько столетий спустя в буддийской общине «махаяна» («большая колесница»). Буддизм же в его первоначальном виде в настоящее время сохранился только в общине «хинаяна» («малая колесница») (ее члены в основном живут на Цейлоне).

В Индии буддизм пользовался сначала огромным влиянием, но со временем был вытеснен индуизмом. Сейчас буддизм почти не существует на своей родине, где насчитывается не более 200 тысяч его последователей.

Но Сарнатх остался «священным» местом буддистов, и к новому каменному храму «ступе» тянутся паломники со всех концов света. Стены храма понятным для всех языком картин, принадлежащих кисти японского художника, повествуют о деяниях Будды. Буддий-

ский священник — лама исполняет молитвенный ритуал «махаяны», наливает масло в лампадки и бьет несчетные земные поклоны перед огромным золотым изваянием Будды. Затем раздается подхватываемый эхом глухой звон колокола своеобразной формы, который подвешен у входа и приводится в движение наклонной балкой.

Фотографировать в храме не разрешается, и даже лама не мог снять запрет, наложенный высшим начальством. Сам же высший начальник находился в 200 метрах от храма. Он сидел, обложившись грудой книг, газет и журналов, в одноэтажном белом домике, каких здесь немало.

Человек этот даже отдаленно не напоминал отрешившегося от мира фанатика. На столе перед ним лежал раскрытый номер «Таймс», а сам он блестяще говорил по-английски с оксфордским произношением и превосходно разбирался в международной политике. Только желтое монашеское одеяние и гладковыбритая голова выдавали в этом джентльмене лицо духовного звания. Разрешение на фотографирование он выдал с привычной деловитостью чиновника, после чего вновь погружился в изучение международных новостей.

В музее Сарнатха демонстрируется знаменитая колонна Ашоки, воздвигнутая этим царем в честь Будды в III в. до н. э. На круглой платформе, увенчанной символическим колесом буддизма — дхармашакрой, спицами друг к другу сидят четыре льва. Дхармашакра фигурирует в трехцветном государственном флаге Индии. А изображение колонны Ашоки с древним санскритским изречением «Сатьям эва джаяте» («Правда побеждает всегда») стало гербом Индийского Союза.

Мир Таты

В промышленных районах Бихара нет ни храмов, ни факиров, ни жрецов — ничего из того экзотического набора, на который так падки иные иностранные туристы, но именно здесь можно получить представление о современной Индии, о тех подлинных чудесах, которые творятся в этой древней стране.

Эту часть страны называют индустриальным фасадом Индии. Она производит тем более сильное впечатление, что зримые черты нового возникли здесь не по воле случая, а в результате усилий правительства преодолеть отсталость страны.

В здешнем пейзаже мало полей, а деревни превратились в рабочие поселки. Недаром Бихар называют «индийским Руром». Он и в самом деле располагает углем и рудой, заводами и шахтами, в его промышленном районе давно сложились кадры квалифицированных рабочих и инженеров. Рядом со старыми предприятиями колониального периода выросли новостройки пятилеток, а около комбината индийского стального короля Таты государство построило индустриальные гиганты, проникнутые совершенно новым духом.

Дханбад, где мы сделали остановку, был не обычным индийским городком с его яркой сутолокой, а закоптелым центром угледобычи. Его домишки, покосившиеся халупы на окраинах, деревья и улицы — все было покрыто тонким слоем черной пыли. Безрадостные строения распространяли вокруг себя уныние. Казалось, крестьяне должны за тридевять земель обходить поселок, где рабочий люд не в состоянии покупать их продукты, но, к нашему удивлению, в Дханбаде, как и повсюду, тряслись на огромных колесах запряженные быками телеги. Как и повсюду, обливались потом рикши, сменившие коляски на трехколесные велосипеды, и просили милостыню нищие с той лишь разницей, что в этом суровом мире они не пытались выдавать себя за святых. Горняцкий поселок Дханбад был кусочком Индии со всеми только ей присущими атрибутами и нищетой, больше бросавшейся в глаза, чем в других городах Бхарата, где иностранцы смотрят на все сквозь призму восточной романтики.

Будущее городка скрыто в недрах земли — уголь высокого качества залегает на небольшой глубине и в близости от огромных месторождений железной руды. По ее запасам Индия стоит в одном ряду с СССР и США. Природные богатства служат прочной основой для развития тяжелой промышленности. Пройдет немного времени, и изменится облик Дханбада, которому суждено стать важным промышленным центром.

Пока это только перспективы. Правда, они обрели конкретное выражение в пятилетних планах, но немало труда, усилий и лишений потребуется для их осуществления.

В настоящее время Индия — аграрная страна, сделавшая первые робкие шаги по пути индустриализации. Ее станкостроение не вышло из зачаточного состояния. Только текстильная промышленность сейчас уже в состоянии удовлетворять потребности страны.

В «Дигварди коллери» — дочернем предприятии концерна Таты — мы спустились в забой и на глубине 200 метров увидели то, о чем можно было догадаться наверху: условия труда были тяжелые, методы добычи угля — примитивные, а вид шахтеров свидетельствовал о систематическом недоедании. Наш вопрос о душевых и спецодежде вызвал недоумение. Главный инженер спустился в шахту в том же костюме, в каком сидел за письменным столом, а шахтеры работали босиком и в дхоти, которые, вероятно, когда-то были белыми. Если шахта давала какую-то добычу, то только благодаря благоприятным природным условиям: угольные пласты начинались на глубине 100 метров и имели не менее 2—3 метров в толщину, а скалистая порода прочно держалась в штольнях, лишенных подпорок.

Впечатление было такое, что современная техника попала сюда по воле случая и ей пока не под силу вытеснить изнурительный ручной труд. Простые отбойные молотки встречались чаще, чем электрические сверла, а недостаток транспортеров возмещали кули, которые по цепочке передавали глыбы угля или в небольших корзинах на голове оттаскивали их в сторону. И здесь, на глубине 200 метров, где мощные врубовые машины соседствовали с дошедшими из глубины веков примитивными орудиями, Индия стояла на перекрестке двух дорог, на границе между ремесленным трудом прошлого и механизацией будущего.

Производительность шахт была, естественно, низкой. Несмотря на благоприятные условия залегания пластов, ежедневная выработка одного шахтера не достигала даже одной тонны угля. Я поинтересовался, почему в шахте столько рабочих бездействуют. Инженер лишь пожал плечами:

Шахтеры промышленного района в штате Бихар

— А что можно требовать за такую заработную плату и при нынешнем состоянии здоровья людей?

К машинам и техническим усовершенствованиям шахтеры относились с предубеждением. Подавляющая их часть были пришельцами из ближних деревень, которым не удалось найти себе применения на полях. Во мраке шахты они продолжали мечтать о маленьком клоч-

ке земли. Как только им удавалось скопить немного денег, будто некая магическая сила тянула вчерашних земледельцев обратно в родную деревню. На их место приходили новые рабочие, такие же крестьяне, они тоже пытались найти свое счастье, но очень немногие чего-то достигали. Большинство прозябало в грязи и нищете трущоб или влачило жалкое существование инвалидов без пенсии. Судьба этих людей напоминала о давно минувших временах раннего капитализма, о периоде грюндерства, когда еще не было мощного рабочего движения, которое могло бы противостоять предпринимателям.

Но в Индии сформировался сильный, сознательный рабочий класс. Он, правда, составляет только 4 процента населения, но быстро растет и пользуется большим влиянием. Этому немало способствует то, что рабочие сконцентрированы в больших промышленных центрах — Калькутте и Бомбее — и объединены в могущественную профсоюзную организацию. Среди них много коммунистов. По количеству голосов, полученных на последних выборах, коммунистическая партия занимает второе место после Индийского национального конгресса. Своей важнейшей задачей она считает защиту интересов трудящихся и повышение народного благосостояния. Ее авторитет непрерывно увеличивается, и она постепенно превращается в крупную массовую партию, которая не только возглавляет рабочий класс, но и объединяет вокруг себя все оппозиционные прогрессивные силы, несогласные с внутренней политикой Конгресса и его уступчивостью по отношению к предпринимателям и помещикам.

Есть в царстве Таты учреждение, не подвластное его концерну, так называемый Институт горняков, созданный в последние годы рабочими с помощью профсоюзов и правительства. Функции его чрезвычайно многообразны: это и детский сад, и школа, и спортплощадка, и театр, и клуб. Пожалуй, название «Дом просвещения и отдыха горнорабочих» лучше отразило бы сущность института.

Я обратил на него внимание, когда, проходя мимо массивного здания с ухоженным садом, заметил множество детей вокруг качелей и каруселей. Вечером парк

заполнили взрослые и подростки, с не меньшим увлечением игравшие в травяной хоккей, крокет, пинг-понг, бадминтон.

В Индии игра в бадминтон имеет древние традиции: отсюда она через английский город этого названия пришла к нам в Европу. В далеком Бхарате бадминтон и сейчас принадлежит к излюбленным видам спорта наряду с хоккеем и крокетом, заставляя даже женщин забыть врожденную робость и взяться за ракетку. Только перед древним одеянием — сари — спортивный азарт бессилен, и вряд ли вы встретите в Индии женщину в современном спортивном костюме. Конечно, узкое развевающееся сари совсем не подходит для занятий спортом, и, храня верность традициям, женщины стараются восполнить стесненность в движениях тем, что передвигаются хотя и мелкими, но очень быстрыми шажками.

Главный человек в институте — учитель, худощавый мужчина лет 40. Он обучает не только детей, но и их родителей, с неизменной простотой дает молодым матерям советы по уходу за младенцами, посвящает неграмотных в тайны письма и показывает женщинам новые способы вязки. Чтобы удовлетворить все просьбы и ответить на все вопросы, он должен обладать всеобъемлющими, чуть ли не энциклопедическими познаниями и воистину индийским безграничным терпением. Учитель, очевидно, сочетает в себе оба эти качества, ибо пользуется всеобщим уважением.

Его рабочий день очень длинен. Спозаранку приходят малыши с книгами под мышками и карандашами в руках, усаживаются в тени дерева и, внимательно вслушиваясь в слова учителя, стараются мало-мальски разборчиво перенести замысловатые буквы с доски в тетради. Несмотря на то что в институте есть специальный класс с партами, все предпочитают заниматься на воздухе. Усаживаются школьники прямо на землю, скрестив ноги так, чтоб они заменяли письменный стол. В большинстве своем это дети бедных шахтеров, которые никогда не смогли бы учиться, не будь обучение бесплатным. Даже те несколько рупий, которые составляют в Индии плату за учение, — непосильное бремя для многодетных рабочих семей. Но и при бесплатном

обучении школу посещают преимущественно мальчики, да и то не все. Ликвидация неграмотности в Индии представляет собой многостороннюю проблему и требует от государства больших затрат на подготовку кадров преподавателей, повсеместное введение бесплатного обучения и пропаганду необходимости знаний.

Время после обеда отводится занятиям с женщинами. Их учат строчить на швейной машине и вязать, причем эти уроки не только ничего не стоят, но даже дают обучающимся небольшой приработок. Их изделия продаются в государственном магазине в Калькутте, и случается, что какой-нибудь мистер Смит из Чикаго покупает их как образцы художественного ремесла. В таких случаях известная часть выручки пересылается прилежным вязальщицам в Дханбад.

Вечер принадлежит отцам семейств, тем из них, кто после работы сохранил еще достаточно энергии, чтобы сесть за парту и учиться тому, чему утром обучались их сыновья — читать и писать. Остальные развлекаются в клубе — беседуют, играют в шашки и домино или перелистывают иллюстрированные журналы.

Центр крупнейшего индийского концерна Таты находится в Джамшедпуре. Еще в начале нашего века это была маленькая деревушка в джунглях. После того как в 1908 г. в Джамшедпуре построили первые доменные печи, он превратился в промышленный центр, насчитывающий в настоящее время около четверти миллиона жителей. Скромные поначалу предприятия разрослись до гигантских размеров. Кроме металлургического комбината, важную роль в жизни города играют завод локомотивов и автомобильный завод. Тата переименовал город в честь основателя фирмы. Бывшая деревня в джунглях Сакехи стала называться по имени «светлейшего» Джамшеда Джамшедпур. Вокзал получил наименование «Тата нагар» (город Таты), отель — «ТИСКО» («Тата айрон энд стил компани»).

Здесь все принадлежит Тате: не только заводы, но и жилые дома, кинотеатры, магазины, рестораны, больницы, отель. Он могущественнее, чем древнеиндийский бог в храме, и тому, кто не возложит к ногам железного короля или кого-либо из его служащих необходимое приношение, нечего рассчитывать на радушие города.

Мне самому пришлось испытать это. Когда я попытался получить в гостинице «ТИСКО» заказанный заранее номер, администратор дружелюбно, но твердо заявил мне: «Все номера заняты». Не пожалев самых мрачных красок, он живописал, как трудно устроиться в городе на ночлег, пока на моем лице не отразилась полная растерянность. Казалось, только этого и ждал умудренный опытом специалист по сдаче комнат. Неожиданно он стал сговорчивее и без всякого стеснения сказал по-английски:

— За полсотни рупий я, пожалуй, еще разок взгляну в регистрационную книгу. Может быть, что-нибудь и найдется.

Я вручил ему требуемую сумму и немедленно получил возможность насладиться пятидесятирупиевым гостеприимством стального короля.

Могущество Таты безгранично — он верховодит в городском самоуправлении, существующем на его субсидии, в полиции, которая всегда рада подачкам, жизнь и смерть рабочих в его руках. Тот, кто не в ладу с высшей властью, вряд ли получит в городе работу. Он лишится жилья, не сможет найти врача во время болезни, и ему неоткуда ждать поддержки.

Естественно, что слово «социализм» не может не резать слух таким магнатам, как Тата, Бирла, Далмиа. Даже самые умеренные мероприятия Конгресса кажутся им посягательством на собственность, не говоря уже о серьезных мерах по экспроприации, предлагаемых коммунистической партией. Правда, в большинстве своем предприниматели принадлежат к партии Конгресса, но между ее программой и джамшедпурской действительностью лежит глубокая пропасть, и одними словами ее не преодолеть.

Индийский национальный конгресс отнюдь не монолитная организация единомышленников. Она объединяет различные течения, группы и прослойки. В партии, начертавшей на своем знамени девиз — «построение общества по социалистическому образцу», состоят крупные акционеры и мелкие служащие, помещики со средневековыми взглядами, предприниматели, искренне стремящиеся к социализму интеллигенты и даже отдельные рабочие. У каждой группы, разумеется, свое пред-

ставление о будущем страны и о путях, ведущих к этой цели.

Пока борьба шла за национальную независимость, расхождений между членами партии не было, несмотря на огромные различия в их социальном положении, в экономических и политических устремлениях. После основания Индийского Союза объединяющая идея борьбы с иностранным господством отошла на задний план и скрытые ранее противоречия начали выступать все явственнее. В настоящее время в Конгрессе происходит бурный процесс дифференциации и все четче вырисовываются полюсы.

В партии Конгресса, например, широко представлена крупная индийская буржуазия, часть которой открыто поддерживает экспансионистскую политику США и приходит в трепет от одного упоминания о социализме. Эти круги выступают против программы национализации и всеми средствами препятствуют осуществлению многих прогрессивных мероприятий правительства. Значительное число членов Конгресса, принадлежащих к средним слоям населения, вступило в партию из соображений личной выгоды, имеет весьма неопределенные политические воззрения и выдвигает несчетное множество «особых пожеланий». Группа Неру, наконец, ставит перед собой задачу «построения общества по социалистическому образцу, основанного на принципах свободы и демократии без каст, классов и привилегий». Это левое крыло внутри правительственной партии образовало ныне «социалистический форум» — сплоченный фронт против всех инакомыслящих членов Конгресса, начиная от религиозных фанатиков и кончая корыстными предпринимателями.

Трудно сказать, что ждет Конгресс впереди. Одно бесспорно: объединяющиеся в одну партию силы слишком разнородны, чтобы они могли достигнуть единства, да и деятельность их направлена на разъединение. В том, что при подобных условиях силы прогресса одержали в Конгрессе верх, немалая заслуга принадлежит Неру, одному из главных руководителей левого крыла партии. Неру выступил также одним из инициаторов пятилетних планов в Индии и направляемого государством хозяйственного строительства.

Гигантский металлургический комбинат Таты с его причудливыми стальными конструкциями и клубами копоти и дыма, нависшими над трубами, кажется чужеродным телом среди тропического ландшафта, где ожидаешь увидеть лишь зеленые пальмы, сочные апельсины и экзотических животных. А снующих среди лабиринта строений рабочих в белых штанах или дхоти и женщин в сари легче представить себе на базаре, чем на заводском дворе. Промышленные сооружения кажутся слишком громоздкими, слишком прямолинейными, слишком однотонными для этой богатой формами и красками страны, слишком будничными для наших представлений об Индии.

Не капризу легендарного властелина и фантазии его зодчих обязан своим возникновением Джамшедпур. Он создан стараниями иностранных инженеров с логарифмической линейкой в руках, английских акционеров, мечтавших получать проценты на вложенные ими фунты стерлингов, и индеец Таты, действовавшего с европейской деловитостью. В результате этих усилий возник металлургический комбинат. На нем занято 40 тысяч рабочих, техников и инженеров, пять его доменных печей дают больше железа, чем производила раньше Индия в целом, а выплавка стали — свыше миллиона тонн в год — составляет почти всю продукцию страны*.

Благодаря высокой механизации производственного процесса на комбинате достигается необычайная для Индии производительность труда. День и ночь пылает пламя в доменных печах, чад и дым окутывают закопченные стальные сооружения, далеко вокруг разносится пыхтение конвертора.

В обеденное время на улицах Джамшедпура наступает затишье. Жизнь приостанавливается под прямыми лучами тропического солнца, и все жители города — от самых ленивых и до самых деятельных — укрываются в прохладе затененных домов. Только комбинат не знает покоя. Температуру на площадке перед доменной печью нельзя измерить обычным термометром, и кажет-

---

* После пуска государственных металлургических заводов в Бхилаи, Дургапуре и Руркела доля комбината в Джамшедпуре в общей выплавке стали снизилась примерно до 25 процентов.

ся, что в таком пекле человек не в состоянии работать. Жара становится еще невыносимее, когда расплавленный металл начинает поступать из печи в литейные ковши. Будто само солнце вытекает из лётки и хочет сжечь людей, ожесточенно шурующих длинными прутьями в желобах. Я стоял на почтительном расстоянии от них и тем не менее чувствовал, что не в силах выдержать такую температуру. Каково же было рабочим? Они неизменно отвечали:

— Сейчас еще ничего, а вот летом действительно невыносимо. Тогда здесь суший ад.

На сталелитейном заводе за работой мартеновской печи следил Г. К. Патхак. Сквозь синие очки он то наблюдал за температурой и давлением, то регулировал плавильный процесс при помощи рукояток и кнопок. Я спросил, давно ли он здесь работает. Взглянув на меня так же испытующе, как на свои инструменты, Патхак ответил:

— Так давно, что мне это время кажется вечностью.

В юности он изучал санскрит и древнеиндийскую литературу, но эти знания не давали возможности зарабатывать на хлеб. Пришлось сменить профессию. В 1938 г., когда Патхаку было 25 лет, он поступил на завод подсобным рабочим — наполнял мульды железным ломом и получал за это 60 рупий в месяц. Потребовались долгие годы упорного труда и учения, чтобы овладеть мастерством плавки. Как тяжел был этот путь! Даже сейчас Патхак не может вспоминать о нем без волнения.

— Работа в этой невыносимой жаре убивает, и мы буквально чувствуем, что стареем вдвое быстрее. Ведь чтобы простоять восемь часов перед печью, требуется энергия, какую иной человек не израсходует и в два дня.

Для Таты, этого индийского Круппа, производство чугуна и стали оказалось делом в высшей степени выгодным. В последующие годы он не только расширил основное предприятие, но смог построить и приобрести много других заводов. Сейчас Тата производит все, что приносит или со временем может начать приносить хоть какую-нибудь прибыль. В Индии не найдется такой про-

винции, где не было бы заводов Таты, и с каждым годом, с каждым месяцем он расширяет свой концерн.

Вы умываетесь утром, и с куска мыла вас приветствует слово «Тата»; холодильник в вашей комнате имеет это же фирменное клеймо; паровоз, который водит поезда в соседний город, построен в Джамшедпуре. Концерну принадлежат прядильные и ткацкие фабрики с 300 тысячами веретен и 7 тысячами автоматических ткацких станков, электростанции и научно-исследовательские институты. Тата производит товарные вагоны, котлы, омнибусы, сельскохозяйственные машины, легковые автомобили, паровозы, промышленное оборудование, радиоаппаратуру, холодильные установки, пишущие машинки, цемент, химикалии, масла, мыло, парфюмерию, медикаменты и витамины. Акционерный капитал концерна составляет 2 миллиарда рупий, свыше 170 тысяч человек заняты на его предприятиях. Это небольшая империя, государство в государстве, располагающее огромной силой, ибо недавно оно контролировало почти все производство железа и стали в Индии.

Великая цель

Программа правительства предусматривает преимущественное развитие государственного сектора. Согласно постановлению парламента основные предприятия тяжелой промышленности и машиностроения должны принадлежать только государству, в других же отраслях промышленности частные капиталовложения допустимы лишь в той мере, в какой они служат интересам общества. Неру так сформулировал этот основной принцип экономической политики: «Нет таких отраслей промышленности, которые были бы священной собственностью предпринимателей, но есть такие отрасли, которые должны быть священной собственностью государства».

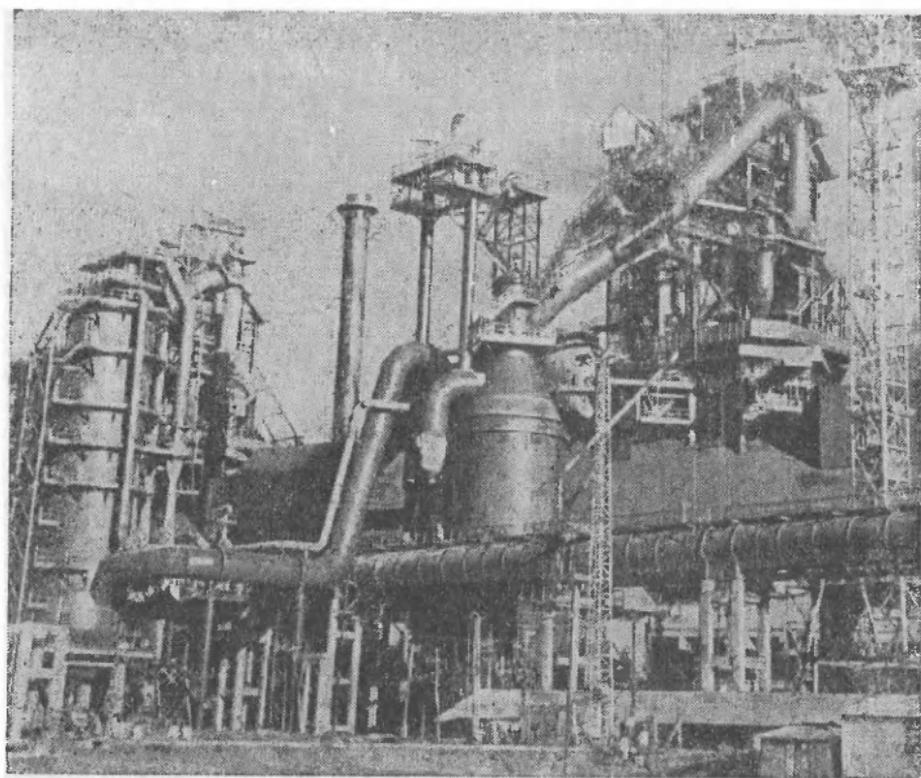
Перемещение промышленного производства из частного сектора в государственный должно осуществляться постепенно путем строительства государственных заводов. До сих пор были национализированы только еди-

нические предприятия — в основном те, которые имеют отношение к оборонной промышленности и транспорту. Так, воздушная линия концерна Таты превращена в государственную линию «Эйр Индия интернэшнл». Вопрос о дальнейшей национализации крупных частных предприятий при соответствующей компенсации будет обсуждаться в парламенте не ранее чем через 10—15 лет.

Это решение, принятое по предложению Конгресса, должно было побудить индийских предпринимателей, получивших на длительный срок гарантию неприкосновенности, к расширению производства, а иностранный капитал — к увеличению капиталовложений в Индии. Правильны ли эти расчеты, покажет будущее. Вероятнее всего, что по истечении этого срока провести демократизацию хозяйства будет труднее, так как экономический потенциал концернов, а вместе с ним их сила и политическое влияние возрастут.

В ближайшие годы государственный сектор будет расти прежде всего за счет строительства и расширения государственных предприятий, концентрации государственных капиталовложений в основных отраслях тяжелой промышленности. Существенно изменятся пропорции в развитии экономики.

В первом пятилетнем плане (апрель 1951 г. — апрель 1956 г.) основное внимание было уделено развитию сельского хозяйства и сооружению оросительной системы, чтобы Индия могла освободиться от ввоза риса и другого зерна. Главной целью второго пятилетнего плана (1956—1961 гг.) явилось развитие промышленности, строительство новых заводов, плотин, электростанций, дорог. Благодаря значительным капиталовложениям промышленная продукция Индии существенно возросла. В период с 1956 по 1960 г. добыча угля поднялась с 37 миллионов до 60 миллионов тонн, выпуск автомобилей — с 23 тысяч до 53 тысяч, производство электроэнергии с 3,4 миллиона до 5,8 миллиона киловатт-часов, а цемента — в два раза. Пуск в ход трех новых металлургических комбинатов, построенных: один — Советским Союзом, другой — компанией Крупп-Демаг, третий — английской фирмой, позволил увеличить производство стали с 1,3 до 4,3 миллиона тонн.

Доменный цех Бхилайского металлургического комбината

Во много раз увеличилось производство станков. Все эти достижения свидетельствуют о том, что Индия успешно продвигается по трудному, но многообещающему пути, ведущему к созданию современного высокоразвитого государства.

Третий пятилетний план, к осуществлению которого приступили с апреля 1961 г., также направлен на создание в Индии собственной сырьевой и промышленной базы. В предстоящее пятилетие производство стали должно увеличиться более чем в два раза и достигнет 10 миллионов тонн. К концу этого периода будет добываться 97 миллионов тонн угля в год, производиться 11,8 миллиона киловатт-часов электроэнергии, с конвейеров индийских заводов сойдет более 100 тысяч автомобилей. Чтобы повысить урожайность полей и дать стране возможность освободиться от ввоза продуктов питания, значительные суммы будут также вложены в сельское хозяйство.

Природные условия благоприятствуют широкой индустриализации. Индия располагает весьма значительными залежами каменного угля и железной руды, является крупнейшим в мире производителем слюды, на ее долю приходится 30 процентов мировой добычи марганцевых руд, необходимых для производства высококачественных сортов стали. Ее недра богаты магнием, хромом, золотом, серебром, медью и свинцом. На полях Индии произрастают такие важные культуры, как джут, табак, хлопок, чай и кофе, которые играют большую роль в ее внешней торговле.

Правительство Неру ставит перед собой цель превратить Индию из страны аграрной в страну индустриально-аграрную, не зависящую от импорта важнейших предметов промышленного производства. Строительство новых заводов и фабрик неизмеримо повысит занятость населения, огромная армия безработных и голодающих индийцев сократится, а жизненный уровень населения постепенно повысится. Колоссальные средства, необходимые для осуществления этой задачи, будут вложены преимущественно в государственный сектор народного хозяйства, чтобы он мог развиваться быстрее, чем частная промышленность, которая получит государственные субсидии и кредиты лишь во вторую очередь. Все эти мероприятия полностью соответствуют цели создания «общества по социалистическому образцу», которую поставили перед собой правительство и Индийский национальный конгресс.

Как представляет себе этот путь Конгресс, видно из его предвыборного обращения, опубликованного в 1957 г.: «Революция в Индии может быть завершена лишь тогда, когда революция политическая будет дополнена революциями экономической и социальной. Обе они уже совершаются подспудно, но соответственно духу индийского народа и индийским методам развиваются в мирной обстановке и в атмосфере сотрудничества. Уже достигнуты большие успехи, они будут закреплены, и в конечном итоге мы создадим общество социалистического характера и сможем обеспечить всем индийцам свободу, благосостояние и равноправие». Для этого, по мнению Конгресса, необходимо ликвидировать господство монополий и ограничить земельную собст-

венность. Ремесленники и крестьяне должны объединиться в кооперативы, чтобы устранить паразитическую торговлю и полнее использовать преимущества совместного труда.

То, что происходит в Индии, никоим образом не следует отождествлять с экономическими и политическими преобразованиями в странах социалистического лагеря. Между представлениями в этих странах и в Индии о социализме и о практических мерах по его осуществлению огромное принципиальное различие, значительно большее, чем это можно предположить на основании предвыборного обращения Конгресса. В Индии управление государством по-прежнему сосредоточено в руках буржуазии, монополии и частный капитал продолжают играть решающую роль в экономической жизни страны, иностранный капитал занимает ключевые позиции в важнейших отраслях тяжелой промышленности и в финансах, в сельском хозяйстве господствует помещичье землевладение, а пятилетние планы не являются хозяйственными планами социалистического типа и служат лишь для распределения государственных капиталовложений.

Социалистическое развитие, в нашем понимании этого слова, стало бы возможным лишь в том случае, если бы трудящиеся, руководимые коммунистической партией, взяли власть в свои руки, свергли господство буржуазии и осуществили глубокий социальный переворот.

Поскольку в настоящее время Индия движется по пути прогресса, Индийская коммунистическая партия поддерживает мирную внешнюю политику и хозяйственные планы правительства, не способствующие укреплению монополий. Она принимала участие в обсуждении проекта второго пятилетнего плана и выступила, в частности, со следующими предложениями: «Коммунистическая партия считает важнейшей задачей преобразования экономики Индии создание основ для ускоренной индустриализации страны и проведение аграрных реформ. Главной целью индустриализации должно быть быстрее развитие тяжелой промышленности. Коммунистическая партия требует, чтобы все новые предприятия тяжелой промышленности создавались в

государственном секторе. Правительство может оказывать поддержку частным предпринимателям лишь в тех случаях, когда расширять существующие предприятия выгоднее, чем строить новые. Но государство должно становиться пайщиком такого рода предприятий и контролировать их».

Далее следуют требования национализации английских предприятий и введения государственной монополии внешней торговли. По поводу аграрных проблем в предложениях говорится: «Коммунистическая партия подчеркивает, что успехи в хозяйственном строительстве и индустриализации Индии не могут быть достигнуты без повышения жизненного уровня крестьянства. Партия снова указывает на необходимость проведения демократической аграрной реформы и наделения земель в первую очередь сельскохозяйственных рабочих и беднейшего крестьянства».

Новые государственные предприятия не только составляют предмет гордости индийцев, но и производят неизгладимое впечатление даже на скептически настроенных иностранцев. При посещении этих заводов на каждом шагу сталкиваешься с неожиданностями. Там, где предполагаешь встретить отсталое кустарничество, видишь современную технику, где раньше цехи жались друг к другу, теперь возведены просторные промышленные строения, рассчитанные на расширение производства. На этих заводах лучшие традиции старой Индии сочетаются с достижениями новой техники, причем в таком удачном синтезе, что с нетерпением ожидаешь Индию завтрашнего дня.

Их еще немного этих предприятий. Они пока лишь островки в океане нищеты и отсталости, условностей и предубеждений, но все проникнуты новым, жизнеутверждающим духом и стремлением покончить со старыми традициями, тормозящими движение вперед. Пусть примитивные ручные веретена еще играют в жизни Индии более важную роль, чем автоматические текстильные фабрики, пусть новых государственных заводов еще недостаточно, им принадлежит будущее, ибо число их непрестанно увеличивается и они приобретают все большее значение в структуре индийской экономики.

Даже те немногие новостройки, которые лежали на пути нашего следования, дают представление о масштабах преобразований, происходящих в Индии. Это и система плотин Бхакра-Нангал, чьи оросительные сооружения и промышленные комбинаты изменили лицо целой провинции; и единственные в Индии значительные верфи на восточном побережье страны около Визагапатама, рассчитанные на строительство океанских гигантов; и машиностроительный завод в Бангалуре, оборудованный новейшей техникой; и крупнейшие в мире сахароварни; и большое молочное хозяйство под Бомбеем, где соблюдаются все правила современной санитарии; и авиационный завод реактивных самолетов. Кстати, там мне предложили подняться в воздух на первой машине, сконструированной и построенной индийскими инженерами.

Синдри еще в 1947 г. была маленькой неприметной деревушкой в Бенгалии, лежавшей далеко в стороне от больших дорог. Но вот забытое и оторванное от мира селение превратилось в огромную строительную площадку, а в октябре 1951 г. химический комбинат дал первую партию продукции. Окрестные крестьяне, не имевшие представления даже о полезных свойствах коровьего навоза, получили искусственные удобрения, чудодейственным образом повышающие плодородие их полей.

Подъезжая к Синдри, мы издалека увидели облака дыма и сажи, острые, как иглы, заводские трубы и проложенные на большой высоте толстые трубопроводы, гигантской паутиной покрывающие все заводские сооружения. Но более всего бросались в глаза тысячи выросших одновременно с заводом каменных домиков, по форме напоминающих квадратные детские кубики. Каждый из них рассчитан на одну семью. Они лишены орнаментальных украшений древнеиндийской архитектуры, но зато удобны и приспособлены к условиям тропического климата.

Заселены дома инженерами и рабочими завода. В других местах такие коттеджи сдаются за 150—200 рупий, в Синдри же квартирная плата составляет 8—10 рупий — не более 10 процентов месячного заработка жильцов. Иначе и не может быть — ведь новый

город порожден не коммерческими соображениями, а передовыми социальными взглядами и экономическими потребностями страны. Он представляет собой целый жилой комплекс, где предусмотрено все: детские сады, спортплощадки, клубы, больницы, торговые ряды, кинотеатры, школы и общежития для приезжих.

Самое большое впечатление оставляет чарующая общительность жителей этого города, чувство уверенности, с которым держатся женщины, их жизнерадостность. Здесь среди современных зданий сари выглядят анахронизмом, а заклинатели змей и аскеты кажутся плодом фантазии рассказчика. Молодежь Синдри знает тайны мироздания при помощи математических формул, а не через откровения предсказателей.

В то время как строители с радостью перешли от вычурной храмовой архитектуры к строгим современным линиям, в промышленности решающее значение приобрели план и новая техника. Современная Индия и мыслит по-современному. Кажется, будто она в борьбе с предрассудками и отсталостью боится потерять хотя бы один день. Путь, на который другим странам потребовались десятилетия, Индия хочет проделать за несколько лет. Она ставит перед собой цель начать промышленное строительство с уровня, уже достигнутого ведущими индустриальными державами, и приглашает лучших зарубежных специалистов — строителей и консультантов, чтобы новые предприятия создавались по последнему слову техники.

Таков, например, завод в Синдри. Он раскинулся на огромной площади и по размерам не уступает современным гигантам химической промышленности. Обойти его пешком трудно, так как расстояния измеряются здесь километрами. Управление рабочим процессом осуществляется с пультов, химикалии передаются по огромной трубопроводной системе, и лишь кое-где некоторые виды работ выполняются вручную. Семь тысяч человек, работающих на предприятии, как бы растворяются в лабиринте конверторов, котлов, труб и реторт, их не видно и не слышно.

Производство сульфата аммония уже сейчас составляет свыше 400 тысяч тонн в год. Руководители комбината утверждают, что это крупнейшее предприятие

Азии, но более всего они гордятся тем, что на заводе работают исключительно индийские инженеры, сменившие англичан и американцев, которые в пусковой период осуществляли технический контроль.

В нескольких часах езды от Синдри находится паровозостроительный завод Читтаранджан — огромное государственное предприятие с таким же крупным жилым массивом. История Читтаранджана также начинается с 1947 г., со дня независимости Индии. Ему, как и заводу в Синдри, понадобилось менее трех лет, чтобы наладить производство и выпустить первые паровозы. Для облика Читтаранджана характерны продолговатые стеклянные цехи с наклонными ступенчатыми крышами, отражающими лучи солнца. Читтаранджан является комбинатом, где изготавливаются почти все детали для локомотивов. В ближайшее время он перейдет на поточный метод производства, чтобы полнее удовлетворять растущие потребности страны. Постепенно производство паровозов возрастет с 12 в месяц до 30, и со временем на железных дорогах Индии будут курсировать только машины отечественного производства.

12 паровозов в месяц — далеко не блестящий показатель для комбината, имеющего первоклассное оборудование. Завод не использует свои производственные возможности, а темп работы скорее соответствует уравновешенно-созерцательному духу ремесленной мастерской, нежели крупному предприятию.

Главный конструктор Сетжи рассказал мне, как сильно затруднялось строительство и производственное освоение Читтаранджана наследием, полученным от колонизаторов:

— Индия — аграрная страна с многомиллионным крестьянством, большим числом ремесленников и незначительной прослойкой промышленных рабочих. Когда мы закладывали фундамент, у нас не было квалифицированных рабочих. Приходилось использовать чернорабочих, помогая им постепенно овладевать специальностями. Поэтому наш завод был не только производственным предприятием, но и в какой-то мере учебной мастерской. Сейчас мы подготавливаем кадры на нашем учебном комбинате. С инженерами дело обстоит иначе.

В Индии сравнительно много людей, получивших техническое образование. В большинстве своем это молодежь, полная энергии и лучших намерений, но совершенно неопытная. Только после того как молодые специалисты научатся применять знания на практике, они станут настоящими командирами производства. Как видите, мы за три года построили завод, но далеко не все еще идет так, как нам хотелось бы.

Мы заговорили о технических показателях индийских паровозов, которые могут выдержать сравнение с любыми европейскими «собратьями», и о больших потребностях в них железнодорожного транспорта Индии. Мне было непонятно, почему завод работает в одну смену и машины две трети времени простаивают.

— Я отвечу вам сравнением с Германией, которую немного знаю. Там рабочий продуктивно работает семь с половиной часов из восьми, у нас же, в Индии, в лучшем случае четыре. Большого нельзя требовать от людей при их нынешней квалификации и уровне питания. Если мы перейдем на ночную смену, производительность труда уменьшится еще больше, а состояние и без того подорванного здоровья рабочих ухудшится. У нас нелегкое положение, найти из него выход не так-то просто, а измениться оно может лишь в результате улучшения условий жизни.

Черные санталы

Нам хотелось до захода солнца попасть в Шанти-никетон, но уже стемнело, а наша машина все еще продолжала двигаться по необозримым джунглям Западной Бенгалии. Мы рассчитывали на асфальтированные шоссе, а попали на песчаные дороги, может быть, пригодные для запряженных быками телег, но никак не для автомобилей. Ориентироваться мы предполагали по дорожным знакам, но то и дело оставались у развилки дорог, лишенных указателей, и гадали на кофейной гуще, по какой из них ехать дальше. Изредка откуда-то внезапно вырастали фигуры черных, как австралийские негры, людей, но они исче-

вали в зарослях с такой же быстротой, как я появлялись. Даже тогда, когда мы имели возможность обратиться к кому-нибудь из них с вопросом, это было лишено смысла, так как ни один из нас не знал языка этих людей, казавшихся обитателями другого континента. Нашим единственным ориентиром была песчано-глинистая тропа, ведущая сквозь неизвестность, именуемую джунглями.

Джунгли... Это слово вызывает страх и будит фантазию, оно заставляет думать о непроходимых бамбуковых зарослях и бесшумно подкрадывающихся тиграх, о лианах, обвивающих дремучий лес, о цветущих орхидеях с их дурманящим запахом и мимолетной красотой, об удушливо-влажном полумраке под гигантской крышей из листьев, сквозь которую редко пробиваются лучи тропического солнца, о жужжании насекомых, реве и рычании зверей, живущих в непрерывной борьбе друг с другом.

Такими мы видели джунгли только в знойных и влажных долинах Брахмапутры и в неприступных горах Ассамы. В засушливой же, страдающей от недостатка воды стране, какой в целом является Индия, даже джунгли не отличаются пышной растительностью. Их никак не назовешь непроходимыми или могучими. Ни зарослей лиан, ни девственного леса, ни лиственной крыши здесь нет. От джунглей остались бескрайняя травянистая степь, кустарник, редкий лиственный лес и лишь в немногих влажных местах — буйные заросли бамбука. В Западной Бенгалии, на родине грозных тигров, джунгли приветливы, напоены светом и напоминают огромный естественный парк, сохранивший свою дикую красоту.

Была уже полночь, когда мы наконец остановились перед гостиницей в Шантиникетоне. Нам пришлось долго стучать, прежде чем открылась дверь и вышел заспанный хозяин со старым фонарем в руке. Он осмотрел нас с явным недоверием, словно ему никогда не приходилось принимать посетителей в столь поздний час. Подозрительность уступила место любопытству, а последнее в свою очередь удивлению:

— Как вы решились ехать через джунгли в темноте? Или вы не знаете, что там живут дикие пле-

мена, которые только и ждут случая, чтобы напасть на путника, а за каждым кустом может скрываться тигр, всегда готовый броситься на человека?

— Но мы ведь были в автомобиле.

— Тогда вы плохо знаете тигров, а еще хуже — санталов. Вас просто не заметили, иначе бы вам не уйти невредимыми. Санталы вооружены лишь копьями, но именно поэтому в машине нельзя чувствовать себя в безопасности. Они обычно протыкают копьями покрывающие, а затем нападают на пассажиров.

Чтобы узнать правду о санталах и познакомиться с ними, мне не пришлось углубляться в необъятные джунгли. Уже на следующее утро мимо нашего дома на скрипящих арбах проехали необычного облика люди. Предполагаемые разбойники с большой дороги направились на поля, чтобы собрать последний рис, а в полдень, нагрузив возы, тем же путем возвратились обратно. Санталы — крестьяне, каких в Индии миллионы, — трудолюбивые, скромные, застенчивые. Их деревни сверкают чистотой, а глиняные хижины благодаря яркому орнаменту имеют веселый и жизнерадостный вид. Санталы проявляют общительность, какую редко встретишь в других деревнях, а женщины живут не так обособленно, как их подруги под другими пальмами у других колодцев Индии.

Строго говоря, санталы не являются индийцами в обычном понимании этого слова. Они происходят от доисторических племен, населявших континент еще до дравидов и ариев. Долгое время в Европе ничего не знали об их существовании. В настоящее время аборигенные племена почти полностью вытеснены из основных земледельческих районов Индии и продолжают жить, по-видимому не тронутые временем, в западно-бенгальских джунглях, в неприступных горах Ассама, в южноиндийских горах... В силу оторванности этих областей от остального мира там сохранился древний образ жизни, и у санталов, в особенности же у племени нага в Ассаме, можно изучать ранние формы общественного устройства.

Санталы по сравнению с нага стоят на более высокой ступени развития. Они занимаются земледелием и скотоводством, уровень их культуры не ниже, чем

у соседей — индийцев, хотя обычаи иные. Их язык непонятен индийцам, а деревни до сих пор представляют собой небольшие замкнутые общины, поддерживающие с окружающим миром лишь очень незначительный контакт. Санталы сохранили самобытность в культуре, а в настенных рисунках продолжают рассказывать об охоте на бенгальских тигров.

Это скорее фантазия или мечты, чем изображение реальной действительности, ибо тигры стали здесь большой редкостью. Прежде чем удастся убить осторожного зверя, обычно никогда не нападающего на человека первым, его приходится целыми днями выслеживать с помощью загонщиков и слонов. В Индии, как и в Африке, хищники стали чем-то вроде вольерных животных, которых даже оберегают.

Если санталы до сих пор сохранили свой уклад жизни, то причины этого коренятся не только в относительной малодоступности тех областей, где они живут, но и в строгости обычаев и религиозных верований как индийцев, так и санталов. Браки между ними полностью исключены. Не последнюю роль играет и то обстоятельство, что индийцы продолжают относиться к санталам с предубеждением. Они считают их «дикими аборигенами», хотя это мнение ежедневно и ежечасно опровергается жизнью. Вот почему к рассказам о невероятных приключениях и опасностях, подстерегающих путника, следует относиться, как к небылицам, которыми туристы потчуют друг друга в гостиницах.

Многое я узнал о санталах от Кайрона Синха. Он сидел на краю дороги, внимательно наблюдал за уборкой урожая и быстро наносил карандашом на бумагу движения стройных черных фигур. Это были эскизы к картине маслом из жизни санталов. Они, по словам Кайрона Синха, «самые добродушные, работающие и миролюбивые люди во всей округе».

Кайрон Синха принадлежит к тому поколению молодых индийских художников, которые порвали с древнеиндийскими художественными традициями, скованными условностями и придворным этикетом, отказались от создания слащавых акварельных миниатюр и портретов доблестных махараджей и обратились к проблемам повседневной жизни Индии. Проникновенные картины

Кайрона Синха, написанные в нарочито гиперболизированных ярких тонах, рассказывают о простых людях, гнувших спину на полях, о жизнерадостных танцах, украшающих вечера, о деревенской жизни с ее будничными заботами. Не случайно в последнее время он обратился к изображению жизни санталов. Черные как смоль фигуры на фоне красочных деревень и роскошной тропической природы так и просятся на полотно художника.

Когда смотришь на картины Кайрона Синха, невольно вспоминаются таитянские работы Поля Гогена. Совершенство композиции и линий, мастерский подбор красок свидетельствуют о том, что французский экспрессионизм нашел себе последователя в лице индийского художника. Но в то же время Кайрон Синха совершенно своеобразен. Позаимствовав у экспрессионистов склонность к упрощению предметов и образов для выделения в них наиболее типичного и усиления впечатления, он заново осмыслил принципы этой школы, придав им чисто индийскую трактовку.

Сын учителя из маленькой восточнобенгальской деревни, Кайрон Синха прожил интересную жизнь. В 1937 г. он закончил художественную школу в Шантиникетоне, некоторое время путешествовал по Китаю, а затем нашел в Мадрасе место преподавателя рисования с окладом 90 рупий в месяц. Хотя и скудный, но все же регулярный заработок не смог долго удержать его на месте. Художника вновь потянуло к странствиям, к крестьянам и рабочим, чью жизнь и труд он изучал и отображал в своих работах.

Это был период новых познаний и новой нужды. Кайрон Синха изображал жизнь простого народа, но ею не интересовались при дворах махараджей; как и все передовые люди, он сочувствовал коммунистам, а это вовсе не нравилось меценатам. Часто ему приходилось отдавать картины за несколько рупий, не возмещающая даже расходов на краски и холст. Бывало, что он голодал, но никогда не отступал от своих убеждений и не писал слащавых парадных картин типа «Тадж Махал и махараджи».

Теперь Кайрон Синха зарабатывает на хлеб насущный тем, что изготавливает художественные шали и сари.

Он делает рисунки и штампы, а штампованием платков и продажей их в Дели занимается его жена Гертруда Синха, бывшая студентка художественной школы в Вене, с которой Кайрон познакомился в Мадрасе. Доходов от продажи хватает только на еду. Синха радуется, что выставка картин в Дели имела успех и была отмечена прессой и знатоками. Он был бы рад, если бы правительство поддержало художников заказами.

Университет поэтов в джунглях

С первого взгляда Шантиникетон производит впечатление деревни, но здесь не увидишь землепашцев и не встретишь запряженных в возы быков. Перед нами раскинулся огромный парк, где среди манговых деревьев были разбросаны одиночные на редкость опрятные дома. В одном месте парка стояла группа таких построек. Это и есть университет Вишва-Бхарати.

На берегу высохшего деревенского пруда сохранилась скамья, на которой любил размышлять великий индийский писатель Рабиндранат Тагор. Шантиникетон неразрывно связан с жизнью и творчеством человека, прославившего новую индийскую литературу на весь мир и награжденного в 1913 г. Нобелевской премией.

Тагор убедился на собственном опыте, что в школах учащихся заставляли только зубрить наизусть и слепо подражать авторитетам. Он решил начать воспитывать детей по своему методу, приучая их самостоятельно мыслить, прививая им любовь к природе и полезному труду. Для этого вдали от домов и колодцев, в уединенном месте, Тагор основал школу и назвал ее в знак протеста против индийской системы образования «Шантиникетон» — «обитель мира». Она должна была стать образцом учебного заведения, где преподавание тесно связано с жизнью.

Осуществить этот замысел было труднее, чем может показаться сначала. Тагору предстояло освоить совершенно новое дело, найти людей, которые стали

бы его последователями, а главное, разработать свой метод преподавания и испытать его на практике. Какого труда это потребовало от Тагора, видно из его слов, написанных в 1921 г.: «Я основал мою школу 20 лет назад, когда, честно говоря, у меня не было ни метода, ни опыта преподавания. Тем не менее я был убежден, что интуитивно понимаю детей, и не ошибся». Далее он продолжает: «Я только что упомянул, что основал школу, не имея какого-либо опыта, но это не совсем верно. Опыт — негативный — я получил, когда еще сам учился в школе. Там я понял, как не следует относиться к детям. Особенно сильно я страдал ребенком оттого, что чувствовал, насколько обучение оторвано от жизни».

Метод Тагора дал хорошие результаты. Из небольшой школы с несколькими учащимися позднее вырос колледж, а 10 лет спустя после смерти Тагора — университет. На основе идей философа и поэта развилось течение, оказавшее влияние на всю систему школьного образования в стране. Дух Шантиникетона проник в аудитории учебных заведений Дели и Бомбея и достиг даже самых отдаленных сельских школ.

Тагор не любил гнетущие классные помещения с узкими партами и проводил занятия на воздухе под манговым деревом. Чтобы избавить учеников от догматической зубрежки, он облакал уроки в форму непринужденной беседы и вносил в них разнообразие, непрерывно обращаясь к природе, рассказывая о растениях и животных. Тагор считал, что главная цель педагога приучить учеников к самостоятельному мышлению. Метод его заключался в том, чтобы, ничего заранее не предопределяя и отказавшись от раз навсегда данной схемы, открыть возможности для свободного, ничем не сдерживаемого развития человеческой личности. Этот метод несомненно оказал положительное влияние на постановку обучения в Индии, но, по-видимому, не может считаться универсальным.

Даже в самом Шантиникетоне есть противники принципов воспитательной системы поэта — преподаватель английского языка доктор Норт и швейцарский индолог Хорх.

— В индийской школе бесспорно были и есть дог-

матические тенденции, которые хотел устранить Тагор, — объяснил мне свою точку зрения первый. — Но это не значит, что следует вообще отказаться от какой-либо педагогической системы. У нас каждый учитель волен вести занятия так, как он считает нужным, не подчиняясь определенному учебному плану. Это имеет свои положительные и отрицательные стороны, но все не способствует развитию прилежания у учащихся. Лично я считаю, что если во время урока английского языка начинает щебетать птичка и по просьбе одного из учеников занятия прекращаются, чтобы дети могли послушать пение и побеседовать с учителем о природе и птицах, то это скорее мешает, чем помогает усвоению предмета.

Метод преподавания Тагора был неразрывно связан с авторитетом поэта. Его личное обаяние и педагогический талант смягчали недостатки системы, и только после его смерти они стали ощутимы.

Шантиникетон — это прежде всего художественная школа, где обучаются музыканты, художники, скульпторы, поэты и танцоры. В нем еще и сейчас жив дух университета Тагора, который был для учеников образцом во многих видах искусства и поощрял их личным примером. Он рисовал, сочинял музыку и сам исполнял свои произведения, писал стихи, увлекался философией и воспитывал детей. Продолжая традиции, заложенные великим мастером, каждый класс и сейчас старается по-своему оформить отведенный ему дом.

Танцоры избрали аскетически простые формы, так как выразительные движения их танцев лучше всего выделяются на фоне белых оштукатуренных стен. Художники стены своего класса расписали, а музыканты приспособили для занятий большой зал, где эхо многократно повторяет звуки табла и ситара (ударный и струнный инструменты). Но наибольшее впечатление производят владения скульпторов: среди зелени сада возвышаются оригинальные фигуры из бетона профессора Рама Кинкера Бедги и работы его одаренных учеников. Здесь же находится их знаменитый «черный дом» — крытое соломой глинобитное строение. Его стены украшены скульптурами, выразительно излагающими содержание древнеиндийских сказаний.

В Шантиникетоне я познакомился с индийскими студентами. Они так серьезны и рассудительны, словно уже чувствуют на себе бремя ответственности за будущую свою деятельность. Им чужды проказы, которыми славятся студенты всего мира, а одеваются они со строгой простотой, которая принята в Индии даже в состоятельных семьях и передается из поколения в поколение как традиция.

Конституция предоставляет право на высшее образование всем гражданам, но высокая плата за учение делает это право иллюзорным для большинства населения. В Шантиникетоне, например, только одно обучение обходится ежемесячно в 100 рупий, а ведь нужны еще деньги на одежду, питание, книги, на оплату общежития. В итоге получается внушительная сумма, которой располагают немногие. Поэтому образование остается в Индии уделом избранных, и среди студентов преобладают дети высших чиновников, богатых дельцов, преуспевающих промышленников и отставных махараджей.

Лал Дахо пробуждается

Мы оставили Шантиникетон, когда широкая западно-бенгальская равнина с зелеными рисовыми полями и пыльными пальмами еще была погружена во тьму. Путь наш лежал в Лал Дахо, одну из тысяч деревень, что не богаче и не беднее остальных. Свой выбор мы остановили на ней только потому, что сопровождавший нас чиновник был хорошо знаком с тамошним старостой. В этих краях недоверчиво относятся к иностранцам и без помощи председателя панчаята трудно ознакомиться с бытом деревни и рассчитывать на гостеприимство жителей.

Мы собирались отправиться в собственной машине, но это вызвало возражения нашего спутника. Пришлось пересесть из удобного лимузина в его тесный и тряский джип, более приспособленный к передвижению по запущенным индийским дорогам.

Очень скоро мы убедились в правильности этого шага. Доведись нам переезжать через реку в нашем ав-

томобиле, он бы глубоко погрузился в воду, а в джипе нам только пришлось слегка поджать ноги. Джип легко взбирался на отвесные, обычно недоступные для автотранспорта, косогоры; вязкие пески и глубокие воронки не могли заставить остановиться его неутомимо вращавшиеся колеса.

Природа еще спала. Даже птицы не давали о себе знать. В деревьях, попадавшихся нам на пути, царил сонная тишина. Только потревоженные дворовые собаки во весь голос заявляли о том, что здесь есть жизнь. Но тишина эта не была унылой. Предраассветные сумерки не могли скрыть великолепия природы Западной Бенгалии. Серые от пыли и одинаково безотрадные глинобитные хижины были окружены таким количеством манговых деревьев, пальм и бамбука, так глубоко упрятаны под тенистыми кронами, что только вблизи можно было догадаться, что мы проезжаем мимо селений.

Лал Дахо было скрыто рощицей, но, по мере того как мы приближались, один за другим вырисовывались домики, пока наконец перед нами не выросла большая деревня. Здесь тоже господствовала ночная тишь, люди и животные спали; ни шелеста листьев, ни малейшего дуновения ветерка, как если бы он опасался нарушить общий покой.

Но вот на горизонте появился огненный шар, возвестивший наступление нового дня! Птицы принялись щебетать, целые стаи ворон, расправив черные крылья, начали кружиться над тропическим лиственным лесом, а воробьи, которые всюду чувствуют себя как дома, подняли оглушительный гомон. Точно так же галдят их сородичи в Берлине, Москве, Париже. На деревенском пруду утки, крякая, описали в зеленовато-грязной воде первые круги, а при нашем приближении, громко хлопая крыльями, перелетели на другую сторону. Почти привычная сельская идиллия; непривычным было лишь то, что рядом с воробьями сидели зеленые попугаи, что устроились они на пальмах, а пруд с утками был плотно окружен бамбуком.

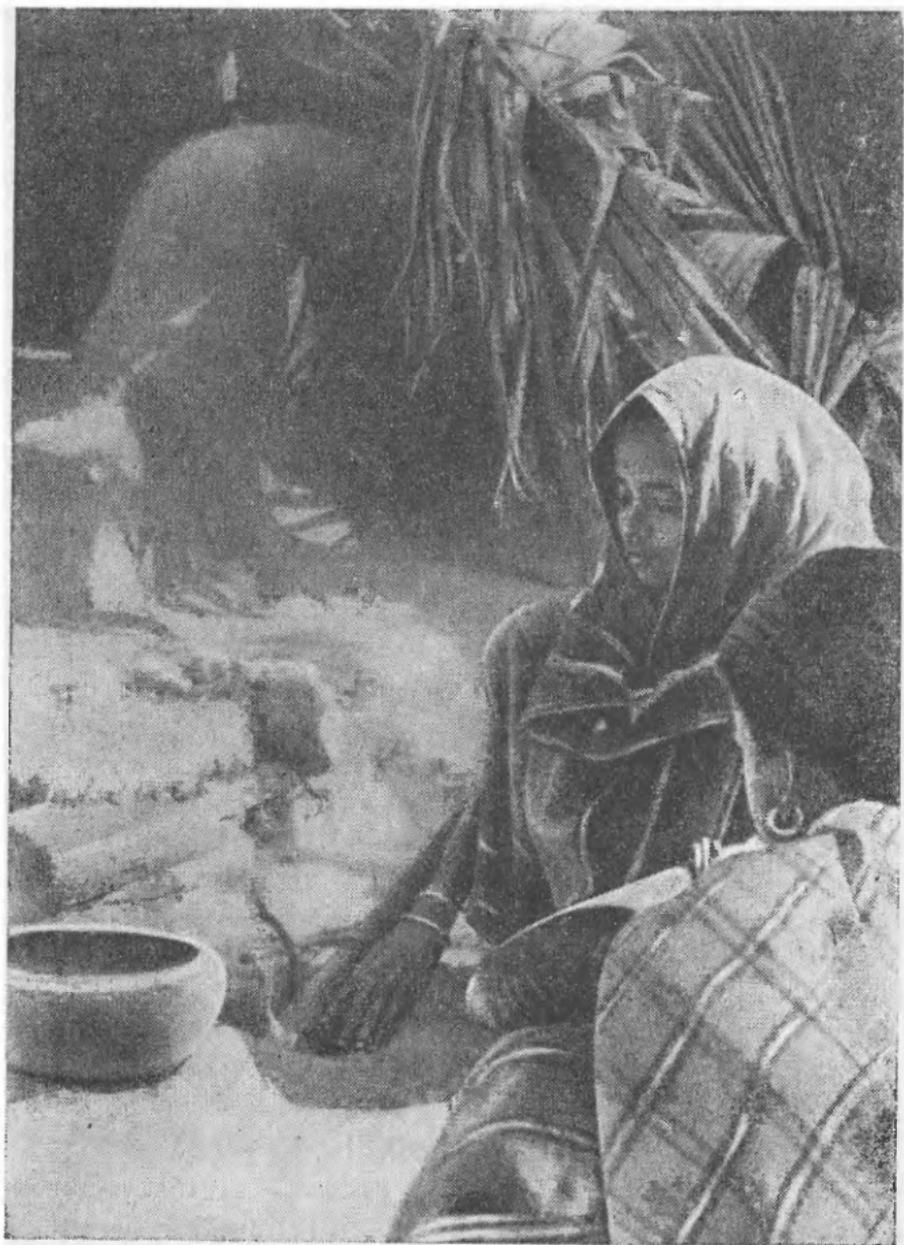
По шуму и смеху у колодца мы поняли, что день начался и для людей, и женщины, как бы влекомые неведомой силой, устремились со всех концов к бето-

нированному колодцу, составляющему предмет гордости жителей деревни.

Знакомство с председателем панчаята послужило для нас авторитетной рекомендацией, и перед нами раскрылись двери дома Гхошей. Владения этой семьи выглядели как маленькая крепость, запрятанная глубоко в лиственном лесу и обнесенная глиняной стеной выше человеческого роста. Так называемый двор внутри ограды представлял собой не что иное, как большую комнату без потолка, полную света и воздуха, но недоступную для любопытных взоров соседей. Двор был покрыт твердой, как камень, утрамбованной глиной (в жилых помещениях под крышей были такие же полы). Небольшой глиняный же холмик с круглыми отверстиями служил очагом. Только в период продолжительных муссонных дождей им нельзя было пользоваться. От огня глина настолько затвердела, что выдерживала тяжелые железные чугуны, в которых двадцатилетняя Дулу Бала Гхош готовила рис мужу на завтрак. Двор заменял кухню, столовую, спальню, а в домике с далеко выступающей крышей из пальмовых листьев укрывались от солнца и дождя и хранили продукты.

Двадцатичетырехлетний Банкши Дхар Гхош считался зажиточным крестьянином — у него было целых 5 акров земли (около 2 гектаров), но хижина Гхоша мало чем отличалась от домов его менее удачливых соседей. Небольшая комната с отверстием, служившим и дверью и окном, пара кувшинов и горшков — вот и все достояние семьи. Мебели и постелей не было. Спали на том же голом полу, где днем ходили и сидели. Кровати — четырехугольные рамы, крест-накрест перетянутые пеньковыми веревками, — встречались мне редко в индийских деревнях, а защитные сетки от москитов, казалось бы столь необходимые в тропиках, составляли привилегию иностранцев, хотя в душные ночи глухой шум крыльев миллионов москитов и их укусы никому не давали покоя.

Когда мы пришли к Гхошам, они собирались завтракать, что могли себе позволить далеко не все крестьянские семьи. Многие из них довольствовались, как поавило, тем, что ели два, а то и один раз в день. Сер-

В сухое время года пищу в деревнях готовят во дворе

вировка у Гхошей была несколько необычной: в Индии принято класть кушанья на чисто вымытый банановый лист, но Дулу Бала насыпала рис в медную чашу, наличие которой несомненно свидетельствовало о благосостоянии семьи. Банкши Дхар удобно устроился на соломенной циновке, опустил руки на скрещенные ноги и с достоинством присгупил к завтраку.

Индийцы не пользуются столовым прибором, и наш хозяин брал рис пальцами, скатывал его в маленькие шарики и погружал в соус из пряностей, составляющий неизменную принадлежность каждой индийской трапезы. В данном случае это была излюбленная пряная приправа из растертого корня куркумы, имбиря, черного перца и паприки, вносящая некоторое разнообразие в повторяющуюся изо дня в день рисовую диету. Из других кушаний в Индии распространены дхарр — фасоль с овощами, молоко и чапатти — хлебные лепешки. Скрашивают стол пряности, сладкие блюда и лакомства, которые индийцы могут разрешить себе лишь по праздничным дням.

Банкши Дхар ел в одиночестве, если не считать пестрой кошки, которая примостилась рядом и довольно мурлыкала, когда ей доставалась пара рисинок. Члены семьи, как того требовал обычай, сидели на почтительном расстоянии от хозяина дома, возле очага в углу двора. Закидывая в рот рисовые шарики, они не дотрагивались пальцами до губ, ибо в Индии считается негигиеничным, чтобы слюна попадала на пальцы, которыми берут пищу из общей миски.

Помимо молодых супругов, семья состояла из матери Банкши Дхара — Анна Пурны и троих ее младших детей.

Хотя Шубадре было всего 10 лет, она заботилась о своей внешности: носила украшения, подчеркивала прелесть своего лица точкой кум-кум на лбу. Красная линия на проборе говорила о том, что Шубадра уже выдана замуж. Два года назад родители ее просватали, и теперь она ждала лишь, пока подрастет, чтобы переехать к мужу. Если он умрет раньше этого времени, жена его, даже оставаясь девственницей, будет считаться вдовой. Больше никогда не выйдет она замуж, а общество станет относиться к ней с презрением. Эта пе-

чальная судьба и поныне составляет удел десятков тысяч юных девушек.

Сразу же после завтрака, когда солнце еще отбрасывало длинные тени, Банкши Дхар Гхош запряг быка и отправился в поле. По дороге двигались его односельчане. Одни из них ехали на громыхающих двухколесных телегах собирать урожай риса, другие — пахать. Были и такие, которые шли на поле пешком, имея при себе лишь короткие серпы. Снопы риса они перетаскивали к себе в дом на спине.

Женщины трудились дома — убирали двор, мыли горшки, пряли хлопок и лен, молотили рисовые снопы. Дети, зажав под мышкой несколько книг и тетрадей, пошли в школу.

До последнего времени в сельской глуши не было школ, да и сейчас очень немногие деревни могут ими похвастать. Но число их увеличивается, а неграмотных, которые сейчас составляют преобладающую часть населения, с каждым днем становится меньше. И в Лал Дахо школа была создана совсем недавно. Она ставит перед собой весьма скромную, по нашим понятиям, задачу — обучить всех детей читать, писать и считать, но в Индии это имеет огромное значение.

Распространение школ неразрывно связано с государственной программой улучшения жизни в деревне — с так называемой программой общинных проектов. Ее цель — преодолеть нужду, бедность и невежество, это тяжелое наследие прошлого. Конечно, наиболее правильным решением вопроса явилась бы земельная реформа, предусматривающая безвозмездную ликвидацию помещичьей собственности и бесплатное наделение землей крестьянской бедноты. Этот путь предлагают коммунисты. Однако правительство оставило помещичье право собственности в неприкосновенности и пытается добиться постепенного повышения жизненного уровня крестьян посредством консультаций и материальной помощи. По замыслу Неру, такому «бесконфликтному перевороту» должна способствовать деревенская община.

Чтобы возродить ее положительные стороны и в соответствии с учением Ганди добиться пробуждения самосознания у крестьян, им предоставляются средства для постройки оросительных сооружений. Осуществле-

ние программы общинных проектов должно увенчаться более высокой производительностью сельского хозяйства и ростом деревенской кустарной промышленности, объединенной в производственные товарищества.

Предложенный Неру план преобразования Индии путем возрождения общины впервые был осуществлен в 1948 г. в Махеме, небольшой деревушке близ Агры. 2 октября 1952 г., в ознаменование 83-й годовщины со дня рождения Ганди, он был распространен на большую территорию. Выбранные для эксперимента районы были разделены на блоки по 100 деревень каждый, подчиненные специальному министерству. Оно направляло крестьянам врачей, учителей и агрономов, давало советы, как повысить урожайность, субсидировало строительство в деревнях.

На что именно употребить субсидии, решали сами крестьяне. В одних деревнях возводили небольшую плотину, чтобы регулировать орошение полей, в других — принимали меры по уничтожению очагов малярии, уносившей ежегодно 700 тысяч жизней, а были и такие селения, где на крутых берегах рек сооружали каменные ступени, чтобы женщинам было удобнее ходить полоскать белье. Но во всех случаях крестьяне пробуждались от летаргии, начинали действовать, жизнь в деревне шла вперед.

Поскольку крестьяне сами выбирали объекты строительства, их было не трудно привлечь к совместному труду, а это и составляло основную цель программы общинных проектов. Власти предоставляли лишь средства для приобретения материалов, которых не было на месте, а работы производились силами населения. Благодаря этому можно было финаксировать большее число деревень, а крестьяне проникались убеждением, что школа или мост принадлежит им всем, является достоянием новой деревенской общины.

При постройке школы в Лал Дахо — небольших бетонированных домиков, где в период дождей проводятся занятия, — государство отпустило 7 тысяч рупий на цемент и школьное оборудование. Остальные расходы община взяла на себя, а строили школу сами крестьяне под руководством представителя администрации программы общинных проектов в данном районе.

Наряду с этой программой существует Национальная служба развития, преследующая по существу те же цели, но располагающая меньшими средствами. Как правило, сначала деревни получали субсидии от администрации общинных проектов, а через три года, по окончании основных строительных работ, переходили в ведение Национальной службы развития.

Общинные проекты бесспорно не лишены положительных сторон. Они пробуждают инициативу крестьян, помогают поднять урожайность и ликвидировать неграмотность, но все это никак не решает аграрную проблему. Вот почему правительственные субсидии в основном идут на пользу не беднякам, как это предполагали авторы проекта, а зажиточным крестьянам, которые по-прежнему владеют землей и пользуются всеми благами от улучшения методов ее обработки. Различие между богатыми и бедными не только не исчезло, но даже стало еще больше.

И все же при всех оговорках программа строительства в сельских районах принесла большую пользу. Уже к концу первой пятилетки 150 тысяч деревень с населением около 90 миллионов человек получили государственную помощь через систему общинных проектов и Национальную службу развития. К концу второй пятилетки в 1961 г. «блоками развития» должны быть охвачены все деревни.

К 1956 г. был освоен и передан безземельным крестьянам миллион акров пустующих земель. Благодаря новым системам орошения 2 миллиона акров засушливых земель получили воду, и урожай на этих полях увеличился в два раза. Это сыграло не последнюю роль в том, что ныне Индия в меньшей степени зависит от ввоза продуктов питания. Отремонтировано или заново построено свыше 100 тысяч колодцев. Миллионам крестьян сделаны прививки против инфекционных заболеваний. Только в 1957 г. 70 тысяч молодых учителей отправились в деревню преподавать во вновь построенных школах. По меткому выражению главы администрации по осуществлению программы общинных проектов Г. К. Дея, они выступили в роли «воспитателей деревни».

И в Лал Дахо благодаря общественным работам создано много примечательного. Но самое большое впечатление производят не новостройки, а люди, самоотверженно и сознательно работающие для того, чтобы жизнь в деревне стала иной. Таков, к примеру, деревенский староста. С неутомимым рвением уговаривал он односельчан поддержать общинный проект, а теперь с гордостью показывает результаты общего труда. Учитель, став полноправным членом общины, принял участие во всех ее начинаниях. Крестьяне, неохотно приступившие к постройке дороги, впоследствии убедились, насколько она облегчила им жизнь. Дети вначале ленились посещать школу, но потом стали заниматься с увлечением, и их неграмотные матери поняли, какую пользу приносит умение читать и писать. А женщины, такие тихие и безразличные, пока речь шла о дорогах и мостах, после того как были построены колодезь и подходы к ручью, употребили все свое влияние, чтобы убедить колеблющихся мужей в пользе общинного проекта.

Школа, ткацкая мастерская, еще не достроенный пункт медицинской помощи расположились по кругу на большой площади, которая, хотя и находится на окраине Лал Дахо, служит центром деревенской жизни. Благодаря маленькой ткацкой мастерской, своего рода ремесленному кооперативу, кустарный промысел в Лал Дахо достиг нового подъема, а у безземельных крестьян появилась немаловажная статья дохода.

Вначале ткачам, продававшим значительную часть продукции, было нелегко сбывать изделия. Непрочные краски быстро линяли, да и расцветки покупателям не нравились. Тогда руководитель блока прислал в Лал Дахо специалиста, и он посвятил ремесленников в тайны разрисовки тканей. Качество материалов улучшилось, спрос на них повысился. Естественно, что в представлении индийского крестьянина термин «общинный проект» ассоциируется с помощью деревне.

Трудовой день в Лал Дахо шел своим чередом. Женщины уже успели отнести обед в поле и по пыльной дороге возвратиться домой. Несколько крестьян продолжали молотить — они колотили снопами риса по наклонной доске до тех пор, пока из них не вывалились

все зерна. У Бану, признанного в деревне лучшим виноделом, кончился послеобеденный отдых, и он возвратился к работе, требующей от него буквально акробатического искусства. С исключительной ловкостью взобрался он на совершенно гладкий ствол пальмы и лишь на самой ее вершине привязал себя к дереву, чтобы освободить руки. Проворно действуя ножом, он сделал на стволе надрезы, а вытекавший из них сок собрал в глиняный кувшин; из этого сока варят напиток тодди, нечто вроде самогона.

Женщины после обеда занялись сушкой коровьего навоза, используемого здесь в качестве топлива. Для этого они большими лепешками нашлепывали его на стены домов. Крестьянин, обычно скупящийся на самое необходимое, сжигает в печах ценное удобрение. Ни в одной стране земледелец не позволит себе этого, но у индийца нет иного выхода. Родина его бедна лесами, а уголь так же недоступен, как и искусственные удобрения. Сладковато-терпкий запах горящего коровьего навоза — убедительное свидетельство бедности индийской деревни.

Лучи солнца падали уже отвесно, но работа на полях не прекращалась. Необходимо убрать созревший урожай, даже если в жару каждое движение становится мукой. Часть крестьян, не разгибаясь, двигалась вдоль рядов риса и короткими серповидными ножами быстро срезала колосья, остальные вязали их в снопы и накладывали горой на крошечные запряженные волами телеги. На убранных полях толкались стада овец, как будто им не было иного места в этих бескрайних просторах, а за ними, подобно хвосту кометы, тянулось облако пыли. Не обошлось и без коров. Они металась по полю в поисках пищи или же стояли на дороге так же неподвижно, как на улицах Дели и Калькутты.

Но вот тени от деревьев стали длиннее, солнце приблизилось к линии горизонта, и поля постепенно опустели. Заткнув ножи за пояс, крестьяне погнали быков в обратный путь. В обнесенных стенами хижинах и на улицах деревни воцарилось оживление. Люди собирались группами на деревенской площади, беседовали, заходили друг к другу в гости.

Когда же солнце скрылось за горизонтом, вся деревня отправилась на покой, так как ни у кого не было даже тусклой копилки. Лал Дахо заснуло, ему виделись сны, навеваемые жужжанием миллионов насекомых и щебетанием птиц, пока наконец с наступлением благословенной ночной прохлады они тоже не смолкли.

Гигант на Хугли

Откуда бы вы ни взглянули на Калькутту — с моря, с воздуха или с земли, она производит одинаково сильное впечатление. После хижин и покосившихся домов, составляющих обычный пейзаж индийских городов, глаз радуют опрятные четырех- и пятиэтажные дома, монументальные дворцы, яркие световые рекламы, широкие улицы, на которых попадаешь в бурный поток автомобилей и ярких трамваев, бесчисленных рикш и пешеходов. Разноплеменное население и приезжие, стекающиеся со всех концов света, придают Калькутте облик пестрого многонационального города.

Калькутта удобно расположена на берегу реки Хугли. В 1931 г. она насчитывала менее полутора миллионов жителей. Сейчас в ней проживает не то от четырех до пяти, не то от шести до семи миллионов человек. Точно никто не знает. Эти цифры так же неустойчивы, как самая жизнь миллионов обитателей города.

После получения Индией независимости облик Калькутты изменился. На ее улицах не видно английских офицеров с хлыстами в руках, которым индийцы должны были безропотно уступать дорогу, уже не только белым разрешается жить в отелях-люкс, опустел дворец, где некогда находилась резиденция английского губернатора, аннулированы бесчисленные привилегии иностранцев, осложнявшие жизнь индийцев и унижавшие их.

Когда-то Калькутту называли «городом дворцов». Она и сейчас, бесспорно, может гордиться прекрасными постройками, огромными парками и роскошными виллами. В центре города возле Дальхаузи-сквэр — царство хромированного модернизма. Здесь находятся бывший

дворец вице-короля, перед которым стоит на часах красочный индийский караул, и памятник победы, напоминающий одновременно и Тадж Махал и английское барокко. На знаменитой улице Чоуринги, с одной стороны окаймленной парком Майдан — индийцы с гордостью зовут его зелеными легкими города, — расположены магазины, почти целиком состоящие из стекла, гигантские кинотеатры на две тысячи мест, аристократические варьете, полутемные ночные бары.

Многие отождествляют эту европеизированную часть Калькутты с современной Индией. Но Чоуринги — это еще не Калькутта, а Калькутта — не Индия. Бхарат продолжает быть аграрной страной, где 83 процента населения составляют крестьяне, а больших городов с числом жителей свыше 200 тысяч — всего лишь 76. Центры с многомиллионным населением — Калькутта, Бомбей, Дели и Мадрас — исключения, и не только по размерам. Они со своим трезвым модернизмом выглядят чужеродными среди других индийских городов.

Сияющие световые рекламы и благополучие сытых, конечно, не могут преградить нищете доступ в Калькутту. Попробуйте пройтись вечером по парку Майдан. На каждом шагу слышится многообещающий шепот посредника: «Хотите девочку?» За этими словами кроется прежде всего судьба десятков тысяч обездоленных женщин. Одни из них не могут прожить на заработную плату в 20—30 рупий, другие потеряли работу и не получают никакого пособия, третьи — вдовы и в силу религиозных обычаев предоставлены самим себе.

Перед магазинами, такими оживленными днем, ночью прямо на голых камнях длинными рядами лежат бездомные. Может быть, это индусы, бежавшие в 1947 г. из Пакистана от кровавых погромов, чтобы спасти свою жизнь? А может быть, крестьяне? Голод и долги выгнали их из деревни, но и здесь они тоже не нашли работы. Сотни и тысячи людей лежат, прикрывшись тряпьем, никто не знает их имен, откуда они пришли, что с ними будет, у каждого из них своя судьба, но одно роднит их всех — нищета.

Среди массы несчастных лихорадочными движениями и угрожающе-настойчивыми требованиями выделяются

нищие, выставляющие напоказ свои раны и уродства. В Индии нищенство стало профессией, и обучаются ей серьезно и упорно. Дети заимствуют приемы попрошайничества у родителей и передают их следующим поколениям. Многие нищие достигают высокого мастерства и умеют пробудить сострадание в любом прохожем. Есть среди них и такие, которые выступают требовательными инструкторами. Они подчиняют себе целые группы нищих и уже сами сбором милостыни не занимаются. Некоторые нищие даже увечат собственных детей, чтобы получать больше подачек.

С первого взгляда может показаться, что нищенство явление стихийное. На самом деле оно централизовано и подчинено четкой организации. «Любители» и чужаки к нищенствованию не допускаются, оно составляет привилегию тех, кто принадлежит к великой семье попрошайек. В Индии она охватывает 6 миллионов человек и имеет, по-видимому, центр в Калькутте. У нищих есть король, во власти которого они находятся до гроба. Он кладет себе в карман большую часть их доходов. Живут нищие по неписаным законам, своего рода профессиональному кодексу, отличающемуся неумолимой жестокостью, и имеют точно очерченные участки, где каждый несет «службу».

В тот день, когда я приехал в Калькутту, бастовавшие рабочие транспорта вышли на улицы, требуя повышения заработной платы. Стоимость жизни за последнее время настолько возросла, что, даже при всей невзыскательности индийцев, рабочие не могли существовать на свою заработную плату. Коммунистическая партия поддержала бастующих, тогда как стоящий у власти Национальный конгресс направил против них полицию. Но все меры полиции бессильны изменить тот факт, что в промышленных центрах Индии рабочие уже организовались, что коммунисты пользуются среди них большим влиянием, чем партия Конгресса, что к голосу рабочих уже нельзя не прислушиваться.

Калькутта расположена на восточном берегу Хугли, обращенном в сторону дельты и сурового Ассама. Медленно текущие желтые воды реки отделяют город от остальной Бенгалии, плодородной долины Ганга и промышленных районов Бихара. Когда-то Хугли была

идеальной водной артерией для маленьких лодок, но, когда им пришлось уступить место современному транспорту, она из удобного средства сообщения с городом превратилась в помеху. Чтобы попасть в Калькутту или выехать из нее, машинам приходится пробивать себе путь по длинному мосту, слишком узкому для оживленного движения. Мост был построен в 1941 г. и в ту пору казался индийцам чудом техники, хотя теперь даже не специалисту видно, сколько стали можно было сэкономить при его постройке. Он по-прежнему служит единственным связующим звеном между Калькуттой и остальной Бенгалией.

Уже на мосту, даже еще не попав в город, начинаешь ощущать биение пульса Калькутты. Город как бы дышит, вбирая в себя и выталкивая обратно поток людей, машин, грузов, ни на минуту не затихающий и движущийся со стремительной быстротой. Мост — всего лишь маленький отрезок улицы, облаченный в сталь, но это вся Калькутта в миниатюре.

Вот рикша, задыхаясь, тянет за собой тележку. Хотя каждый шаг по раскаленному асфальту мучителен, он бежит босиком, потому что не в состоянии приобрести обувь на свой мизерный заработок. Кто знает, сколько ему придется бегать, пока он сможет заплатить хозяину за тележку да себе оставить несколько грошей.

Вот по слегка изогнутому мосту почти бесшумно проносятся лимузины крупных дельцов. Господа спешат. После деловых встреч их ждут на приеме или в клубе. В автомобилях большей частью англичане, они, как и в былые времена, занимаются здесь делами. Правда, после провозглашения независимости английские государственные служащие выехали из страны, но финансовые магнаты не скоро вычеркнут Индию из реестров. Напротив, рассчитывая поживиться на индустриализации Бхарата, они заключают контракты, договоры, на их долю приходится свыше 30 процентов внешней торговли Индии.

Рядом с элегантными машинами, мягко скользкими на резиновых шинах, громыкает трамвай. На нем больше пассажиров висит снаружи, чем сидит внутри. Это прохладнее и ничего не стоит. Телеги, запряженные неторопливыми быками, не производят такого шу-

ма, как облепленный людьми трамвай, но еще больше мешают транспорту.

В толпе пешеходов преобладают крестьяне из соседних деревень с корзинами фруктов, которые они несут на голове. На расстоянии груз кажется невесомым, и лишь поблизости начинаешь замечать, каких усилий требует его переноска. Сколько пришлось пройти этим людям! Может быть, в городе им удастся заработать пару рупий. А может быть, придется отдать фрукты за бесценок, лишь бы они не испортились.

Среди индийцев встречаются неизменно приветливые китайцы. В других индийских городах их почти нет, а здесь, в Калькутте, они занимают целые кварталы. Китайцы — искусные ремесленники и благодаря своему мастерству пользуются уважением хозяев страны. За ними, например, закрепилась репутация лучших в стране сапожников, и если хотят похвалить обувь, говорят, что она сделана китайцами.

Бросаются в глаза индийские женщины в европейской одежде. Этого не увидишь нигде, даже в Бомбее. Цвет их кожи — светло-коричневый, а то и белый с розоватым оттенком. Это англо-индианки, большей частью дети от смешанных браков между английскими чиновниками и индианками. Во времена английского владычества эти женщины пользовались рядом преимуществ и относились свысока к индийцам, чувствуя себя не угнетаемыми, а господами и, может быть, втайне мечтая о том, чтобы когда-нибудь переселиться в Англию. Сейчас их привилегии уничтожены.

Об этом и о многом другом рассказывает мост внимательному наблюдателю. По нему проходят долговязые матросы; за два-три дня пребывания в Калькутте они вряд ли хоть час бывают трезвыми и по вечерам кутят в сомнительных кабаках, охотно ввязываясь в драки. Бредут изголодавшиеся кули, которые за целый год зарабатывают не больше, чем за несколько дней пропивают моряки. Тянутся процессии сектантов, оглушающие прохожих песнями-заклинаниями и ударами в медные тарелки. Среди пешеходов сразу можно узнать адвокатов по деловитой походке, темной одежде, очкам и черным зонтикам, которые несут над их головами слуги.

В южной части Калькутты, где вместо палм возвышаются краны и протянулись склады и гаражи, где кули даже ночью таскают на головах грузы и языки всех народов сливаются в неразборчивый гул, находится гавань. Город удален от моря на 80 километров, но благодаря системе шлюзов, при помощи которых уровень воды в мелкой гавани повышается на метр, в ее порт могут заходить даже большие океанские пароходы водоизмещением в 16 тысяч тонн.

Глядя на толчею в калькуттском порту, трудно догадаться, что перед этим городом стоят многочисленные проблемы, что ему приходится вести непрестанную борьбу за существование. С раннего утра и до поздней ночи здесь скрипят краны, воют сирены, пыhtят крохотные буксиры, с яростью маленьких шавок вливающиеся в огромные океанские пароходы, чтобы вытащить их из гавани. Тысячи безмолвных кули терпеливо грузят углем судно водоизмещением в 8 тысяч тонн. Все эти 8 тысяч тонн они по качающимся мосткам перетаскивают с мола в трюм на головах.

И все же порт уже не тот, каким был прежде. Он частично утратил свое значение, после того как многие важные экономические районы отошли к Пакистану. Прежде Калькутта обслуживала всю Северную Индию, теперь же стала перегрузочным пунктом только для западных областей, тогда как Пакистан весь поток грузов направляет через незначительный раньше городок Читтагонг.

Тем не менее по объему грузов Калькутта может конкурировать с крупнейшими портами мира. В 1955 г. через Калькутту прошло свыше 1300 кораблей из 31 страны с грузом более 8 миллионов тонн. Иными словами, ежедневно в доках принимали или отправляли, грузили или разгружали от трех до четырех больших океанских пароходов. По товарообороту Калькутта превосходит два других важнейших порта Индии — Бомбей и Мадрас, вместе взятые. В Бомбей поступают промышленные товары из Европы, а через Калькутту идет за границу поток массовых грузов и сырья — угля, руды, джута. Уголь и руда поступают из Бихара, угольного центра Асансола и Джамшедпурского железорудного бассейна, а изделия из джута поставляются с

многочисленных джутовых фабрик, расположенных вверх и вниз по течению Хугли. Их обычно привозят в порт на маленьких парусных или гребных джонках.

Когда-то Индии принадлежала монополия в производстве джута: она давала 90 процентов всей мировой продукции. Не трудно представить себе, какие тяжелые последствия для джутовой промышленности имел раздел страны на два самостоятельных государства: районы произрастания джута отошли к Пакистану, а обрабатывающие предприятия остались в Индии. В то время как в Пакистане скапливался джут, на прядильных и ткацких фабриках вокруг Калькутты из-за недостатка сырья простаивали станки. Десятки тысяч рабочих были обречены на бездействие и голод. Армия безработных росла, беспорядки и демонстрации стали обычным явлением. Все попытки нормализовать торговлю Индии с Пакистаном разбивались о религиозные и прежде всего политические противоречия между этими государствами, приведшие в конечном итоге к кашмирской войне. Тогда были приняты меры, казавшиеся вначале бессмысленными: Пакистан создал обрабатывающую промышленность, а Индия расширила джутовые плантации за счет и без того небольших рисовых полей.

Стоило мне упомянуть об этих проблемах в разговоре с директором фабрики в пригороде Калькутты — в Батч-Батче, как его лоб прорезали морщины.

— Семьдесят пять процентов джута, — сказал он, — поступало из областей, отошедших к Пакистану. За одну ночь мы оказались отрезанными от нашей базы и были вынуждены все больше сокращать производство. Сырье, добываемое окольными путями, не могло изменить положения, так как обходилось настолько дорого, что мы не выдерживали конкуренции.

В настоящее время в Батч-Батче вновь возвращаются веретена и станки ткют серую мешковину. Большая часть сырья поступает из самой Индии, и только 20 процентов джута для такой высококачественной продукции, как ковры, ввозится из Пакистана.

— Продать наши изделия на мировом рынке далеко не так просто, как прежде, — заключил свои рассуждения директор фабрики в Батч-Батче. — Ведь мы уже

не единственная страна, занимающаяся переработкой джута. Пакистан выступает в качестве нашего конкурента, тем более опасного, что на его полях произрастают лучшие сорта джута, из которых, естественно, вырабатывается более качественная продукция.

Обоим вновь образованным государствам раздел Индии нанес ущерб, вряд ли поддающийся выражению в денежных знаках. Пакистан стал аграрной страной, лишенной обрабатывающей промышленности, Индия — страной прядильных и ткацких фабрик, не имеющей сырьевой базы. Треть хлопковых полей, например, оказалась на территории Пакистана, а прядильные фабрики в большинстве своем остались в Индии. Толпы беженцев — индусов из Пакистана и мусульман из Индии, — составляющие целую армию в 10 миллионов человек, тяжким бременем ложатся на хозяйство. Им нужно создать условия для существования; предоставить работу и еду, а ведь трудно накормить даже коренное население.

Раздел страны, при помощи которого англичане пытались усилить свое влияние в Индии, не только привел к серьезным политическим разногласиям, но и вызвал войну, раздробил сложившиеся экономические районы и принес людям невыразимые страдания.

В глубь столетий

Поездка на Юг Индии, хотя и продолжалась всего несколько дней, все больше и больше вводила нас в далекое прошлое. Казалось, что мы попали в царство спящей красавицы, где время остановилось еще несколько столетий назад. Все кругом говорило о былом величии края, и только очень внимательный глаз мог различить зародыши нового. Юг настолько отличался от всего виденного нами в Индии прежде, что мы невольно задавали себе вопрос: та ли эта страна, с которой мы уже познакомились на Севере?

Бесспорно, объединение и политическая независимость страны будут способствовать тому, что различия между Севером и Югом сгладятся, тем более что совре-

менные средства сообщения сокращают расстояния, сближают людей и способствуют их взаимопониманию, но пока эти различия настолько велики, что не ускользают даже от беглого взгляда.

Они дают себя чувствовать уже при попытке объяснить. На Юге говорят на дравидийских языках — тамильском, малаялам, каннада и телугу. С другими языками Индии они не имеют таких родственных связей, как, например, немецкий с французским или английским, а принадлежат к другой группе языков с совершенно иными корнями и иной письменностью.

Ландшафт на Юге тоже иной. Вместо мощных горных массивов типа Гималаев для его рельефа характерны всхолмленность плоскогорья Декана, обширные побережья с многочисленными рыбацкими поселками и невысокие прибрежные горы — Западные и Восточные Гаты. Юг отличается от Севера более ровным и мягким климатом. Здесь круглые сутки тепло даже в зимнее время, когда в Дели по ночам бывает прохладно.

На Юге путешественникам приходится отказаться от многих удобств. Дороги чем дальше на юг, тем уже и на протяжении километров не имеют асфальтового покрытия, переправа через реки осуществляется при помощи древних паромов. Промышленность существует лишь в немногих центрах, главным образом в штате Майсур, а ведущееся дедовскими способами примитивное хозяйство распространено гораздо шире, чем в долине Ганга. Деревни, особенно на плоскогорье Декан, беднее, чем на Севере; строения, имеющие круглую форму, сложены из пальмовых циновок и крыты листьями. Эти хижины напоминают разборные кибитки кочевников.

Наиболее ярко различие между Севером и Югом выступает в древней архитектуре, в песнях и танцах. Культура этих двух неотъемлемых, но разительно отличающихся друг от друга частей Индии сложилась в различных условиях некогда географически разобщенных очагов цивилизации: на Севере укоренилась арабо-персидская культура Моголов, занесенная в страну завоевателями-мусульманами, на Юге — имеющая многовековые корни культура индусов.

Персидско-индийское искусство Севера, нашедшее

выражение в величественных дворцах и гробницах, привлекает своеобразной красотой и строгостью форм. Повинуясь корану, мусульмане избегали изображать людей и другие живые существа. В художественном оформлении большую роль играли орнаменты из цветов. Выполненные с большим вкусом и сдержанностью, отличающей подлинное искусство, они органически вплетались в общую композицию сооружения.

Сады и парки, как и природа вообще, не вписаны в индусскую архитектуру монументальных храмов, не составляют неотъемлемого компонента ансамбля. Индусские строители главную роль отводили камню, самому зданию, а все, что его окружало, оставляли без внимания. Очень редко в этих творениях достигается законченность ансамбля, гармония, присущая мусульманским мечетям и гробницам. Но зато детали великолепны. Каждая плита украшена искусно выполненными изображениями людей и животных, даже на самом верху построек, где они едва различимы для человеческого глаза. Эти барельефы из песчаника возрождают давно забытые легенды и похождения героев эпоса «Рамаяна».

С первой из таких построек мы познакомились еще в Восточной Индии, в штате Орисса. Не будь вблизи от Пури храма Конарак, посвященного богу солнца, с его великолепной каменной скульптурой, это небольшое местечко сейчас пребывало бы в неизвестности. Так оно и было на протяжении многих веков, пока интересующиеся седой древностью археологи не возродили его к новой жизни, реставрировав и превратив в место паломничества любителей искусства. В наши дни при разработке туристских маршрутов — в Берлине, Москве или Сан-Франциско — непременно отмечают на карте далекое Пури, где пришлось построить вокзал и аэродром.

Конарак возвращает нас к царствованию легендарного короля Навасимбаведа. В XIII в. он повелел зодчим воздвигнуть культовый храм. Свыше 1200 ремесленников, архитекторов, грузчиков и каменотесов неустанно трудились на протяжении 12 лет. Их руками создано настолько величественное сооружение, что оно еще и сейчас вызывает у нас восторг.

Главный храм построен в виде гигантской колесницы бога солнца, запряженной 7 лошадьми — по числу дней недели. Колесница покоится на 12 огромных, выше человеческого роста, каменных колесах, символизирующих месяцы года и движение жизни на земле. Но самое яркое впечатление оставляют бесчисленные скульптурные изображения. Они выполнены с большой тщательностью, с тонким художественным вкусом и, подобно драгоценному одеянию, покрывают весь храм. В украшающих его узорах причудливо переплетаются маленькие и большие фигуры людей и животных, проникнутые одной идеей, подчиненные одной теме — теме жизни, зачатия и возрождения.

Это гимн не просто солнцу, а его жизнеутверждающему восходу. Кажется, будто мастера, воспевшие в камне только цветущую жизнь, в пылу вдохновения или забыли обо всем преходящем — о заботах, страданиях, смерти — или сочли его недостойным художественного воплощения. Творения безымянных индийских художников отличаются исключительным многообразием форм. Каждая скульптура представляет собой законченное произведение искусства, выражающее не абстрактную комбинацию мыслей, а чувства и идеи, заимствованные у самой жизни.

На укрытом в нише троне восседает бог солнца. Любопытно, что скульптуры, окружающие владыку, словно не замечают его, словно существуют сами по себе; он кажется чуть ли не лишним среди них, и все же он бог, которому подчинено все. От статуй, извлеченных из частично уже раскрошившегося песчаника, он отличается только тем, что высечен из полированного мрамора зеленоватого оттенка. Но и для него время не прошло бесследно: простертые вдаль руки отбиты. Не символ ли это того, что божество утратило над людьми власть, питаемую легковерием и невежеством?

Предоставим искусствоведам решить давний спор: следует ли рассматривать храм Конарак как воплощение идеи созидания. Бесспорно лишь, что вне зависимости от значения этой одухотворенной скульптуры храм солнца на берегу Бенгальского залива является одним из самых выдающихся памятников мирового зодчества и строительного искусства.

В нем вырисовывается образ древнего Бхарата, еще не подвергнувшегося влиянию других культурных течений и проникнутого тем духом свободолюбия, который с веками был предан почти полному забвению и только сейчас возрождается в новой Индии.

Встречи на дорогах

Поездка на Юг, богатая яркими впечатлениями, проходила в непрестанной борьбе с изнурительной жарой и пылью. Ко всем трудностям путешествия прибавился еще и «языковой барьер», преодолеть который не всегда удавалось. Дорога, по которой мы двигались, становилась все уже и ухабистее, пока не превратилась в пыльную взрыхленную проселочную колею, почему-то именуемую магистралью. Ничего не поделаешь — приходилось верить карте автомобильных дорог, где шоссе Калькутта — Мадрас отмечено толстой красной чертой, означающей магистраль первого класса. Нам не оставалось ничего иного, как приноровиться к скорости движения быков и невозмутимому спокойствию возниц, равно пренебрегавших и временем, и правилами движения. Расстояние в 1500 километров мы рассчитывали покрыть за три дня, но путь занял добрых три недели.

За нами следом тянулось серое облако пыли, которая окутывала все плотной пеленой и словно приклеивалась к деревьям, полям и домам. Отделаться от этого неприятного попутчика было так же невозможно, как от собственной тени. Пыль заставляла путников ниже надвигать тюрбаны, плотнее заворачиваться в сари. Очень скоро автомобиль и мы сами стали одного цвета с шоссе. Вначале мы пытались как-то защищаться, но затем примирились с тем, что на зубах непрестанно скрипело, а в горле першило. Апельсины и теплый лимонад приносили облегчение ровно на одно мгновение. Короче говоря, эту поездку никак нельзя отнести к разряду увеселительных прогулок, но она была гораздо интереснее, чем продолжающийся три или четыре часа перелет на самолете, которому отдают пред-

почтение вечно торопящиеся дельцы да, пожалуй, и туристы тоже.

Вид у нас был не менее неприглядный и жалкий, чем у покрытой пылью растительности. Как далека она от наших представлений о чудесных садах тропиков! Даже отыскать чистое место, где можно было бы расположиться для отдыха и еды, оказалось не так просто, и нам пришлось обедать, стоя на краю дороги.

Постепенно я начал сомневаться, есть ли в этой огромной стране укромный уголок, где не было бы коров! Животные эти большей частью были худы, как скелеты, неизменно голодны и пожирали все, что попадалось им на глаза, — траву, солому, бумагу и тряпки. Большинство из них были так истощены, что ни работать, ни давать молока не могли. Индия, насчитывающая около 200 миллионов коров, по поголовью крупного рогатого скота занимает одно из первых мест в мире, а по потреблению молока — одно из последних.

Обычай почитания коров так же древен, как сам индуизм, и ведет свое начало с тех времен, когда жители долины Ганга занимались скотоводством и их благосостояние определялось размерами стад. Жизнь людей в ту пору и их благополучие настолько тесно зависели от коров, что этим животным стали приписывать сверхъестественную силу, а невежественные народности начали почитать ничего не подозревавших четвероногих, как божественных существ. За кражу или убийство животного налагалось тяжкое наказание, и в древних ведах сказано: «Всякий, кто убьет корову или съест ее, будет тлеть в аду столько лет, сколько волос было у нее».

В маленькой деревушке недалеко от Гопалпура наперерез нашей машине неожиданно бросилась корова и жестоко за это поплатилась. Пострадала и передняя часть машины, но это нас обеспокоило меньше всего. Ведь мы сшибли священную корову, а это в глазах многих индусов — страшное преступление. Что же скажут свидетели происшествия?

Первым отозвался шофер — долговязый сикх, которого табу на коров не касалось. Он только процедил сквозь зубы:

— Глупая скотина.

Кульдип — наш верный спутник — индус, решив избежать объяснений, немного огорченно, но решительно произнес:

— Поехали дальше.

Толпившиеся вокруг крестьяне смотрели на нас широко раскрытыми глазами, будто раздумывая, как поступить, но не двигались с места.

Даже сейчас, когда в различных областях жизни власть древних обычаев и запретов ослабла, ничто так не оскорбляет индусов, как убой коров и употребление говядины в пищу. Ортодоксальные индуистские партии «Хинду Махасабха» (Великий союз индусов) и «Джан Сангх» (Народный союз) во время последних выборов центральным пунктом своей программы провозгласили защиту коров как священных животных. Может быть, спекуляция на отсталых и бессмысленных обычаях и дала им лишний голос того или иного правоверного брахмана, но вызвала протест всех прогрессивно мыслящих индийцев, а Неру на предвыборном собрании заявил: «Мне бы хотелось, наконец, знать, какое отношение к политике могут иметь церемонии вокруг коров. Коровы важны для сельского хозяйства, и в других странах, где их не считают священными животными, они более упитанны, чем в Индии. Это должно нас чему-нибудь научить».

Если дороги, по которым мы ехали, были плохие, но все же проходимые, то переправы через реки и вовсе никуда не годились. К счастью, широкий Ганг уже остался позади, а встречавшиеся небольшие речушки мы могли беспрепятственно пересекать в мелких местах на машине.

В тропическом штате Андхра подход к ручью был прегражден толстым шлагбаумом, а перед ним стоял человек, одетый не то в форму чиновника, не то в старый военный мундир. Это был государственный чиновник. Получив требуемую рупию за проезд по мосту, он, дабы не было сомнений в законности операции, с важным видом выдал квитанцию от имени высших финансовых органов.

Вид моста внушал самые серьезные опасения. У обоих берегов реки друг против друга возвышались насыпные земляные валы. Над оставшимся между ними про-

межутком шириной с метр был перекинут настил из бамбука, угрожающе прогибавшийся под малейшей тяжестью. Не менее рискованной была переправа по качающемуся бамбуку на следующем «мосту», облагаемая таким же высоким налогом. К счастью для нас, только в штате Андхра бедственное состояние финансов заставило власти применить подобные методы взимания налогов и древнюю технику мостостроения. Как только машина вышла за его пределы, мы вновь получили возможность выбирать способ переправы по собственному усмотрению.

Однажды вечером мы подъехали к реке, где не было ни моста — современного или первобытного — ни брода. Оставалось надеяться только на помощь из ближней деревни. Ее жители связали с десяток лодок, сверху устлали их досками, и на таком импровизированном пароме мы начали перебираться на противоположный берег.

Уже стемнело, и только от факела из пальмовых листьев исходил неровный мерцающий свет. Лишь легкие всплески воды да тихие замечания и покашливания шаромщиков нарушали тишину. Плавающее сооружение медленно и беззвучно приблизилось к другому берегу, и нам показалось, что все трудности остались позади. Но не тут-то было. Если въехать на дощатый настил было нелегко, то съехать с него оказалось просто невозможным. Едва передние колеса коснулись земли, как лодку течением отбросило от берега и задняя часть машины соскользнула в воду. Мы совсем потеряли голову, но и тут на помощь нам пришли индийцы.

По сигналу барабана появились толпы крестьян с бамбуковыми жердями и стволами молодых пальм и принялись орудовать ими так ловко, словно местным жителям чуть не каждый день приходилось вытаскивать автомобили из реки. Мы были настроены по-прежнему скептически. Тяжеленной машине противостояли такие несовершенные орудия, как тонкие жерди и не менее тонкие руки. Но рук было много, а люди искренне хотели нам помочь. Возгласы, которыми они подбадривали друг друга, слились в сплошной рев, чем сильнее становился шум, тем выше поднимался автомобиль, пока наконец его на жердях не вынесли на берег.

На улицах южных городов нередко фрукты
продают женщины

Река осталась позади, и мы начали обсуждать дальнейший маршрут, хотя это было бесполезно. Единственная имевшаяся у нас карта автомобильных дорог, которую мы получили от индийского автоклуба, была не больше карты Индии в школьном атласе и не только не помогала, а даже сбивала с толку, так как красная сплошная линия на ней могла с равным успехом означать и широкое асфальтированное шоссе, и ухабистую песчаную дорогу без мостов. Нашу задачу несколько облегчали сведения, впрочем не всегда достоверные, получаемые от местных жителей или хозяев гостиниц, но и они обычно знали дорогу только до следующей гостиницы. Полагаться на указания возниц было невозможно. На вопрос, далеко ли еще до Мадраса, они, словно сговорившись, неизменно отвечали:

— Не беспокойтесь, еще много-много миль.

У возниц свои понятия о времени и своя жизненная философия, а их нормы поведения на дорогах не имеют ничего общего с какими бы то ни было правилами уличного движения. Они разъезжают вдоль и поперек улиц, переезжая с правой стороны на левую, а с левой обратно на правую в зависимости от того, что им удобнее. Нам попадались и такие телеги, которые, бывало, едут посередине шоссе, мешая проезду и справа и слева, и никакими сигналами и криками их нельзя заставить свернуть в сторону. Если мы в таких случаях останавливались и пытались объяснить с возницей, то выяснялось, что он или преспокойно спит, разлегшись в телеге, или, думая о чем-то своем, смотрит на нас словно невидящими глазами.

На проселочных дорогах Индии все еще безраздельно господствует арба. Сколотить такую телегу на высоких колесах проще простого, стоит она недорого, а по проходимости превосходит любой другой вид транспорта. Для ее колес, величиной в рост человека, не существует непреодолимых препятствий. Им не страшны зыбкие пески и глубокие ямы, они перескакивают через камни и взбираются на отвесные склоны. Даже если телега опрокинется — тоже невелика беда. Это примитивное сооружение не очень-то подвержено поломкам, стоит его поднять, и оно снова продолжает свой путь.

Крестьяне ездят большей частью в одиночку, грузовые же повозки движутся целыми обозами. По несколько дней трясутся на них возницы, днем все вместе варят и едят рис, а по вечерам сдвигают повозки так, чтобы получились общие нары. Возницы неприхотливы, как все простые индийцы. Дхоти и дырявая рубаха составляют всю их одежду, а мешок с рисом и горшок — весь багаж.

Но вот как средство перевозки пассажиров двухколесная тонга уже начинает отмирать. Раньше она царствовала безраздельно на проселках и железная дорога не могла ей помешать. Слишком уж далеко от деревень находятся железнодорожные станции, да и сама техника движения поездов по точному графику скорее вызывает страх у сельских жителей, чем уважение. Иное дело автобус... Он доходит до самых глухих мест, подчиняется не какому-то расписанию, а воле шофера, и останавливается по знаку там, где это требуется. За соответствующие чаевые автобус, даже переполненный до отказа, может сколько угодно простоять в ожидании, пока подойдут все желающие ехать.

К пассажирам автобуса подход сугубо индивидуальный — и это по душе индийцам: все зависит от момента, обстановки и водителя. Даже плата за проезд и та далеко не одинакова. Водитель и пассажиры торгуются, как на базаре: один запрашивает цену, другой старается ее сбить — с той лишь разницей, что по сравнению с торговцем водитель находится в выигрышном положении: если условия ему не подходят, он просто оставляет пассажиров стоять на дороге в ожидании следующего автобуса, который может прийти только много часов спустя.

Для открытия автобусной линии наличие шоссе — вовсе не обязательное условие. Индийский автобус — вездеход в буквальном смысле этого слова: он мчится по ухабистым проселочным дорогам, по пескам и вспаханым полям, как бы подсказывая властям места, по которым следовало бы проложить шоссе. При этом он развивает предельную скорость, не страшась ни откосов, ни круч. Водитель будто не замечает, что машина трещит по всем швам, а из радиатора столбом валит пар. Оконные стекла все равно сохранились только в

его кабине, а боковые окна затянуты ржавыми железными решетками. Если попадают машины, двери которых еще закрываются и где действует освещение, то это чистая случайность. Автобусы, не подчиняющиеся расписанию и правилам движения, быстро покорили сердца индийцев.

Благоустроенная гостиница такая же редкость в этих краях, как все, что связано в нашем представлении с европейским образом жизни и современными удобствами. В дак бунгало обслуживающий персонал представлен одним администратором, а обстановка в номерах ограничивается деревянными кроватями. Но все это с лихвой компенсируется чистотой, сразу вызывающей у путника желание поселиться в одном из домиков дак бунгало.

Чтобы совершить путешествие по югу страны с удобствами, следует запастись предварительно не только продовольствием, но и полным экспедиционным снаряжением, в том числе постельными принадлежностями и сеткой от москитов, так как подобных «мелочей» здесь и в помине нет. К тому же уважение к путнику определяется объемом и внешним видом его багажа, и человек, хоть сколько-нибудь дорожащий общественным мнением, даже в теплое время года не отправится в дорогу без громоздкого тюка, благодаря которому он причисляется к категории «высокосостоятельных путешественников» и пользуется в дак бунгало обслуживанием по классу люкс.

По этой же причине, вероятно, индийцы путешествуют в сопровождении слуг. Последние не столько помощники, сколько своего рода визитные карточки и плод честолюбия буржуа или даже рядового чиновника, отнюдь не обладающего достатком. Правда, нищенский заработок слуги составляет 30—35 рупий в месяц, но все же непонятно, как чиновник с окладом в 150—200 рупий, обремененный большой семьей, может содержать еще и слугу. И тем не менее чудо это совершается во имя того, чтобы иметь возможность «людей повидать и себя показать». Подражание дурным повадкам английских колонизаторов по сей день довольно широко распространено в буржуазных кругах Индии.

В лабиринте языков

Индия предстает перед путешественником в нескончаемой смене красок и форм, так что поездка по Бхарату, исключительно богатая впечатлениями, никогда не может наскучить. Это многообразие, столь благодотворное в искусстве и природе, проявляясь в языке, становится настоящим бичом, а подчас и трудно преодолимым препятствием.

Члены экипажа нашей машины владели в совокупности девятью языками, в том числе пятью индийскими, и несколькими диалектами, но на Юге Индии они мало чем могли нам помочь. Хозяин гостиницы, где мы остановились, еще кое-как объяснялся по-английски, но уже слуга говорил только на тамильском, и растолковать ему, что мы хотим на ужин, было совершенно невозможно. Я с удивлением наблюдал, как индийцы, одинаково жилистые и темнокожие, имеющие при всех различиях так много общего между собой, что их безошибочно можно объединить под этим наименованием, вели переговоры, точно глухонемые, стараясь жестами выразить то, что не могли объяснить словами. Между их языками настолько большая разница, что они друг друга не понимают.

Не сейчас возникло это лингвистическое многообразие. Сосуществование различных языков и диалектов имеет многовековую историю и обусловлено своеобразным политическим и культурным развитием Индии. В свое время оно соответствовало условиям жизни и не было тормозом для экономики и культуры. Но в наши дни, когда разноязычные области входят в состав единого государства, а современные средства сообщения сблизили их, сократив расстояния, когда необходимо, чтобы все индийцы понимали друг друга, лингвистическое разнообразие представляет собой проблему, требующую наибо́льшего разрешения.

Путешественник, желающий познакомиться со страной и людьми, очень остро ощущает языковые затруднения. На денежных знаках стоит восемь различных надписей, названия станций и местностей пишутся на нескольких языках, а торговая реклама, естественно,

стремится к тому, чтобы ее объяснения были всем понятны. Ведущие газеты, претендующие на роль общенациональных органов печати — «Таймс оф Индия» и многие другие, — выходят на английском языке. Они пользуются широким распространением и имеют наибольшее число читателей, но можно ли считать употребление английского языка выходом из положения?

Не в лучшем положении и издательства, вынужденные печатать книги на одном языке небольшими тиражами, что повышает их стоимость.

Чтобы кинофильмы могли демонстрироваться на экранах всей страны, приходится выпускать их сразу на нескольких языках — ведь титрованные картины не могут привлечь зрителей, в большинстве своем не умеющих читать. Нередко фильм снимается в двух вариантах с разными исполнителями главных ролей, так как индийцам Севера не нравится, когда в роли героев выступают низкорослые темнокожие южане дравидийского типа, а южане в свою очередь не приемлют светлокожих северян.

И все же, хотя в Индии много языков и еще больше диалектов, языковая путаница не так велика, как это часто изображают. По данным английской статистики за 1922 г., в стране насчитывается 222 языка, но при ближайшем рассмотрении нелепость этой цифры становится очевидной. Тайронгом, например, владеют только 12 человек. На кабу могут изъясняться в лучшем случае две бездетные семьи, то есть четыре человека, а нора давно перестал быть языком и сохранился лишь как средство общения между двумя людьми.

Но кто совершенно уникален, так это человек, который говорит на андро. Он обречен вести беседы с самим собой, и остается предположить, что он либо последний отпрыск небольшого племени, говорившего на этом диалекте, либо сам его придумал. Вздумай этот уникум жениться, ему придется начать супружескую жизнь с преподавания жене андро или же отказаться от этого единственного в своем роде, ставшего музейной редкостью, языка, и тогда английской королевской статистике придется изменить данные о числе языков в Индии с 222 на 221; в противном случае человек, говорящий на андро, будет вынужден какую-то часть

дня упражняться в произнесении монологов, чтобы язык, на котором изъясняется один индеец, не стал языком, на котором он только мыслит.

Если отвлечься от анекдотов английской королевской статистики, лингвистическое многообразие Индии сводится в конечном итоге к 13 основным языкам, которые можно разделить на две группы. Первая из них охватывает индоевропейские языки, распространенные на севере Индии и ведущие начало от древних форм, занесенных в страну ариями. Словарный запас и грамматический строй указывают на родственные связи этих языков с европейскими. К ним относятся хинди, урду, гуджарати, бенгали, маратхи, панджаби, орья, ассамский и кашмири. На Юге Индии распространены дравидийские языки. Они происходят от диалектов, на которых говорило население древней Индии, и не имеют почти ничего общего с североиндийскими языками; это телугу, тамильский, каннада и малаялам.

Вычурный рисунок письма индийских языков напоминает иероглифику. Но сходство это чисто внешнее. Индийские языки, подобно немецкому, английскому или русскому, имеют буквенный алфавит с гласными и согласными звуками, которые пишутся слева направо. Исключение составляет лишь урду. Он использует арабский алфавит, имеющий написание справа налево.

Несмотря на известное родство отдельных языков, у каждого из них своя письменность. Чтобы написать письмо в соседнюю провинцию, недостаточно владеть разговорным языком ее жителей, надо еще изучить его сложный алфавит. Только для переписки внутри страны крупная торговая фирма должна иметь 14 пишущих машинок с различными алфавитами, а положение типографий еще сложнее.

Где же выход? В качестве временной меры английский язык, получивший в колониальный период большое распространение, по сей день принят в Индии как официальный. Он помогает преодолеть языковые барьеры между отдельными областями, так как им владеют все, кто когда-нибудь учился в школе, подвизался в торговле или был связан с иностранным туризмом.

Тем не менее английский язык не может стать национальным. Ведь он не имеет никакого отношения к

древнеиндийской культуре и был насильно навязан английскими угнетателями. Протiwоестественно, чтобы пережиток колониального строя служил основой взаимопонимания в новой, свободной Индии. Да и, кроме того, английский язык вовсе не так распространен, как кажется на первый взгляд путешественнику. Правда, в городах, и прежде всего среди интеллигенции, говорят по-английски, но ведь Индия все еще остается страной крестьян, а они понимают только родной язык. Английским же владеют не более 3 процентов населения — слишком мало для того, чтобы он мог стать обиходным.

Будучи современным государством, Индия при всем уважении к национальным особенностям не может обойтись без такого связующего звена, как единый язык, который сближал бы людей. Она нуждается в языке, одинаково понятном погонщику караванов в пустыне Тар и рыбаку на Малабарском побережье, в едином алфавите, чтобы печатать газеты и книги для всего населения.

Без общего языка немислимо укрепление государственного единства, культурное и экономическое развитие страны. Поэтому индийское правительство объявило государственным языком хинди. Уже сейчас его понимают 150 миллионов индийцев Севера, а своими корнями он уходит к древнему литературному языку — санскригу. Следовательно, и практические, и культурно-исторические предпосылки свидетельствуют о том, что хинди может стать общенациональным языком новой, свободной Индии.

Город на желтом побережье

Мадрас заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную главу. Это — научный, деловой и торговый центр Юга, насчитывающий полтора миллиона жителей, в основном темнокожих и низкорослых потомков древнего дравидийского населения, говорящих на тамильском языке. Современный порт Мадраса не уступает по значению калькуттскому и бомбейскому, а вы-

дающиеся творения многочисленных художников со-
здали ему славу индийских Афин.

История возникновения Мадраса не совсем обычна. Он не стоит на реке, которая связывала бы его с сельскохозяйственными районами, в его окрестностях нет полезных ископаемых, необходимых для создания мощной промышленности, он даже лишен естественной гавани. На том месте, где ныне длинной полосой вытянулся вдоль песчаного побережья город, 300 лет назад высадились англичане и основали опорный пункт. С таким же успехом он мог быть заложен на 100 километров севернее или южнее. Но ветер гнал судно к этому месту, прибой был невысок, и капитан предположил, что окруженное пальмами побережье таит в себе желанные сокровища.

Свыше трех веков прошло с тех пор, но все еще сохранились романтические пальмовые рощи, так не гармонирующие с современным многолюдным городом. В самом деле, Мадрас с его парками и широкими проспектами, роскошными постройками и песчаным побережьем больше напоминает курорт, чем большую столицу и порт. Неспешно и размеренно, словно в сельской местности, течет в нем жизнь, в обеденные часы и это спокойное движение замирает и даже неумомимые рикши, прекратив поиски пассажиров, забираются в тень пальмовых аллей.

Если верить модным песенкам, Мадрас и его порт — самое беспокойное место в мире. Может быть, это и так, если говорить о пристани, которая, подобно огромному цементированному бассейну для плавания, тянется вдоль побережья. Она принимает ежегодно около тысячи заокеанских грузовых судов.

Но тот, кто рассчитывает, что здесь можно поселиться так же, как, скажем, в гамбургском порту, очень скоро разочаруется. В прославленном приморском городе нет ни увеселительных кварталов с притонами, ни сомнительных варьете с полутемными барами, там не играют в карты и не наживаются на танцах с раздеванием. Как и в Бомбее, в Мадрасе даже нет виски и коньяка, так как их употребление запрещено городскими властями. Лишь иностранцы, доказавшие, что без спиртного им трудно обойтись, получают водку по

рецепту врача. Но эта процедура так продолжительна и требует стольких усилий, что большинство предпочитает от нее отказаться, тем более что распивать спиртные напитки в ресторанах запрещается. Не удивительно, что в Мадрасе матросы, как правило, не сходят на берег.

Любители потанцевать также вряд ли могут получить удовольствие в Мадрасе. Танцы не запрещены, но расчетливые владельцы ресторанов давно смекнули, что при отсутствии спиртного даже резкие звуки джаза не могут склонить посетителей к необдуманно большим счетам. Оркестры были упразднены, и в ресторанах остались единичные туристы, потягивающие апельсиновый сок и размышляющие над тем, стоит ли доверять многообещающим предсказаниям песенной лирики о следующей цели их путешествия.

Я слышал, как один англичанин процедил сквозь зубы: «Боже мой, прежде все было иначе». Он, конечно, думал не только о попойках, но и о том времени, когда индийцам был запрещен вход в избранные отели, где англичане могли позволить себе делать все, что хотели. Теперь индийцы хозяева у себя дома и нередко откровенно высказывают англичанам свое мнение об иностранном господстве.

Самое красивое в Мадрасе — это не известные по рассказам и фотографиям дворцы набережной, а неповторимо прекрасное побережье. Его мягкий желтый песок и тихо шумящий прибой, на протяжении нескольких километров окаймляющие город, заставили меня почти забыть, что всего в 200 метрах за моей спиной находится город с миллионным населением. Ярко-синее приветливое небо, лишь изредка покрывающееся облаками, создает праздничное настроение и усиливает ощущение, будто ты находишься на курорте.

Несколько в стороне, на том же привлекательном побережье, расположились круглые бамбуковые хижины, похожие на палатки, обвешанные тряпками и пальмовыми ветками. В этих крошечных сооружениях, лишенных каких-либо удобств, ютятся со своими огромными семьями рыбаки Мадраса. Таким же неммым свидетельством бедности жителей Мадраса служат рыбацьи лодки, не имеющие ничего общего с нашим при-

вычным представлением об этом средстве передвижения по воде. Четыре скрепленных веревками бревна, пара расщепленных бамбуковых палок для гребли и лоскут вместо паруса — вот и вся посудина, на которой рыбаки отваживаются уходить далеко в море и, как ни удивительно, ловят рыбу. В этом мире нищеты и упадка только сети, аккуратно развешанные для просушки, были как всюду.

Бросалось в глаза множество детей, резвившихся среди сетей, копавшихся в песке и вылезавших буквально из каждой хижины. Рыбаки Мадраса очень любят своих малышей, как, впрочем, и большинство индийцев, имеющих обычно многочисленное потомство.

Еще три десятилетия назад средний возраст жизни индийца не достигал даже 20 лет, а теперь он уже приближается к 30 годам. При английском господстве население Индии увеличивалось крайне медленно, в настоящее время его ежегодный прирост составляет 5 миллионов человек. Через 4 года только один прирост населения превысит численность жителей ГДР, а через 25 лет он составит 140 миллионов человек.

Рост численности населения, бесспорно свидетельствующий об улучшении здоровья индийцев, выдвигает множество новых проблем. Главная из них заключается в том, что Индия, только еще создающая свою промышленность, не в состоянии обеспечить работой всех нуждающихся. В 1955 г. министр финансов сказал при подведении итогов первого пятилетнего плана: «Благодаря плану мы смогли предоставить работу четырем миллионам людей, ранее ее не имевшим, однако прирост населения требует обеспечения работой еще семи миллионов человек».

Иными словами, Индия должна решить проблемы использования истосковавшихся по труду крестьянских рук на селе и безработицы в городах, имея при этом в виду, что ежегодно дополнительно предъявляют требования на работу около трех миллионов вступающих в жизнь молодых людей. В Индии рождаемость, типичная для крестьянской страны, а по непрестанно сокращающейся смертности она постепенно приближается к стране индустриальной. Потребности населения растут, тогда как земля продолжает обрабатываться

слишком примитивными методами, урожаи мизерны и промышленность развита слишком слабо. Большой прирост населения вносит известные и притом немалые трудности в задачу повышения уровня жизни. Но индийское правительство и особенно премьер-министр Неру уверены, что достигнут успеха.

Современные баядеры

Мадрас не имеет сколько-нибудь значительной промышленности, но так как он расположен на путях в Австралию и на Дальний Восток, то служит важнейшим перевалочным пунктом для товаров Южной Индии. Через него экспортируются главным образом сельскохозяйственные продукты — хлопок, табак, а также железная руда, ввозятся же необходимые ему уголь и нефть. Мадрас — центр оживленной оптовой и розничной торговли со множеством банков и магазинов. Но не этим прославился город. Он издавна известен как центр дравидийской культуры, ставший Меккой для художников и меценатов, откуда искусство Южной Индии распространяет свое влияние на всю страну.

Из Мадраса происходят многие выдающиеся художники, танцоры, артисты, певцы, скульпторы и музыканты, чьи творения вошли в золотой фонд индийского искусства. В наше время новую главу в истории города вписало кино. Но... пока что одна из крупных кинофирм «Джемини», построившая в Мадрасе целый городок, выпускает фильмы о жизни махараджей — с песнями, танцами, любовью и, конечно, счастливым концом.

Среди множества учебных заведений особенно выделяется государственная художественная школа Мадраса, возглавляемая одним из значительнейших современных художников и скульпторов Индии Роем Чоудри. Этот глубоко образованный человек с широким кругом интересов верен индийскому образу жизни, несмотря на продолжительное пребывание за границей. В его квартире, где многое выдержано в западном стиле, я неожиданно обнаружил низенький древнеиндийский стул. Атлетического телосложения художник усел-

Рой Чоудри работает над скульптурой «Победа труда»

ся на него, скрестив ноги, как Будда, и в цветистых выражениях изложил мне свои взгляды на жизнь.

В творениях Чоудри сочетаются в органическом единстве элементы индийского и европейского, восточного и западного искусств. Скульптора живо интересуют проблемы современности. Они нашли выражение в его монументальных творениях, прославивших художника как в самой Индии, так и за ее пределами. К ним относятся произведения «Когда приходит зима» и «Жертвы голода», изображающие жизнь простых людей, — сейчас эти работы выставлены в художественной галерее Мадраса — памятник «Мученик», рассказывающий о самоотверженной борьбе индийского народа против английского ига. Во время моего пребывания в Мадрасе Чоудри работал над монументальной скульптурой «Победа труда». Ныне она украшает Национальную академию искусств в Дели.

Рой Чоудри — реалист, он изображает будни страны без прикрас, со всеми их горестями и радостями. Герои его в большинстве своем простые люди, каких каждый день встречаешь на улицах, — кули, нищие, голодающие. Все его произведения проникнуты горячей верой художника в то, что со временем страдания индийцев отойдут в прошлое. Работы Чоудри занимают достойное место во многих художественных собраниях Индии и зарубежных стран. Правительство оценило заслуги скульптора и назначило его президентом Национальной академии искусств.

Не имея театра, который хотя бы отдаленно можно было сопоставить с древними традициями и высоким художественным мастерством китайской сцены, Индия славится своеобразным и чарующим искусством танца. Это и танцы рыбаков — жителей побережья, и хайдарабадские танцы с барабанами, своим захватывающим ритмом напоминающие пляски африканских негров, и самобытные танцы с копьями полуобнаженных нага с Ассамских гор, и рыцарские танцы-игры раджпутов из страны крепостей на краю пустыни Тар, и танцы урочая крестьян долины Ганга, и культовые танцы жителей Гималаев.

Однако мировую известность индийский танец приобрел благодаря четырем классическим формам — кат-

Исполнительницы танца бхаратнатьям (Махабалипурам
близ Мадраса)

как, манипури, бхаратнатьям и катхакали, ведущим свое происхождение от религиозных обрядов и легендарных мифов. Первоначально они исполнялись в честь богов и для увеселения князей, и их исполнительницы — баядеры, или девадаси, — жили в храмах и при дворах махараджей. Чужеземное господство англичан привело к тому, что индийский классический танец был предан забвению, и только Рабиндранат Тагор возродил его к новой жизни.

В Северной Индии распространен катхак — весьма подвижной, порой даже игривый танец со множеством народных элементов. Сильное влияние персидского искусства сказалось на катхаке: его грациозные движения напоминают изящный орнамент мусульманской архитектуры. Этот классический танец особенно искусно исполняют в Дели, и древняя столица новой республики заслуженно этим гордится.

Манипури — шаловливый веселый танец народностей Восточной Индии. В нем сочетаются элементы народных плясок ассамских горцев и их соседей бирманцев. Манипури под стать сынам племени нага с их бурным темпераментом и воинственностью.

Мадрас славится двумя классическими танцами — катхакали, зародившимся на Малабарском побережье, и бхаратнатьямом, пришедшим с восточного побережья. Из Мадраса вышли знаменитые исполнители бхаратнатьяма.

Еще несколько десятилетий назад профессия танцовщицы считалась в Индии позорной и была связана с принадлежностью к особой касте. Теперь нередко даже девушки из брахманских семей занимаются этим искусством, хотя, конечно, не ради заработка. Умение петь и танцевать придает женщине особую прелесть и как бы составляет часть ее приданого.

Бхаратнатьям, вероятно, самый сложный для исполнения и понимания танец, чарующий не только легкостью и мягкостью — его обычно исполняют женщины, — но и классической строгостью движений. Овладение им требует упорной многолетней тренировки. Шримати Тара Чоудри — известная индийская балерина и лучшая толковательница танца бхаратнатьям — рассказала мне о трудностях избранного ею пути. Потребовались годы упорного труда, прежде чем она получила признание.

В начале своей карьеры танцовщица испытывала серьезные материальные затруднения. Занятия в школе стоили дорого, а гастроли по Индии требовали больших затрат, которые часто даже не возмещались. В стране, где каждая анна на счету, только очень известная балерина может рассчитывать, что на ее выступления все билеты будут проданы. К тому же стилизованное искусство индийского танца, подобно классической музыке, доступно пониманию далеко не всех и нравится лишь узкому кругу зрителей. Правда, солидные гонорары можно иногда получить в кино, но оно требует исполнения танцев на западный манер, и большинство серьезных артистов отказывается сниматься. Все складывается так, что в начале творческого пути танцор, желающий выступать, должен возложить на алтарь искусства не только труд, но и деньги.

А труд требуется совершенно титанический... Только катхакали знает около 400 мудр, то есть комбинаций различных положений кисти руки, имеющих особый смысл и значение. Посредством мудры можно выражать не только чувства, но мысли, слова и даже целые фразы — «я люблю тебя», «пожалуйста, подойди ко мне», «я сбиваю масло». Если танцор, погладив руку ладонью, быстро перебирает пальцами, то для индийца это так же понятно, как если бы он произнес со сцены: «я дою корову». Волнообразные движения рук передают приближение змеи, а соответствующее положение глаз и головы поясняет, угрожает ли опасность или змея выступает спасительницей героя от злых врагов.

Мудры не могут произвольно варьироваться каждым танцором, не зависят от чувств и взглядов отдельных исполнителей, они имеют многовековые неизменные традиции. И тем не менее, несмотря на подобную стандартизацию, танцевальные движения не только не оставляют впечатления монотонности, но, напротив, кажутся многообразными.

Как и многие другие явления, берущие начало в глубокой древности, индийский танец неразрывно связан с религиозными мифами. Баллады, нередко длящиеся несколько часов подряд, представляют собой индусские предания, выраженные в танце. Даже любовные сцены облачаются в религиозные одежды, в них повествуется о забавных приключениях бога Кришны с хорошенькими жительницами земли, о любви и встречах Рамы и Ситы, и воспринимаются они как возвышенные притчи.

Кульминационный пункт танцевального повествования не счастливое соединение любящих, а их разлучение. В этом сказалось своеобразие мышления индийцев. Не случайно символизирующий разлуку Шива — самое почитаемое в Индии божество.

Несмотря на религиозное содержание, тему танцев большей частью составляют любовь и сопутствующие ей переживания, лишённые какого-либо налета эротики. На индийской сцене не увидишь обнаженных женских тел, и полуодетые баядеры всего лишь продукт киностудий, делающих бизнес на опереточной экзотике. Напротив, костюм танцовщиц кажется слишком закрытым

для подвижного танца в условиях тропического климата. Только танцоры выступают с обнаженной верхней частью тела, демонстрируя атлетическое сложение, особенно резко выделяющееся на фоне одетых фигур их партнеров.

С катхакали я познакомился в маленькой деревушке на Малабарском побережье. Был вечер. На хижины медленно спускались сумерки, и среди стройных пальм мелькали неясные силуэты. Деревенская площадь была заполнена людьми, они безмолвно сидели на земле, взирая на пламя в чаше на высоких ножках. В его мигающем свете можно было разглядеть напряженные, полные ожидания лица. Эта ночь была посвящена катхакали.

Катхакали — это таинственный танец масок и фантастических одеяний. Много времени, уйма тканей, гипса, ватных подушечек, туши, канители и красок потребовалось для того, чтобы перевоплотить танцоров в зловещие фигуры, изображающие богов и людей; был проведен не один мазок кисточкой, чтобы добродушные лица стали пугающей маской. Когда же эти существа в такт ударам барабанов и медных тарелок начали делать ритмичные резкие движения, трудно было поверить, что это люди. Как зачарованные следили зрители за игрой, несколько напоминавшей нашу современную пантомиму, но более выразительной и впечатляющей.

Когда-то катхакали танцевали только в храмах, но теперь его исполнители превратились в толкователей мифов. Они разъезжают по деревням и за солидное вознаграждение создают праздничное настроение. Труппа обычно состоит из 10—20 человек — балетмейстеров, танцоров и художников по изготовлению масок.

Катхакали — танец строгий и серьезный. В нем даже женские партии исполняются мужчинами. Когда-то эта традиция имела, по-видимому, ритуальные основания, но в наше время соблюдается скорее всего из-за того, что только мужчине под силу танцевать всю ночь напролет. К тому же женщинам не пристало участвовать в кровопролитных эпизодах, составляющих содержание катхакали. Вот, например, один из них: Хириянна Кешаб хочет заставить сына Прахлада отречься

В танце катхакали передаются эпизоды из национального индийского эпоса «Рамаяна»

от бога Нарендры и почитать его самого. Прахлад отказывается. Возмущенный Хириянна Кешаб ударяет мечом по колонне, колонна открывается, и из нее выходит бог Нарендра в образе человека со львиной головой. Он убивает в поединке Хириянна Кешаба, вырывает из его тела внутренности и съедает их. Для полноты впечатления он обмазывается красной краской — ее подает танцору помощник. Верного Прахлада благословляет бог-лев.

Деревенские жители, аплодируя, с напряженным вниманием следили за действием и не двинулись с места до тех пор, пока не забрезжил рассвет. Лишь когда в движениях танцоров начала ощущаться усталость, с их лиц потек грим, а в чаше догорело масло, зрители начали расходиться. Так закончился в малабарской деревушке веселый праздник, о котором еще долго потом не переставали говорить.

Храмы и тоды

Подобно огромным скалам возвышаются храм Миначши в Мадуре и знаменитая гигантская статуя Гоматесвара джайнистов. Вряд ли найдутся два других сооружения, которые, имея одинаковое назначение (место жертвоприношений и храм), были бы так несхожи между собой.

Храм Миначши — достопримечательность Мадур — представляет собой целый городок, где за огромными воротами из песчаника теснятся различные храмы. В залах и коридорах, соединяющих между собой места для жертвоприношений, располагаются целые толпы торгашей. Они предлагают посетителям все, что только можно добыть с рук, ничуть не опасаясь, как бы высшее жречество не проявило библейской строгости и не изгнало их из храма.

В центре этого святого городка, как почти во всех южноиндийских храмах, находится огромный вымощенный камнем бассейн. Жрецы с их практическим умом давно смекнули, какие выгоды может принести общественное место для купания. Каждый, кто желает иску-

Надвратная башня храма
Минакши в Мадуре

паться, должен отправиться в храм, там принести пожертвование богам и не в последнюю очередь — их слугам.

Самое замечательное в храме Минакши — четыре огромные надвратные башни. Они имеют форму трапеции и гордо возносятся в небо на высоту 40 метров. Не только по размерам, но и по художественным достоинствам они далеко превосходят строения, во множестве нагроможденные внутри ограды.

Все в этих вратах необычно: и высота, и покрывающие их, подобно драгоценному ковру, скульптурные украшения, и гармоничность исполнения. Фигуры из песчаника, передающие эпизоды древней истории Индии, выполнены с неизменной тщательностью, как те, что находятся на уровне роста человека, так и те, что в недостижимой выси едва различимы глазом.

Сооружение в целом, типичное для древнеиндусской храмовой архитектуры, с первого взгляда производит впечатление хаоса. Но индеец именно это безудержное многообразие и восхищает. Он может часами рассматривать каменную филигрань, оживляющую в памяти давно забытые легенды.

В отличие от храма Минакши колоссальная статуя апостола джайнизма Гоматесвара, лишенная каких-либо украшений, проникнута простотой. Ничто не отвлекает внимания от 25-метровой обнаженной фигуры, высеченной из огромной глыбы гранита и прикрытой лишь двумя вьющимися лианами. Ее суровый неприступный силуэт кажется символом отрешенности и аскетизма джайнизма.

Эта религия, возникшая почти в одно время с буддизмом, за пять веков до нашей эры, когда-то была распространена по всей стране, но, как и учение Будды, ненадолго завоевала сердце индийцев. Теперь остается лишь строить предположения, что оттолкнуло последователей этой религии — ее миролюбие или аскетизм. Во всяком случае в настоящее время в Индии вряд ли насчитывается 2 миллиона джайнистов. Последователям этой веры запрещается убивать живые существа. Правоверные джайнисты даже прикрывают рот марлевой повязкой, чтобы не проглотить нечаянно какую-нибудь букашку.

Не много видел я паломников, поднимавшихся по высеченным в скале 650 ступеням к святым местам джайнизма. Нередко они издалека несли фрукты, чтобы возложить к ногам каменных святых плоды земли, которыми, будучи вегетарианцами, питаются сами.

Нам довелось быть свидетелями того, как жрец почтительно и торжественно принял подношения, несколько раз обнес их вокруг великана и наконец поставил на землю перед копией статуи высотой в метр. Когда паломники ушли, строгое выражение на лице жреца сменилось улыбкой, он протянул нам миску с пожертвованными фруктами и на безукоризненном английском языке произнес:

— Возьмите апельсин, после утомительного подъема он освежает.

Поднявшись на Нилгири — самую большую возвышенность на плоскогорье южной части Индии, мы попали в совершенно иную климатическую зону. На сухой и пыльной равнине невыносимо палило солнце, а в Утакаманде, на высоте 2700 метров, стояла прохладная весенняя погода. Живописно расположенное лесное озеро пробуждало воспоминания о моей родине, а ярко-зеленые горные пастбища с удивительно тучными коровами усиливали иллюзию, будто на широте тропиков мы попали в высокогорный район Германии. Здесь, наверху, живут тоды, потомки тех народностей, которые в незапамятные времена были оттеснены дравидийскими переселенцами в неприступные горы и с тех пор, почти не тронутые событиями, происходившими в великом Бхарате, продолжают вести первобытный образ жизни.

Тоды занимаются скотоводством и еще совсем недавно находились на уровне развития, соответствующем раннеисторической ведийской эпохе Индии. Не в пример индийцам, для которых почитание коровы является пережитком прошлого, культ этого животного у тодов вытекает из реальных условий их жизни: корова — единственный источник существования тодов. Ей посвящены похожие на хижины храмы, мало чем отличающиеся от обычных жилищ, а жрецы совершенствуются в обработке молочных продуктов, составляющей содержание всех церемоний во время религиозных празднеств.

Тоды и по сей день сохраняют древние формы жизни

Индийские власти осуществили ряд социальных мер, облегчивших жизнь этого племени, вымиравшего от болезней и нужды. Представителей тодов ввели в состав местных органов администрации, и они отстаивают там интересы своего племени. В Ути впервые были созданы школы для тодов. Наиболее одаренных выпускников направляют в сельскохозяйственные институты, чтобы впоследствии они могли познакомить своих односельчан с земледелием. В деревушке Ктали я видел первые ощутимые результаты усилий правительства — тоды собирали с полей урожай.

Эти нововведения означали для тодов прыжок через столетия. Вначале только молодежь приветствовала их, у стариков же всякое начинание вызывало настороженность. Они по сей день носят унаследованную от предков одежду, несколько напоминающую древнеримскую тогу. Только юноши отказались от нее в знак признания новой жизни.

Женщины гораздо консервативнее, и в модах поголовно все придерживаются старины. И старухи, и де-

вушки одеваются в длинные белые платья, похожие на сари, и завивают черные волосы в локоны, ниспадающие на спину и грудь.

Жилища тодов внешне не изменились. Покрытые травой, покосившиеся грязные лачуги по-прежнему цепляются за склоны гор, и их крохотные дверные отверстия, так же как много лет назад, не пропускают ни воздуха, ни света. Зато в морозные ночи они неплохо защищают от холода. Но стоит заглянуть внутрь дома, где циновки заменяют мебель, и немедленно обнаруживаешь влияние времени. Рядом со щербатыми глиняными кувшинами стоит медная и алюминиевая посуда, а в более зажиточных семьях я даже видел керосиновые лампы. Желание ознакомиться с жилищами тодов обошлось мне в 5 рупий, что лишь подчеркивает способность этого народа правильно толковать приметы нового времени и перенимать наряду с земледелием умение извлекать выгоду из любопытства туристов.

Рассказы о джунглях

В районе озера Перияр, на высоте тысячи метров над уровнем моря, находится область джунглей — одна из самых больших и прохладных в Южной Индии. Ее дикие дебри внушают страх и будят интерес в одно и то же время. Лесничий Хиренна Паниккар пригласил меня отправиться с ним туда, но без ружья, с одним только фотоаппаратом. Дело в том, что дикие слоны, на которых мы хотели посмотреть, как редкие животные находятся под охраной закона и охота на них запрещена.

На рассвете, когда мы вышли из дома, утренний холод проникал даже сквозь наши толстые свитеры. Мы не стали продираться через заросли, а на узкой, но очень подвижной лодке поплыли по озеру, тянущемуся, подобно реке, на много километров. Это бесспорно самый удобный, быстрый, а главное, безопасный способ сообщения.

Вокруг было тихо. Неподвижно лежало перед нами свинцово-черное и будто отполированное до блеска озе-

ро. Природа еще спала, и лишь после того как поднялась пелена тумана, защебетали птицы. Но нигде не было видно и признаков животных.

Прошло уже несколько часов, мы исследовали в бинокль не один квадратный километр девственного леса, кустарника, степи, холмистых равнин, но все безрезультатно. Я уже начал подумывать, не следует ли отнести фантастические истории Хиренна Паниккара о слонах к разряду охотничьих рассказов. Тем не менее напряжение возрастало всякий раз, как мы повертывали за выступ берега или объезжали вокруг косы, почти механически осматривая новую, внезапно открывшуюся взору бухту. Но нас встречала все та же тишина, будто здесь вообще не было никакой жизни.

— Может быть, мы слишком поздно выехали и слоны уже приходили к воде?

— Не думаю, — ответил Хиренна Паниккар с поразившей меня уверенностью. — В зимнее время слоны допоздна не покидают зарослей, долго хранящих тепло, и только когда солнце согреет утренний воздух, они выходят на берег. Сейчас их время. Правда, мы можем их не встретить, это ведь дело случая, в наших краях у слонов нет постоянных водоемов. На озере так много бухт, что толстокожие бродят повсюду и выходят на берег, где им вздумается. Нам остается бродить и ждать сюрприза.

И мы дождались... В девственном лесу раздались треск и топот, но виновников шума в чащобе было невозможно разглядеть. Лишь когда они вышли на берег, мы увидели целое семейство слонов. Самец с самкой и двумя детенышами явились на утреннее купание и завтрак. Они вырывали хоботами огромные пучки травы и с явным удовольствием засовывали их в рот. Малыш, не более месяца от роду, шаловливо размахивал хоботом из стороны в сторону. Все же он не был вполне уверен в себе и боязливо прятался между столбообразными ногами матери, временами совсем скрываясь из виду.

Решив, что пора напиться, самец медленно зашагал к воде, сопровождаемый всей семьей, для которой мнение главы имело, казалось, такой же вес, как для любой другой семьи. Слоны погружали хоботы глубоко в воду,

почти целую минуту всасывали прохладную влагу, а затем вливали ее себе в пасть. До 8 литров могут они вбирать в хобот, который служит им органом обоняния, осязания и хватательным инструментом; при помощи его они носят грузы, едят и пьют. Хобот заменяет слону руку и в значительной мере восполняет неподвижность его головы.

Под конец завтрака толстокожие вырвали еще несколько пучков травы и стали водить ею по поверхности воды, словно полируя ее. Это было, очевидно, сигналом к купанию; животные бросились в воду с такой стремительностью, что подняли на озере волны. Неповоротливые с виду слоны быстро бегают — нередко они покрывают за день расстояние в 70 километров — и отлично плавают. Мы наблюдали, как они непрерывно работали в воде ногами и с ритмичной последовательностью погружали голову и хобот в воду, оставляя на ее поверхности небольшой водоворот. Но уже через несколько секунд вновь показывался хобот, выпускающий воздух и воду, а вслед за ним — голова с крошечными глазками. После глубокого вдоха она вновь исчезала под водой.

Даже детеныш не просто резвился, а плавал и нырял вместе со всеми. Правда, он немного отставал, и, наверно, не только из-за коротких ног, а и потому, что не умел плавать как следует, но у него достаточно времени, чтобы овладеть этим искусством, ведь на воле слоны живут до 100 лет.

Триста метров до противоположного берега были преодолены быстрее, чем я думал. Там слоны медленно вышли из воды, уничтожили еще немного травы и не спеша двинулись в джунгли. Прежде чем скрыться из виду, они высушились по-своему — бросая хоботом себе на спины большие порции песка до тех пор, пока кожа не обсохла. Правда, от этой процедуры она приобрела красновато-коричневый оттенок, так что стоявшие в высокой траве толстокожие напоминали песчаные холмы.

Я был доволен, что увидел такое редкое зрелище. Но Хиренна Паниккар был настроен иначе.

— Ничего особенного, — сказал он. — Вот однажды недалеко отсюда я пережил настоящее приключение.

Около трех месяцев назад мы со знакомым ехали по озеру. Было раннее утро, солнце еще пряталось за горами, а на воде лежал легкий туман. Мы не ожидали встретить так рано какую-либо живность и смотрели на берег больше по привычке. И вдруг я увидел, как из джунглей мягко и бесшумно крадется похожий на кошку зверь. Тигр! Он осторожно ступал по мягкой траве, затем застыл в неподвижности, повернул голову и принялся. Огромными прыжками, будто обнаружив добычу, он кинулся к берегу и очень осторожно вошел в воду. В наших джунглях тигров так же мало, как и в других местах, а плавающего тигра мы видели впервые. Захотелось взглянуть на него поближе, и мы направили лодку прямо на тигра. Вскоре до зверя осталось всего лишь несколько метров, и нам было хорошо видно, как он, выставив голову из воды, рассекал лапами волны. Конечно, не следовало приближаться к опасному хищнику, уложившему лапой не одного человека, тем более что, не имея оружия, мы были совершенно беспомощны. Но, поглощенные небывалым зрелищем, мы думали о чем угодно, только не об опасности. Тигр зарычал и зафыркал. Мы подъехали еще ближе, предполагая, что в лодке мы в полной безопасности, как вдруг длинное гибкое тело тигра сжалось, и он кинулся к нам. Следующая минута показалась мне вечностью. Тигр достиг лодки и ударил лапой по борту с такой силой, что утлая посуда опрокинулась. Мы очутились в воде, бессильные перед яростью хищной кошки. Казалось, спасения нет. Неизвестно было только одно — с кого из нас начнет хищник трапезу... Но случилось иначе... Сочтя, что он избавился от врагов, тигр быстро поплыл к берегу. А мы отделались испугом да тем, что основательно промокли.

В подтверждение рассказа Хиренна Паниккар, на лице которого отразился пережитый ужас, показал следы тигровых когтей на борту лодки.

Было уже далеко за полдень, когда в одной из бухт мы неожиданно увидели на берегу стадо буйволов. Буйвол, удивительно упрямое животное, покрытое коричневой шерстью, — разновидность крупного рогатого скота, почти полностью вымершая в Европе. Среди стада, насчитывавшего около 20 голов, бродил огромный слон

с таким спокойствием и достоинством, словно он был его вожаком. Когда мы приблизились, мирная картина нарушилась. Вспугнутые буйволы несколько мгновений рассматривали нас, а затем, как по команде, бросились в джунгли. Слон же, полагаясь на свою силу или, быть может, на закон об охране животных, продолжал спокойно щипать траву, а почувствовав жажду, прошел так близко подле нас, будто мы вообще не могли ему повредить.

Огромное животное, несшее свернутым казавшийся слишком длинным хобот, ступало неуклюжими ногами неслышно и размеренно. По сравнению с африканским сородичем он выигрывал благодаря изящно изогнутой линии спины, но его короткие, невзрачные резцы казались бы жалкими рядом с великолепными бивнями африканских толстокожих, достигающими 3—4 метров в длину и 90 килограммов в весе. После нескольких минут наблюдения за слоном Хиренна Паниккар произнес:

— Это кумирия. Индийцы делят слонов по выносливости и сообразительности на миерга — слабых и очень ненадежных, непригодных ни для езды на них, ни для работы — и кумирия. К ним относятся большие слоны с крепким телосложением, сметливые, бесстрашные, добродушные. Приручить их сравнительно не трудно, они часто становятся друзьями и полезными помощниками человека.

Наш кумирия хотел, вероятно, предпринять небольшую прогулку по окрестностям, а теперь решил прикнуть к восьми слонам, пасшимся на противоположном обрывистом берегу озера. В высокой траве мы вначале вовсе не заметили стадо. Круглые серые спины — единственное, что выступало наружу, — скорее напоминали камни, и мы обнаружили, что это слоны, лишь когда кумирия подплыл к сородичам. Но нас интересовало не столько стадо, сколько плавательное искусство слона, и мы решили посмотреть на него поближе.

Хотя, по мнению людей бывалых, этот слон был добродушным и смелым, ему, по-видимому, пришлось не по душе приближение лодки, и он описал вокруг нее большую дугу. Но это только подстегнуло наше любопытство, и мы подъехали еще ближе. Тогда слон при-

мнил последнее средство самозащиты — громко затрубив, он облил нас водой с головы до ног и отбил всякую охоту наблюдать за его купанием. Но и у слона настроение было испорчено. Он не пожелал плыть к сородичам, а предпочел возвратиться на тот берег, где мы его застали, и спрятаться в бамбуке. Правда, вся его спина торчала наружу, но голова была спрятана.

Медленно спустились сумерки, солнце скрылось за горизонтом, и, вспомнив о мокрой одежде, неприятно холодившей тело, мы решили закончить «фотоохоту» в индийских джунглях, тем более что могли быть вполне довольны увиденным и пережитым. Доволен, по видимому, остался и кумирья, впрочем больше нашим отъездом, чем встречей, — он вышел из укрытия, спустился не спеша к берегу и спокойно поплыл к своему стаду.

Мыс Коморин

Когда наша верная машина достигла мыса Коморин — самой южной точки Индии, эта ничем не примечательная модель, каких тысячи сходят с конвейера, удостоилась всеобщего внимания. «ДЛЦ-48» — без конца твердили вокруг нас. Подумать только — автомобиль прошел от самого Дели до мыса Коморин! Необычное происшествие дало повод для оживленного обсуждения. Четырнадцатилетний паренек с видом знатока утверждал, что такие расстояния обычно покрывают на самолете, а остальные вторили ему, хотя сами они привыкли передвигаться только пешком или на волах. После, казалось, нескончаемой дискуссии, удивленных возгласов, осмотра автомобиля и нас самих был сделан вывод, что мы либо сумасшедшие, либо выполняли очень важное задание, заставившее нас взять на себя столь тяжкий труд.

Мыс Коморин ничем не примечателен. Невзрачное селение, негостеприимный берег, маленькая гостиница, несколько пальм, бескрайний простор моря и бедные рыбаки — вот и все, что можно здесь увидеть. Иностранцу, ожидавшему чего-то особенного, остается уте-

шиться лишь сознанием того, что он стоит на самой южной точке Индии, на берегу, омываемом одновременно волнами Бенгальского залива, Аравийского моря и Индийского океана. Никто не может сказать, где проходит граница между ними: вода, кругом вода. Редко кому представляется такая возможность — искупаться сразу в трех водоемах, но вряд ли это может доставить удовольствие: из-за скалистого берега плавание превращается в настоящую муку.

На восточном берегу расположен рыбацкий поселок, маленький и небогатый, но благодаря пальмовым рощам необычайно живописный. Жители поселка весьма общительны, они с интересом расспрашивали нас о путешествии. Лишь немногие женщины не проявляли никакого любопытства. Стоя на берегу, они вглядывались в морские просторы.

Там, вдали, на пенистых гребнях волн плясали небольшие, рваные паруса коричневого цвета. Их, казалось, несла какая-то сверхъестественная сила, ибо волны скрывали людей и суденышки, представлявшие собой несколько кое-как скрепленных бревен.

И на этих примитивных сооружениях рыбаки выезжали далеко в море и ловили рыбу! При нас трое из них, гребя расщепленными бамбуковыми палками против пенящегося прибоя, привезли даже тяжеленного ската. Конечно, он не мог уместиться в маленьких корзинах, приготовленных женщинами. Рыбаки подвесили бесформенную, залитую кровью рыбу на толстую палку и, кряхтя, потащили ее на рынок.

Вдали от этой сутолоки, на краю деревни виднелись хижины, совсем не похожие на довольно чистые домики рыбаков. На расстоянии они мне показались кучами мусора, и лишь приблизившись, я увидел, что эти убогие грязные лачуги — человеческое жилье. Они были сооружены из веток и пальмовых листьев, и ничто не защищало их от солнца. Вокруг возились в песке дети, но, завидев меня, они пустились наутек. Взрослые подозрительно рассматривали чужеземца, но стоило мне приблизиться, как они робко опустили глаза. Здесь живут неприкасаемые, считающиеся неполноценными людьми и лишенные самых элементарных человеческих прав.

Почти в каждой деревне есть хижины неприкасаемых. Нищета их обитателей и презрительное отношение к ним населения не исключение, а обычный удел примерно 50 миллионов индийцев. 50 миллионов человек на протяжении всей своей жизни вынуждены убирать грязь, подметать улицы, чистить уборные, хоронить павших коров, выполнять «нечистую», по представлениям индусов, работу и только потому, что они родились от людей, принадлежащих к низшим кастам. Это определило их судьбу. Вступление в высшую касту и тем самым переход к другой профессии невозможен. Они остаются париями, хотя без их полезной и важной работы жизнь была бы невыносима. Удел неприкасаемого мести улицы, даже если он обладает разумом мудреца. Зато любой брахман, пусть не обнаруживающий смекалки подметальщика улиц, будет всю жизнь почитаться высшим, благородным существом.

Неприкасаемые не имеют права владеть землей, среди них лишь единицы умеют читать и писать, так как их детям закрыт доступ в школу. Им не разрешается пользоваться деревенскими колодцами — нечеловеческая жестокость в стране с тропическим климатом. Томимые жаждой или желанием искупаться, они нередко вынуждены пройти не один километр, лишь бы не вызвать гнев других жителей деревни, которые сочтут себя оскверненными, если неприкасаемые воспользуются водой из общего колодца.

Пария не смеет дотрагиваться до индуса, принадлежащего к высшей касте, смотреть на него или своей тенью касаться его тени. В XVIII в. брахманское правительство Пешвы в Пуне запретило неприкасаемым показываться на улице после трех часов дня, когда солнце отбрасывает длинные тени, которые, коснувшись брахмана, могут его «осквернить». Если же «несчастье» произойдет и неприкасаемый дотронется до кого-либо, последний может освободиться от постигшего его позора лишь путем тщательного ритуального очищения, точно предписанного для каждой касты. Пария не вправе посещать храм, участвовать в праздниках и общественных мероприятиях и даже издали смотреть на них, чтобы не испортить всем праздничное настроение.

Но самое странное, что неприкасаемый только по-

тому считается парией, что он индус. Будь он мусульманин, буддист или сикх, он чувствовал бы себя равноправным членом общества, ибо этим религиям неизвестно унижительное разделение на касты.

Внешне парию нельзя отличить от любого индуса, принадлежащего к высшей касте, и он мог бы освободиться от позорного клейма, переселившись в другую местность и выдав себя за члена другой касты. Но отверженцы остаются в родных деревнях и со смирением несут свой крест. При их бедности они вряд ли смогли бы начать новую жизнь на новом месте без помощи общины неприкасаемых, а главное, они убеждены в том, что судьба их угодна богу, что из их положения нет выхода.

Одно из важнейших положений индуизма — карма — гласит, что судьба человека не зависит от его действий и поступков, от его трудолюбия и способностей, а predeterminedena свыше. Какой же смысл в борьбе за приобщение к высшей касте, если каждому заранее предначертан путь в жизни. Неприкасаемый лишь расплачивается за грехи своих предков, а брахман пожинает плоды благодеяний, совершенных его родичами. Богатство — это дар божий, нищему же остается искупать вину предков и находить радость в страданиях. Так индуизм освящает классовое неравенство и оправдывает угнетение.

Эти религиозные представления о кармах и кастах порождают фатализм и пассивность, которыми проникнуты характер и жизнь индийцев. Не кто иной, как Рабиндранат Тагор сказал: «На мой взгляд, возрождение индийского народа непосредственно зависит от упразднения каст».

Керала

В результате полного опасностей продолжительного путешествия, закончившегося в Каликате на Малабарском побережье, Васко да Гама не только открыл морской путь в Индию, но и достиг желанной цели. Юго-западный берег Индии, где ныне находится штат Керала, оказался вождеденной родиной перца и мно-

гих пряностей, в то время ценившихся на вес золота. Этот плодородный и живописный уголок Индии заставил моряков Васко да Гамы забыть все лишения долгого пути. Он и в наши дни очаровывает туристов. Юго-западное побережье походит на большую тропическую плантацию, богатую фруктами, рисом, каучуком, кофе и чаем, где земля дает обильные всходы. Люди здесь под стать окружающей природе. Их домики, покрытые черепичными крышами, привлекают чистотой, уютом и даже благосостоянием.

Индия, которую до того времени мы видели только в сером, пропыленном одеянии, здесь предстала перед нами в ярком, праздничном убранстве. Прекрасен пейзаж Малабарского побережья. Пальмовые рощи покачиваются на ветру, стройные деревья склоняют пышные кроны к морю и бесчисленным каналам, словно желая их обнять. В воде весело пляшут отражения банановых деревьев, увешанных тяжелыми гроздьями плодов. Рыбаки опускают в волны четырехугольные сети, укрепленные на огромных рамах, и то и дело вытаскивают на берег трепещущую добычу. Лодки с огромными пальмовыми опахалами бесшумно скользят по лабиринту каналов, дополняя картину благоденствия и покоя; поистине сказочная страна!

В отличие от плоскогорья Центральной Индии, страдающего от недостатка влаги, природа щедро одарила этот край. Вершины Западных Гатов преграждают путь муссонам и заставляют облака, обремененные влагой, отдавать ее. Малаяли — жители Малабарского побережья — не знают забот о воде, подобно дамклову мечу висящих над жителями большинства индийских деревень. На протяжении нескольких месяцев на Малабарском побережье дождливые дни чередуются с погожими и солнечными, в результате чего на склонах гор растут непроходимые девственные леса, жители побережья собирают по два-три урожая в год, вся растительность кажется чисто вымытой.

В эти месяцы от земли поднимается буквально осязаемый пар, все побережье становится своеобразной естественной теплицей. Ее атмосфера затрудняет дыхание, делает каждое движение вдвое тяжелее, но зато природа расцветает.

Молотьба в Керале

Но более всего в Керале поражают люди, их спокойная, уверенная осанка и сравнительно высокий уровень культуры. Здесь каждый второй умеет читать и писать (в то время как в Индии 80 процентов населения неграмотны), а 97 процентов детей, в том числе и париев, учатся. Каждое утро улицы заполняют мальчики в белых набедренных повязках и девочки в пестрых юбках, с книжками под мышками и с чашками риса в руках. Поодиночке или группами усаживаются они в лодки и по разветвленной системе каналов направляются к островам, где находятся школы.

В Керале можно увидеть картины, не совсем обычные для Индии: рикшу, углубившегося в чтение газеты, издаваемой на языке малаялам, кули, присевшего над письмом. Ежегодно 25 тысяч человек заканчивают университеты и высшие школы. «Но, — слышал я от многих из них, — что мы будем делать потом, неизвестно». Богатый, плодородный край не в

состоянии обеспечить работой своих специалистов — в процессе развития культура опередила экономику.

Трудно представить себе, что в этом райском саду может существовать нужда. У берегов моря и в каналах кишмя кишит рыба. Муссоны приносят влагу, она превращается в потоки воды, которые вращают турбины на склонах гор и дают электроэнергию; поля плодороднее, чем где-либо в Индии. Почти все запасы индийского каучука сосредоточены в Керале; здесь произрастают лучшие сорта чая, многие пряности, кофе, ценные породы деревьев, в том числе кокосовые пальмы, чьи плоды составляют важнейший предмет экспорта (их сбором и обработкой занято около полу-миллиона человек). Но как и в каждом штате, у Кералы — свои заботы и свои проблемы.

Керала — самый маленький штат Индийского Союза, равный по величине лишь трети ГДР, насчитывает 13 с половиной миллионов жителей. В среднем на квадратный километр площади приходится 360, а в прибрежных областях даже 1000 человек. Сельское хозяйство не в состоянии ни обеспечить работой такое количество людей, ни прокормить их, и 50 процентов продовольствия приходится ввозить из других областей Индии и из-за границы. Занять рабочие руки могла бы промышленность, производящая товары на экспорт, но она развита чрезвычайно слабо. Правда, в Керале немало мелких предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, фабрик кокосовых циновок и деревообделочных фабрик, но они не могут существенно повысить занятость населения и улучшить продовольственное положение края.

Односторонняя ориентация Кералы на производство сельскохозяйственного сырья — наследие колониального периода. Когда после получения Индией независимости партия Конгресса образовала первое правительство в княжестве Траванкур-Кочин, перед ним встала задача индустриализации и справедливого распределения земли. Но никаких эффективных мероприятий проведено не было, широко распространились коррупция, интриги, кумовство, народные средства были растрочены втуне, что основательно подорвало доверие населения к правящей партии.

Во время выборов 1951 г. Конгресс потерял в Граванкур-Кочине много голосов, а в 1954 г. не получил большинства мандатов в законодательном собрании. В то время как партия Конгресса, пользовавшаяся в период освободительной борьбы большим авторитетом, заметно утратила свое влияние, ряды коммунистической партии пополнились новыми членами, за нее голосовало все больше избирателей, доверие народа к ней увеличилось.

Не легок путь Коммунистической партии Индии, основанной в 1933 г. Едва появившись на свет, она была вынуждена уйти в подполье и находилась на нелегальном положении с 1934 по 1942 г. Многие лучшие ее представители подверглись преследованиям, были брошены за решетку или убиты. После войны некоторые махараджи и губернаторы по-прежнему преследовали и запрещали партию, но не смогли сломить коммунистов, уничтожить их влияние и авторитет в народе. Формально партия насчитывала всего лишь около 100 тысяч членов, но ее приверженцы и друзья исчислялись миллионами.

Уже во время борьбы за независимость коммунисты решительными и смелыми действиями завоевали доверие народа. Их авторитет возрос еще больше, когда страна практически приступила к строительству новой жизни. Голым декларациям, которыми ограничивались члены Конгресса, они противопоставляли конкретные дела: шли в деревню и учили крестьян читать и писать, поддерживали движение за земельную реформу, помогали рабочим в профсоюзной борьбе.

На Ганди самоотверженность коммунистов производила глубокое впечатление. «Среди вас, — писал он, — есть очень способные молодые мужчины и женщины, которые так бескорыстны, как я бы сам хотел быть. Вы энергичны и требуете от членов своей партии строгой дисциплины. Я вас поздравляю и восхищаюсь вами». А Неру заявил в 1951 г. на одном из съездов партии Конгресса: «Заслуживает внимания самоотверженность индийских коммунистов и их постоянная неотомимая деятельность. На мой взгляд, у коммунистической партии много неправильных методов, но я не могу не признать боевой дух и самоотверженность ее

членов, их тяжкий бескорыстный труд и глубочайшую убежденность».

Уже во время выборов 1951—1952 гг. сказались первые результаты активной деятельности коммунистов. Им отдали свои голоса многие избиратели Западной Бенгалии, Юго-Восточного Хайдарабада, Андхры и Траванкур-Кочина. Получив в индийском парламенте 23 места, коммунистическая партия стала второй по силе в стране. Выборы в парламент Союза в марте 1957 г. принесли коммунистам новое свидетельство увеличения их авторитета. Правда, партии Конгресса принадлежало большинство в парламенте — 365 мест, но число депутатов от коммунистической партии возросло до 27 человек, в то время как Народно-социалистическая партия получила лишь 19, а партия Джан Сангх — 4 места.

Влияние коммунистов в законодательных собраниях некоторых штатов выросло еще больше, а в Керале* за них голосовало большинство избирателей. Из 126 мест они получили 60, тогда как Конгресс, бывший когда-то господствующей партией, — только 34, социалисты — 9, а Мусульманская лига — 8. Поскольку пять «независимых» депутатов объявили о поддержке коммунистов, последние получили в законодательном собрании Кералы абсолютное большинство. Согласно конституции Индии им было предложено сформировать правительство.

5 апреля 1957 г. коммунистическое правительство присягнуло в верности конституции. Так в Керале к власти пришли коммунисты, и буржуазные круги не смогли этому воспрепятствовать.

Новое правительство, состоявшее из девяти коммунистов и двух независимых, было вынуждено действовать в очень сложной и необычной обстановке. Социалистическая партия не только отказалась с ним сотрудничать, но заодно с партией Конгресса всячески тормозила его работу. Центральное правительство, снова сформированное партией Конгресса, под руководством премьер-министра Неру не было заинтересовано

---

* Штат Керала был образован в 1956 г. из штата Траванкур-Кочин и округа Малабар штата Мадрас.

в том, чтобы поддерживать коммунистов. В этих условиях надо было проявить большую выдержку и мудрость. Весь мир — и друзья и враги — с неослабным вниманием следил за каждым шагом коммунистического правительства. Основные положения его политики были сформулированы премьер-министром Намбудирипадом:

1. Мобилизация всех материальных и моральных резервов страны для создания современной индустрии и сельского хозяйства, которые явятся основой для зажиточной культурной жизни.

2. Изменение принципа распределения производящихся в стране богатств таким образом, чтобы увеличилась доля широких масс населения. Это создаст предпосылки для расцвета хозяйства страны.

3. Коренные преобразования существующей административной системы, необходимые для осуществления этих целей.

Следовательно, коммунистическое правительство Кералы не ставило перед собой непосредственно цель провести социалистические преобразования, так как было связано индийской конституцией и не собиралось от нее отступать. Последняя защищает частную собственность на средства производства — следовательно, предприятия и земля не могли быть экспропрированы. Она также ограничивает деятельность региональных правительств в некоторых вопросах государственной политики, относящихся к обороне, внешней политике, валютным операциям, внешней торговле, планированию и финансам и составляющих компетенцию центральных органов.

Коммунисты считали своей главной задачей в Керале последовательное доведение до конца демократических преобразований — проведение земельной реформы, реорганизацию системы управления и школы, более справедливое распределение доходов и — последнее по счету, но не по важности — индустриализацию штата для обеспечения его жителей работой. Эти меры имел в виду Неру, говоря о создании общества по социалистическому образцу. Они ни в коей мере не затрагивали интересы частных предпринимателей, наоборот, правительство призывало вкладывать капиталы

в промышленность Кералы. Бирла, считающийся вторым монополистом Индии, одним из первых принял это предложение и в настоящее время строит в Керале крупную фабрику искусственного шелка.

Уже первые шаги коммунистического правительства Кералы произвели большое впечатление на всю Индию. Министры нового кабинета добровольно отказались получать оклад свыше 350 рупий. Одновременно был установлен минимум заработной платы и увеличено жалование низкооплачиваемых рабочих и служащих государственных предприятий. Впервые финансовый год закончился с превышением доходов над расходами, причем, как сообщил министр финансов Менон, свыше половины всех ассигнований было потрачено на социальные нужды. Максимальное повышение налога с прибылей и снижение до минимума налогов, взимаемых с трудящегося населения, обеспечило более справедливое распределение доходов. Полиции, которую все предыдущие правительства без всякого стеснения использовали против рабочих, демонстрантов и забастовщиков, было строго запрещено вмешиваться в конфликты между трудящимися и работодателями.

Благодаря школьной реформе нищенское жалование учителей повысилось и дети неимущих получили право бесплатно обучаться в начальной школе. Была проведена борьба с коррупцией, и даже члены партии Конгресса и предприниматели были вынуждены признать, что впервые смогли устраивать свои дела без взяток. В промышленности усилия были направлены на увеличение занятости путем расширения частных и строительства государственных предприятий. Руководствуясь принципом «земля тем, кто ее обрабатывает», правительство приняло закон, запрещающий сгонять арендаторов с участков. Подготавливалась и земельная реформа, которая ограничила бы размеры владений 15 акрами (около 6 гектаров) и тем самым исключила бы возможность господства помещиков.

В центральном правительстве были проникательные люди, отдававшие должное самоотверженной работе коммунистов в Керале. Неру отозвался о ней на одной из пресс-конференций в 1958 г.: «Многое из того, что делает правительство Кералы, — мне по душе, хотя не

все нравится в равной степени». А президент Индийского Союза доктор Раджендра Прасад заявил в Тривандраме на праздновании годовщины независимости Индии: «Все, что я увидел и узнал за время пребывания в Керале, убеждает меня в том, что вы можете с надеждой смотреть в будущее. Меня радует, что ваше правительство с энтузиазмом и с сознанием лежащей на нем ответственности подходит к стоящим перед ним проблемам. Хотя эти проблемы далеко не из простых — самая сложная из них порождена перенаселенностью штата, я уверен, что со временем вы сможете при поддержке и под руководством правительства Индии разрешить их собственными силами».

Демократические реформы правительства Кералы нашли горячую поддержку среди населения и оказали благотворное воздействие на всю жизнь штата. Но далеко не всем они были выгодны. Собственники начали разнузданную травлю правительства, вредили ему, где только могли, создавали и финансировали группы для подрывной деятельности.

С проповедями против коммунистов выступила католическая церковь, имеющая в бывших португальских владениях довольно большую паству. Убедившись, что слова бессильны, враги правительства решили свергнуть его силой. Они затеяли «поход на Тривандрам», который не был поддержан населением и кончился неудачей, предприняли покушение на министра просвещения, чтобы помешать школьной реформе. От рук убийц погибло несколько коммунистов и сочувствующих.

Подобные действия и террористические акты не могли привлечь симпатии народа, но ведь владельцы плантаций, предприниматели и спекулянты продуктами питания к этому и не стремились. Они хотели одного — любыми средствами помешать проведению реформ, вызвать беспорядки и создать в Керале такую тревожную обстановку, чтобы у центрального правительства и у правящей буржуазной партии Конгресса появился предлог распустить законодательное собрание в штате Керала и отстранить правительство от власти. И действительно, несмотря на то что при проведении всех мероприятий коммунистическое правительство исходило из конституции Индии и не в пример врагам своим

действовало совершенно законно, несмотря на то что премьер-министр Намбудирипад использовал все средства для мирного урегулирования конфликтов, центральное правительство воспользовалось выступлениями против школьной реформы и распустило правительство и законодательный орган Кералы.

О том, что этот акт центрального правительства ни в какой степени не выражал волю населения штата, свидетельствуют результаты выборов, состоявшихся в феврале 1960 г. Коммунистическая партия, выступившая с программой демократических реформ, собрала 3300 тысяч голосов — на миллион больше, чем в предыдущие выборы. Голосуя за коммунистов, народ недвусмысленно высказался за мероприятия бывшего правительства.

Ни одна из партий не могла похвастать таким блестящим результатом. И Индийский национальный конгресс, и Народно-социалистическая партия, и Мусульманская лига потеряли значительное число избирателей, тогда как процент голосов, поданных за коммунистическую партию, возрос с 35 до 43. Тогда все буржуазные партии объединились против коммунистов и, используя лазейки в избирательной системе, не дали последним сформировать правительство. Этот факт лишний раз свидетельствует об ограниченности демократии в буржуазном государстве.

Когда выезжаешь за пределы столицы Тривандрам с ее хотя и спокойным, но все же по-городскому оживленным движением, когда плывешь по живописным каналам Кералы и видишь рыбаков, детей, неутомимо резвящихся в воде, женщин, убирающих рис, тебе начинает казаться, что здесь ничто не изменилось по сравнению с прежними временами.

Но взгляды внимательнее и ты заметишь, что на многих домах висят красные флаги и что, несмотря на все препятствия, чинимые партией Конгресса, в книжных магазинах сочинения Маркса и Ленина находят многочисленных покупателей. Ты обнаружишь производственные кооперативы, где благодаря коллективному труду увеличилась производительность труда, и вечерние школы, в которых обучаются грамоте уже немолодые крестьяне.

Врата Индии

И вот мы опять в Бомбее. После 20 тысяч километров пути по пыльным дорогам, после всех лишений, по-европейски чистый город показался нам добрым старым знакомым. Немало лестных эпитетов пришлось бы употребить, чтобы по достоинству охарактеризовать Бомбей.

Он насчитывает четыре миллиона жителей и после Калькутты является вторым по величине городом Индии. Его огромная гавань, оснащенная по последнему слову техники, служит вратами, через которые непрерывно поступают в страну машины, моторы, отгружается на экспорт сырье. Это — важный промышленный центр с многочисленными хлопкообрабатывающими предприятиями и в то же время центр культуры и науки. В Бомбее имеются университет, научно-исследовательские институты, в том числе по изучению атомного ядра. Свыше 40 киностудий создали Бомбею славу киностолицы страны.

Бомбей — гордость Индии, но вряд ли найдется в Бхарате другой город, в котором было бы так мало индийского. Здесь то же смешение народов, культур, языков и архитектурных стилей, что и в любом другом порту. Кого только здесь не встретишь — арабского торговца, французского матроса, английского коммерсанта, австралийского туриста, японского фабриканта, американского банкира, советского инженера, торгового представителя ГДР, верных парижской моде франтов и людей, одетых по старинке. И все это — Бомбей, огромный, многоликий город, представляющийся то аристократически недоступным, то жизнерадостным и шаловливым, то мечтательным, то серьезным и озабоченным.

Только пальмовые рощи Бомбея, темный цвет кожи его жителей, климат да, пожалуй, лукавство торговцев выдают в нем восточный город. Все остальное — промышленность, шумное уличное движение, международный порт и подчеркнуто утилитарная архитектура с ее прямыми линиями и плоскими поверхностями — не только не похоже на Индию, но даже кажется хорошо зна-

комым и близким. На улицах нет коров, грузовых телег в воловьей упряжке и кули с тележками — их вытеснил современный городской транспорт. Женщины Бомбея, по-видимому, более эмансипированы, чем в остальной Индии. Да и не только они — все в Бомбее кажется более реалистичным, более привычным, лишенным какого-либо налета индусской мистики.

Самое приятное место в городе — Малабарский холм. Он выдается в море, его подошву омывают волны, а вершины овеивает морская бриз, благодаря чему совсем не чувствуется гнетущая духота, образующаяся внизу в котловине. Не только человеку, но и растениям дышится легче на склонах холма, и «висячие сады» Бомбея не уступают (по меньшей мере, по красоте) вавилонским садам древних.

Когда сидишь в одном из ресторанов на холме, потягивая охлажденный фруктовый лимонад (запрет на спиртные напитки действует и в этом легендарном порту), перед тобой открывается необыкновенно красивый вид на океан, на корабли, курсирующие на путях к гавани и обратно, на город, залитый по вечерам потоками сверкающих огней.

На вершине Малабарского холма живут сильные мира сего — отечественные и иностранные магнаты. Их живописные виллы расположены в глубине парков, где целый день царит тишина. Покой господствует и на улицах, лишь изредка промелькнет лимузин. И только по вечерам, когда в одном из особняков устраивают прием, появляется множество машин и людей, суетятся слуги, гремит музыка, а на следующий день все снова замирает.

Венчают холм башни молчания, населенные стаями алчных черных коршунов. Жители боязливо обходят это страшное место. Парсы, которые исповедуют зороастризм, запрещающий погребение мертвых, складывают сюда трупы на съедение коршунам.

У подножия холма пролегает Марин-драйв — неповторимо красивая набережная, темной полоской асфальта как бы отделяющая город от моря. Для нее характерны пальмовые аллеи, празднично гуляющая публика, автомобили, мчащиеся на бешеной скорости, высокие фронтоны домов без традиционных колонн и украше-

Набережная Марин-драйв в Бомбее —
вид с Малабарского холма

ний. Жить на этой улице может лишь тот, кто в состоянии платить за комнату 300—400 рупий в месяц.

Как не похожи на Марин-драйв улицы, ведущие в глубь города! словно каменные памятники прошедших времен возвышаются вдоль них высокопарные строения колониального периода. На зданиях почтамтов, учреждений, вокзалов и отелей нагромождены горы штукатурки, целые галереи колонн, масса лепных украшений. Под этими старинными тесными одеждами скрывается деловой мир — мир банков и торговых предприятий.

Что касается рабочих кварталов, то об архитектуре говорить не приходится. Они застроены убогими каменными домами, лишь кое-где достигающими высоты второго этажа, чем ближе к окраине города, тем ниже становятся строения, уступая место халупам из досок, железа и тряпок, вовсе не пригодным для жилья.

И все же, как ни жалок вид этих улиц, именно здесь, а не на Малабарском холме вершатся судьбы Индии. Рабочий класс Бомбея сыграл исключительно важную роль в общенародной освободительной борьбе. Бомбей неизменно выступал зачинщиком в том великом движении, которое в конечном итоге привело к ликвидации английского господства в Индии.

18 февраля 1946 г. в Бомбее началось восстание моряков против английского владычества. Оно стало поворотным пунктом в борьбе против иноземного ига. 19 февраля Эттли заявил в палате общин, что в Индию направляется правительственная комиссия для ведения переговоров о независимости страны. 15 августа 1947 г. Индия праздновала День независимости.

Теперь Индию не узнать. Угнетенная колония английской короны превратилась в свободную, независимую республику, которая поддерживает дружеские отношения со всеми свободолюбивыми государствами и проводит мирную внешнюю политику. Махараджи, державшиеся на штыках англичан, утратили свою власть. Сельское хозяйство избавляется от тяжелого наследия колониального периода, вступили в строй первенцы молодой государственной промышленности. Из страны аграрной Индия постепенно превращается в страну ин-

дустриальную. Мнение Индии уже сейчас имеет большой вес в международных отношениях.

Освобождение от иноземного господства явилось не конечной, а только отправной точкой для широкого развития страны. Важные социальные преобразования, продолжающиеся и по сей день, изменили ее облик.

Выросли новые города, заводы, социальные учреждения, исследовательские институты. Индийский народ очнулся от сковывавшей его летаргии, ощутил в себе огромный запас неиспользованных сил и взялся за дело с энергией, которую можно сравнить разве что только с силой течения могучего Ганга. Люди уже не ищут спасения у сомнительных прорицателей судьбы, а собственными руками творят свое будущее, составляют планы экономического развития и неустанно создают новую жизнь. Тот, кто считает, что для Индии типичен Бенарес с его обсыпанными пеплом йогами и фанатичными паломниками, опоздал на добрых 20, а то и на все 50 лет. Новая Индия гордится Бхилаи, Чандигархом и Бхакра-Нангалом, этими гигантами пятилеток, в которых воплощены труд и силы миллионов крестьян, рабочих, инженеров, ученых.

Ганг течет мимо Бенареса, Ганг течет дальше — к шахтам и заводам Бихара, к Калькутте, насчитывающей миллионы жителей, к новой жизни, к новой Индии. Страна чудес, некогда погруженная в грезы, ныне уже не грезит.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	5
Предисловие автора к русскому изданию	7
Введение	9
Путешествие в разные миры	10
Когда город меняет свой облик	16
На Чандни Чок	20
Праздник богов	30
История в камне	33
Восьмой Дели	36
Встреча с Неру	44
Горный край — яблоко раздора	49
На крутых перевалах	52
Шикары и заснеженные горы	56
Недосягаемые дали	71
В ногу с веком	74
Махараджи уходят на пенсию	80
Джайпурские впечатления	88
Махараджи на экране и кинобоги	102
Индийская свадьба	105
Многострадальный Джумбо	112
На краю пустыни Тар	115
Преимущества товарищества	125
Настоящее и прошлое	127
Экстаз на Ганге	130
Сарнатх	141
Мир Таты	142
Великая цель	153
Черные санталы	162
Университет поэтов в джунглях	167
Лал Дахо пробуждается	170
Гигант на Хугли	180
В глубь столетий	187
Встречи на дорогах	191
В лабиринте языков	199
Город на желтом побережье	202
Созревшие баядеры	206
Храмы и тоды	214
Рассказы о джунглях	219
Мыс Коморин	224
Керала	227
Врата Индии	237

Гюнтер Нерлих
...а Ганг течет дальше

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
востоковедной литературы
при Отделении исторических наук АН СССР

Редактор издательства Р. М. Солодовник
Художник А. Е. Уманцев
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректоры Е. А. Дворкина и Р. П. Ошоват

Сдано в набор 26/1 1962 г.
Подписано к печати 31V 1962 г.
Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 7,625.
Усл. п. л. 12,51 Уч.-изд. л. 12,13.
Тираж 30 000 экз. Зак. 101.
Цена 65 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, В. Кисельный пер., 4

Отпечатано с набора в типографии № 1 Госстройиздата
г. Владимир. Зак. 2025

Цена 65 коп.

СДЛ(5 ИИ)
Н-542

иВл